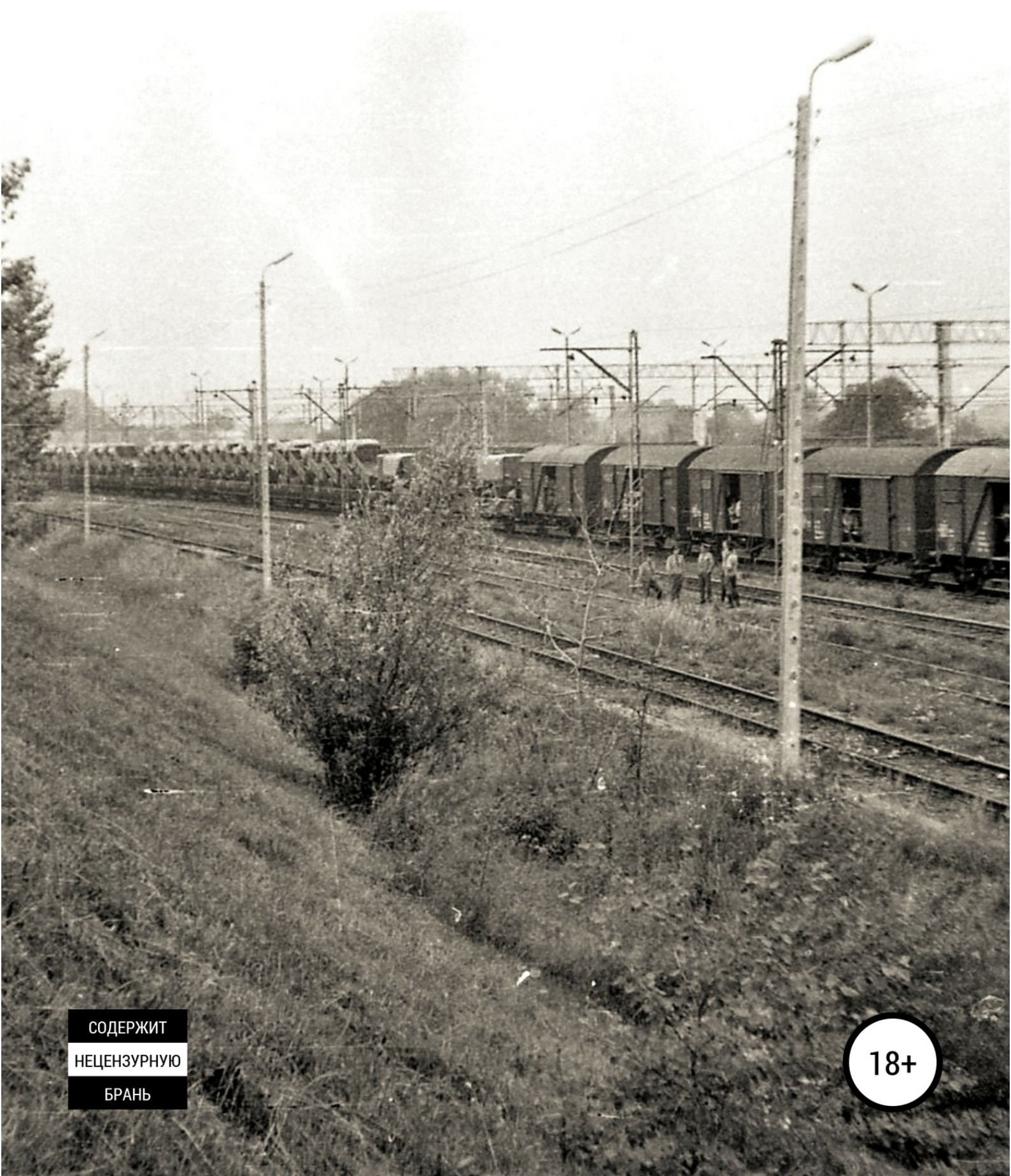

Борис Цеханович

Кто служил в армии, в цирке не смеётся

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Борис Цеханович

**Кто служил в армии, в цирке
не смеётся. Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Цеханович Б. Г.

Кто служил в армии, в цирке не смеётся. Сборник рассказов /
Б. Г. Цеханович — «ЛитРес: Самиздат», 2019

О чём вспоминают два мужика, когда-то служившие в армии, встретившись за столом? Да, как раз о том. . . . О смешных, нелепых, порой идиотских армейских эпизодах своей службы или сослуживцев, при этом тепло вспоминая службу, своих армейских товарищей и командиров. В представляемом сборнике рассказов как раз об этом, в том числе и об армейской службе. Фото обложки из личного архива автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Из сборника рассказов «Куда уехал цирк.....?»	5
Французская делегация	5
Обои	9
Ватман	13
Фонтан	15
А меня не волнует.....	17
Сварочный аппарат	22
Из сборника рассказов «Бойцы»	30
Отпуск Салаги	30
Командир взвода амфибий	38
ЧП	44
Дембеля	47
Новобранец из Москвы	60
Рядовой Пыц	66
Рядовой Кобылов Кобыл Кобылович	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Из сборника рассказов «Куда уехал цирк.....?»

Французская делегация

– Товарищи офицеры, – заместитель командующего округом требовательным взглядом оглядел строй офицеров, – сейчас идём по маршруту движения делегации и на всё, что мы тут настроили и сделали, смотрим глазами французов, чтобы всё выявленное сразу же исправить.

Сказал и пошёл, а за ним мы. Надо сказать, что за эти две недели мы честно выложились и теперь не стыдно было показать военной делегации французов кусочек российской армии. Или вернее сказать – не показать, а пустить «пыль в глаза». 1993 год, нищая страна, такая же нищая армия, которая держится исключительно на патриотизме и голом энтузиазме офицеров и солдат. Многомесячные невыплаты денежного содержания офицерам и прапорщикам... Отсутствие ГСМ и как следствие минимальная и не эффективная боевая подготовка и много, много чего другого, о чём не хотелось, чтобы знали хотя бы и французы. Я был старшим от нашего 324 мотострелкового полка, который выполнял часть своих мероприятий по показухе.

Мы медленно прошли весь маршрут и честно попытались поглядеть на всё это глазами иностранцев, совершенно далёких от наших проблем и для которых мы совсем недавно были грозным и потенциальным противником. Но всё было выполнено до точки и нам не было стыдно за проделанную работу. Чистота, порядок, что положено подкрасить – подкрашено. Заштукатурить – оштукатурено. Снег, вдоль дорог и дорожек, аккуратно и ровно подрезан. Так что – волноваться было незачем.

Сейчас был март, а летом прошлого года приезжала немецкая военная делегация. Но там показуху устраивали на учебном центре, типа – вот так у нас проходят занятия по боевой подготовке. Была и наша офицерская точка на самом краю стрельбища. Выложили полтора десятка пистолетов разных систем и мы изображали стрельбу. Надо сказать изображали практически – три дня с утра до вечера стреляли из всех видов и типов. Про «Стечкина и Макарова», я вообще не говорю. Со складов привезли два нагана – солдатский и офицерский. Солдатский несколько большего размера и после каждого выстрела курок нужно было взводить большим пальцем, а офицерский – самовзвод и более изящный, если так можно было выразиться. Маузер, кольт, вальтер какой-то, парабеллум и куча других марок. Это была точка 324 мсп. Вот уж тогда мы настрелялись. До одури. Но самое эффектное действие и фишка была в другом. Идёт немецкая делегация из двенадцати человек по центральной дороге, вдоль стрельбищ, где всё происходит в динамике. Их сопровождает генерал, с гордостью рассказывающий, что так у нас каждый день. Хотя эта была наглая ложь, но во благо... А напротив центральной вышки, через дорогу травяная поляна метров сто пятьдесят на сто пятьдесят. Даже трава самодельной газонокосилкой ровно подстрижена и само поле абсолютно ровное. А фишка в том, что на этом поле лежат замаскировавшись 100 разведчиков. И вот немцы идут, с любопытством смотрят по сторонам, а тут с воем взлетает химическая ракета, откидывается маскировка и на поле неожиданно появляются 100 солдат, с криком «Ураааааа.....» бегущих в атаку на делегацию и стреляющих на ходу холостыми патронами. Очень убедительно и эффектно. Как генерал потом рассказывал, немцы даже растерялись от неожиданности. Только что чистое поле в десять секунд заполнилось стреляющими и атакующими солдатами.

– Они чуть Хенде Хох не сделали....

До нас они тогда так и не дошли.

После контрольного прохода мы собрались в тактическом классе штаба дивизии.

– Ну что, товарищи офицеры, заметили? Какие недостатки?

Генерал смеющимся взглядом смотрел на нас, переглядывающимися между собой.

– То есть ничего... – полувопросительно и полу утвердительно произнёс он и констатировал, – что значит служите вы внизу и в политесе ни хрена не соображаете. А вот я заметил... Снег у вас грязный и чёрный. А он в представлении французов, да ещё на Урале – должен быть белым и чистым. И асфальт перед казармой раведбата? Ну..., он чистый, но серый. А он должен быть чёрным.

Командир дивизии, подспудно ожидавший охеренного недостатка, слегка расслабился и недовольно пробурчал: – Конечно, грязный. У нас за забором целая ТЭЦ стоит, весь район теплом и горячей водой обеспечивает, а топится она на уголёчке и как ветер в нашу сторону, так всё тут сажей угольной засыпает... Что от нас хотите? Уж какой есть... – командирским чутьём мигом поняв, что к утру от него потребуют чистый снег и чёрный плац.

Он не ошибся. Зам командующего многозначительно поднял указательный палец вверх и назидательно произнёс: – Вот в этом и заключается искусство и талант командира – «Находить эффективные решения в самых неожиданных ситуациях». – Сказав такую «вумную вещь», убыл в штаб округа, оставив нас искать в наших бестолковых головах это «искусство» и «талант».

Честно говоря, насчёт плаца никто особо не заморачивался. В тактическом классе сидели не зелёный лейтенанты, а служившие очень долго и видевшие очень много, поэтому решение лежало просто на поверхности. Его даже озвучить никто не успел, как поднялся со своего места толстый майор, начальник вещевого службы дивизии и, тяжело вздохнув, сказал: – Товарищ генерал-майор, ваксу разведчикам я дам. Но только пусть они мажут экономно, чтобы на весь плац хватило.

Командир дивизии удовлетворённо кивнул головой и через две минуты командир разведбата был полон генеральскими рекомендациями и пожеланиями, в дикой для сугубо гражданского человека манере. Типа – Я, товарищ подполковник, ничего не знаю. Как вы это будете делать, но завтра, в девять часов, я смотрю чёрный плац с белыми квадратами. И на нём ни одного следа от солдатского сапога....

После такого лёгкого решения, также легко созрело и второе, но уже насчёт снега. И головы всех присутствующих синхронно стали поворачиваться в сторону начальника продовольственной службы дивизии, который в отличие от толстого вещевика, наоборот был тощим и нервным. Он судорожно задёргался под нашими взглядами, совсем не желая вставать и предлагать своё видение решения этой проблемы. Хотя, после озвучки своего решения начальником вещевого службы, оно прямо напрашивалось

– Ну..., товарищ майор, я вижу вы что-то хотите сказать..., – намекающее помог комдив начпроду.

Тот обречённо встал и жалобно мякнул: – А как списывать, товарищ генерал-майор, будем?

– А точно также как вы списываете свои офигенные недостачи со складов. Вы думаете, что я ничего не знаю? Зря. Так... Я слушаю....

Начпрод глянул с немой просьбой о помощи на зам по тылу дивизии, но матёрый полковник, из племени таких же матёрых ворюг, невинно хлопал глазами и излучал уверенную непричастность к данному делу.

Тяжело вздохнув, майор убито предложил: – Могу дать две тонны муки с НЗ. Но только до следующей инвентаризации нужно как-то списать....

– Вот и хорошо. – Удовлетворился генерал, – о списании сами думайте. На то вы и учились в своём Вольском училище четыре года как....

Дальше генерал многозначительно не стал говорить, но мы автоматом про себя продолжили – **ВОРОВАТЬ**.

Следующие десять минут прошли в бурном, на высоком методическом уровне, обсуждении – Как правильно рассыпать две тонны муки. И когда две тонны правильно нужно рас-

сыпать – сейчас, вечером или рано утром? Будет ли ветер? С какой стороны? Короче, скрупулёзно были учтены все нюансы и мелочи. Даже то, что у военных ветер всегда дует в харю, как бы он не повернулся.

Когда закончили обсуждать и перед тем как отпустить всех, комдив задумчиво протянул: – Вот сейчас, товарищи офицеры, родилась очередная армейская легенда – Как снег мукой посыпали..., – и сам же первым грустно рассмеялся.

Да... Конечно. Как листву на деревьях и траву красили зелёной краской, я слышал. Самому не приходилось в таком принимать участие, но вот жёлтые листья осенью с деревьев отщипывали. Или в нашей дивизии, газон перед казармами 276 полка подстригали ножницами и безжалостно боролись с одуванчиками – газон с травой должен быть зелёным. Довольно забавно летом было видеть, как солдаты на карачках, с большими ножницами, шеренгой ползли по газону и ровненько стригли траву.

Остаток дня и вечера в разведбате был большой шухер. Весь батальон старательно наявничал сапожными щётками плац, тщательно обводя ваксой снаружи и внутри белые линии и квадраты для занятий по строевой подготовке. Но и когда плац стал аспидно-чёрным, суматоха лишь снизила накал, плавно перетекая в другую ипостась. Теперь солдаты бдительно охраняли по периметру плаца девственную черноту асфальта и до полуночи можно было слышать даже в офицерском городке истошные вопли: – Куда прёшь, лошара? Ослеп что ли чмошник?

По-моему, до домов доносились даже звучные и смачные удары. Да и после двенадцати часов по периметру плаца неумоимо маячили патрули разведчиков.

С самого раннего утра, ещё до подъёма, всё закрутилось уже теперь в пехоте. Яростно зевая, как прописано в Уставе – на ширину приклада, озверевшая пехота со всевозможными ёмкостями потянулась к машине с мукой, где раздачей распоряжался деятельный тыловой прапорщик. Тут же было чуть ли не всё командование полка и весь офицерский состав батальона, чью территорию нужно было превратить с маленькую, дикую, нетронутую цивилизацией Сибирь.

Перед тем как раздать муку, командир полка практически в танце, показал – как надо правильно, с его точки зрения, рассыпать муку именно тончайшим и равномерным слоем.

Наблюдая всё это со стороны, со своей учебной точки, я с грустью вспомнил Германию и один случай, когда на полигоне, в рядом стоявшей немецкой ракетной части, перегрузкой ракет руководил обыкновенный унтер-офицер. У нас бы на месте унтера с флажками стоял бы как минимум полковник – начальник ракетных войск и артиллерии дивизии. Так и здесь, командир полка, как бестолковый председатель херового отстающего колхоза, руководил дебильным мероприятием.

Но, тем не менее, к половине девятого всё было готово. Приехал зам командующего, поглядел, похмыкал и констатировал: – Потянет....

И всё прошло, в принципе, нормально, за исключением двух досадных моментов. Первый: не учли степень русского и широкого гостеприимства и то, что западный человек всю жизнь пил слабые алкогольные напитки – вина. На крепких они быстро сдуваются и «выпадают в осадок». Вот и здесь, французские гости долго реанимировались утром и вместо 9 часов утра, когда они должны осмотреть казармы и городок по лёгкому морозцу, их привезли пол двенадцатого дня. Когда солнышко пригрело и весело потекли по чёрному плацу звонкие мучные ручейки... И второе: хоть и было французам в том, тоскливом похмельном синдроме, плохо, но нашёлся и здесь умник, который всё-таки задал провокационный вопрос – А почему здесь снег белый, а вон там чёрный?

Командующий округа, сопровождающий и активно «вешающий лапшу» про могучую российскую армию, долго шурил глаза на предательски чёрные сугробы, на территории соседней части и ничего умного не мог сказать, лишь азартно брякнул какую-то херню, тут же сам мимолётно удивился своей буйной фантазии и повёл на следующую учебную точку.

Но и такой ответ лишь вяло удивил французских вояк. В том состоянии они бы не удивились и вышедшему из-за угла матёрому медведю с автоматом в лапах.

Обои

День был в самом разгаре. Хоть полк и был кадрированный, но работы всегда было навалом. Я сидел на грязном и замасленном обрезке бруса в цехе ПТО (пункт технического обслуживания) и с удовольствием смотрел на свою противотанковую установку. К вечеру закончу основные операции по её полной консервации и останется только перетащить в бокс и там уже окончательно заклеить люки и кое-что ещё. После чего можно было гнать в ПТО очередную установку.

Тут же, в цеху уже минут пять слонялся и капитан Зинченко с зенитного дивизиона, зажав в подмышках несколько рулонов дрянных и дешёвых обоев. Может быть, в другое время я просто скользнул бы взглядом по нему, но дело в том, что сегодня утром на разводе Зинченко сообщили о наконец-то пришедшем приказе об увольнении из Вооружённых Сил. А тут он бродит по цеху, с видимым интересом заглядывая во все бочки и ёмкости, не пропуская ни одной, каждый раз сожалеюще качая головой. Правда, в последней бочке он увидел то, что искал и с долгим, обрадованным вздохом, присел рядом со мной.

Задача, поставленная ему, была незавидная и предполагала после её окончания, в зависимости как это понравится генералу Бийскому – будет либо нравоучительная беседа в виде генеральского монолога, либо рёв опять же раненого самолюбия генерала.

Неделю назад Бийский случайно забрёл на КПП «Зелёное поле», после чего там драли всех. Начиная от капитана Зинченко, ответственного за Контрольно-Пропускной Пункт и кончая командиром полка. Драли за неухоженных дневальных, драли за бардак, за неряшливую документацию, за форму дневальных, стоявших в наряде второй месяц... Но больше всего ругали за отклеившиеся обои в комнате отдыха. Хотя по назначению она дневальными не использовалась, они уютно устроились в первой комнате, где несли службу, жили и отдыхали. Зинченко год назад сделал там неплохой ремонт, но этой весной образовалась с крыши протечка, вовремя её не устранили и угол полностью замок, откуда и свисали убого лохмотья обоев. Свисали давно, а ремонтировать было нечем. Нам зарплату месяцами задерживали, а уж про отделочные материалы службы КЭС (квартирно-эксплуатационная служба) говорить вообще не приходилось. Там числилась только одна женщина и куча погнутых солдатских кроватей на складе. Вот Бийский и поставил задачу привести комнату и сегодня в 12 часов он будет её проверять.

Вообще, зам командующего нашей армии генерал Бийский был своеобразной фигурой, вокруг деятельности которой рождалось множество весёлых армейских анекдотов.

Три дня тому назад построил он нас на Учебном центре и начал растолковывать свою очередную сумбурную идею. На дворе было лето и непонятно откуда, днём, повылазило злое комарьё. И вот над нами выются две тучи наглого и откормленного комарья. Одна туча над нами, вторая над генералом, который вальяжно прогуливался вдоль строя. У нас у каждого по березовой веточке и как только генерал поворачивался в другую сторону, так мы хлестали себя, на миг отгоняя назойливых и самоубийственно упорных комаров. А генерал ходит и ему хоть бы хны. Но на его длинном носу уже некоторое время сидел комар и жадно упивался генеральской кровью, неприлично раздувшись «по самое не хочу».

Повернувшись в очередной раз и, уловив взмахи берёзовых веточек, генерал укоризненно начал говорить: – Товарищи офицеры, где ваша офицерская выдержка? Хотя бы меня постеснялись... Вот я вижу, что у меня на носу комар сидит, но ведь веточкой не махаю, – Бийский скосил глаза и сосредоточил взгляд на раздувшимся комаре и осторожно, чтобы не спугнуть показал на него пальцем.

– Вот... пьёт гад мою кровь, но я же генерал и не позволю себе махать веточкой....

В этот момент, комар потерявший от жадности всякую меру, неожиданно лопнул и тут же умер, а крупная капля крови прокатилась по коже и застыла, повиснув на кончике носа.

– Блядь... – неожиданно озлился генерал, – я хотел похвалиться генеральской выдержкой и дать этой суке спокойно улететь, а эта скотина подвела меня и лопнула...

От злости генерал не рассчитал силу движения руки – хотел скинуть капельку крови, а вместо этого сам себе захал в нос. Ему было очень больно, даже глаза повлажнели... И только и оставалось зло выматериться.

Как-то раз, во время обеда, он неожиданно приехал в полк и непонятно зачем, помчался в парк. Дежурного не было, обедал, и генерала встретил зачуханный и грязный дневальный по парку, но браво и чётко доложил зам командующему, закончив доклад представлением: – дневальный по парку рядовой Бийский...

– Ааааа..., брат, братан..., – генерал экзальтированно бросился обнимать, ни капли не изумившегося солдата, после чего они сели на пыльное бетонное крыльцо и в течение часа, пока в парке не стали появляться офицеры, о чём-то задушевно беседовали

Запыхавшемуся зам по вооружению, прибежавшему с докладом, приказал: – Брата моего одеть, отмыть и привести в божеский вид.

Хотя, конечно, он не был его братом, а так... однофамильцем, да ещё хорошей неряхой, но теперь как генерал приезжал в полк первое, куда он ехал, это был парк, где ему представляли «подготовленного» рядового Бийского. Они обнимались, уходили в тенёчек и о чём-то оживлённо базарили, вгоняя в тихую тоску начальство. Чего там мог лишнего сболтнуть солдат?

Показные занятия на нашем караульном помещении, в декабре месяце прошлого года, вообще оставили яркий след. До сих пор мы с удовольствием делились юморными впечатлениями, рассказывая различные перипетии данного события тем, кто не участвовал в этих скачках.

В один морозный, очень морозный день, генерал Бийский как ураган ворвался в наш полк и радостно «обрадовал» сообщением, что через неделю на базе нашего караульного помещения пройдут показные занятия, в масштабе нашей армии.

Что было в эту неделю..., вспоминалось с истеричным хохотом. Справедливости ради, надо сказать, что генерал умел «закручивать». И мы закрученные до отказа закрутились и не только мы. Из захолустной полковой караулки, стоявшей на окраине военного городка, сделали приличный караульный городок, где можно было проводить занятия и инструктажи, в том числе и с караулами сопровождающие грузы на железнодорожном транспорте. Военные железнодорожники притащили целый товарный вагон, сняли колёса, протащили под всеми трубопроводами, устроили насыпь с рельсами и шпалами и водрузили туда вагон уже с колёсами. А уж начинку вагона и всё остальное делали МЫ – Офицеры. Солдат у нас не было. Это на караульном городке, на холоде и морозе. Но в караульном помещении, хоть и в тепле, было не лучше. Все помещения караулки были распределены между батальонами-дивизионами и отдельными подразделениями. И помимо несчастных караульных бодрствующих и отдыхающих смен, неприкаянно бродивших внутри, там ещё деятельно суетилось до двадцати офицеров. Красящих, подгоняющих, ремонтирующих, вставляющих, ругающихся между собой и много суетившихся – днём и ночью. Дивизион и всю артиллерию в этот момент представляли начальник артиллерии подполковник Левшин и я, командир противотанковой батареи. И нам достался центральный коридор, который мы должны были оклеить обоями и покрасить пол. Всё бы ничего: обои и краску нам дали. Слава богу, не пришлось покупать на свои скудные деньги. Но дверь караулки практически не закрывалась и от шастающих туда-сюда, в коридоре стоял банальный дубак, при котором клеить обои всё равно, что плевать против ветра.

Поэтому мы с Левшиным особо не суетились, решив поклеить их в последнюю ночь. И поклеили. Перед этим неплохо выпили и поклейка обоев прошла у нас быстро и весело. Также весело покрасили пол и долго смеялись, глядя друг на друга, потому что перед покраской мы ещё выпили, пару раз из-за этого падали на пол, вывозились в краске, но в целом всё получи-

лось неплохо. Правда, потрескивание и некое таинственное шуршание клея и подсыхающих обоев в постоянном сквозняке и холоде, внушали определённый пессимизм. Кто клеил хоть раз в жизни обои, тот знает – постоянная температура и никаких сквозняков, хотя бы в течение первых восьми часов. А тут, как только мы закончили красить пол, караулка наполнилась разного рода проверяющими, начиная командованием полка и кончая комдивом. Потом приехали из штаба армии, до генерала Бийского – тоже что-то проверяли и нервно готовились к показательным занятиям, штабные клерки. Потом сам Бийский, шастал туда-сюда со своей свитой и не только в коридоре, но и во всей караулке стоял качественный холод. И вот в этой обстановке обои грозили отклеиться и рухнуть, хотя бы и на генерала.

Мы с начартом нервничали и от этого гораздо чаще тайком прикладывались к бутылке, заныканной в сушилке. А когда занятия начались, нам уже было всё равно и из сушилки, в дверную щель с азартом наблюдали, как обои потихоньку стали отклеиваться от верха и вот-вот грозились целыми пластами упасть на строй начальников штабов частей армии, для которых и проводились занятия. Ну, и заодно на генерала Бийского, не глядя тыкающего во всё в караулке и грозно вещающего – Так должно быть у всех. Через неделю приеду и проверю... с орг. выводами...

Но бог на свете всё-таки был. И обои выдержали. Выдержали ещё полчаса, когда занятия закончились и довольный генерал Бийский опять собрал нас всех в коридоре караулки.

– Что ж, товарищи офицеры, занятие, я считаю, прошло плодотворно. И завтра я проведу ещё одно занятие, с другой категорией. И мне бы хотелось к этому занятию кое-что изменить....

Дальше генерал стал водить офицеров по закреплённым за ними помещениям и ни капли не сомневаясь, на отремонтированных и покрашенных дверях, смело и жирно рисовал то, что он ЖЕЛАЛ увидеть. Слава богу, он не видел вытянувшихся в удивлении лиц самих офицеров. И вот когда двери караулки за ним захлопнулись – обои разом и с шумом отклеились и упали на офицеров, стоявших в коридоре, мигом укутав их в бумажный саван.

Смех стоял гомерический. Но смех смехом, а к следующему утру всем нужно всё восстановить и исполнить пожелания Бийского.

Дальше был совсем концерт. Обои были сырые, и расползались под руками. Клеить их было бессмысленно и мы решили их банально прибить, закрепив верх обоев деревянным плинтусом. Но и они не держали, так как стена была сильно кривой и плинтус действовал лишь точно, а не прижимал всей поверхностью верх обоев. Но и тут мы не расстроились. Разодрали на полоски солдатское одеяло, по ширине плинтусов и только таким образом сумели надёжно прижать верх обоев под потолком. А потом просто прибили обои к стене гвоздями с широкими шляпками. Да..., пошло оно всё на х...й После чего всё это хорошо обмыли. Видать обмыли хорошо, так как на следующий день хоть они и не приклеились, держались надёжно. Конечно, Бийский с минуту разглядывал наше творчество, загадочно поглядывая на нас, таинственно сопел, но ругаться не стал. А уж весной, в тёплое время, полк сделал качественный ремонт караульного помещения, безжалостно содрав наши обои.

Всё это я вспомнил, пока Володя устраивался около меня.

– Ты чего тут слоняешься? Тебе же приказ пришёл... Ты теперь свободный человек в отличие от всех нас...

– Ааа..., вот последнее дело сделаю и тогда, Боря – ВСЁ.

Поняв, про какое последнее дело он сказал, с сочувствием поглядел на товарища: – Ты же не успеешь. До срока остался один час и Бийский на тебе оторвётся. И на хрен тебе это нужно напоследок нервы трепать?

Володя по характеру был мягким человеком, управляемым и в какой-то степени безответным. Но сейчас он воинственно потряс дешёвенькими обоими: – Я за эти обои чуть с женой не разодрался. Помнишь, в прошлом году мы три месяца без зарплаты просидели. Блядь..., ебан... президент. Пьянь... Свою армию содержать не может. – Со злобой вырвалось

у Володи, – так вот. Тогда мы с женой решили обновить в большой комнате обои. Еле денег наскребли, ужали себя во всём и купили самые дешёвые обои. Только чтобы хотя бы освежить стены. А тут Бийский – Почему КПП «Зелёное поле» в таком не приглядном виде? Срочно привести в порядок.... А то всех вас тут... Ну, что ж, пришлось часть обоев забрать с дома и поклеить их там. Ох... и скандал дома был. Вот сейчас я этой суке отомщу. Я ему поклею обои....

Володя поутих немного помолчал и продолжил: – А так успею. Я вон в той бочке солидол нашёл. Сейчас его наберу, намажу на стены и посажу на него обои...

– Да ты что, Володя? – Ужаснулся я, – они ж промаслятся...

– За двадцать минут не успеют, а там я его на х... пошлю.

Посидев ещё минут десять и сказав мне – Пора, Володя набрал солидола и ушёл.

Как он спланировал, так и сделал – только на х... всё-таки не послал. Духу не хватило. А так выслушал доброжелательно бормотание генерала: – Ну.., вот можете, товарищ капитан, работать. Теперь я буду вас периодически драть, чтобы вы....

Через час, после того как уехал генерал, а Володя пустил фуражку колесом по плацу и всё-таки со злой экспрессией проорал: – Да пошло оно всё на Х....., – солидол пропитал не только обои, но и штукатурку с кирпичными стенами. Ещё через месяц генерал жалобно скулил, глядя на это блядство на КПП, но никого не ругал. Потом..., уже спокойно солидол выжгли паяльными лампами, по приказу генерала выделили фонды и КПП хорошо отремонтировали.

Ватман

– Да..., кстати..., Цеханович, а ты заклеил размороженный двигатель своего ЗИЛа? – Командир требовательно направил солидной толщины, красный карандаш в мою сторону.

– Так точно, товарищ подполковник, – браво вскочил я со своего места.

– Мне докладывал зам по вооружению, что ты его плохо заклеил. Льётся всё оттуда.

– Да, товарищ подполковник, лилось. Но уже больше не льётся, – бодро отрапортовал.

– Значит отремонтировал? А не врёшь, товарищ капитан?

– Не отремонтировал, товарищ подполковник, но и не вру, – не моргнув глазом и продолжая бодро докладывать, – передал этот ЗИЛок размороженный в Елань. При сдаче незаметно доливал и спулил им.

– Во..., учитеесь, пехота, – обрадовался командир, – учитеесь у артиллеристов, как обманывать. А то – Что делать, товарищ подполковник? Что делать? Вас там, в батальоне, аж шесть офицеров и все с высшим образованием – вот и думайте. Начальник штаба дивизиона Фомищев, не бегал перед проверкой к командиру полка, а взял и слепил с пластилина недостающий крюк и покрасил. И неважно, что проверяющий на этот пластилин облокотился и чуть не упал. Молодец, с юмором всё воспринял и четвёрку получили за технику.

– Всё базар закончили. БТР на парад идёт, что хотите с дырой, то и делайте, а завтра последняя ночная тренировка....

....В боксе делать было нечего и, скользнув взглядом через открытую дверь, по стоящим на длительном хранении противотанковым установкам, даже не переступая порога, закрыл дверь и отправился к группе офицеров, сгрудившимся вокруг покалеченного парадного БТРа. Вчера, при неудачном развороте около мойки такое же парадное БМП с ходу въехала в зад бронированной машины и там теперь зияла огромная, рваная дыра. Хорошо хоть баки и ничего другого не повредила. Вот теперь и обсуждали офицеры – Что делать?

– Ну, что артиллерия думаешь? – Галдежом встретила меня пехота.

– А что думать – прыгать надо..., – ответил словами известного анекдота.

– А всё-таки...?

– Заклейте ватманом и покрасьте. Кто там с трибуны разглядит....

– Да у нас примерно такая же мысль родилась....

На следующий день ничего не говорило о дефекте бронированной машины. Командир полка в вечерней полутьме недоверчиво обошёл по кругу БТР и вопросительно воззрился на командира батальона: – Ты что, другой БТР выгнал?

Услышав ответ, удивлённо приподнял брови и по-командирски мудро изрёк: – Ну и правильно....

После благополучно завершения парада, БТР был загнан в бокс и поставлен на длительное хранение. А ещё через полгода поступила команда с Министерства обороны – часть БТРов, в том числе и с нашего полка, отогнать в Чечню и передать их там. Так как солдат у нас было совсем мало, был назначен офицерский караул. В число коего попал и я, что мною было воспринято с удовольствием и предполагало запоминающееся путешествие через половину страны и массу новых впечатлений. Но как всегда это бывает, в последние дни перед отправкой, меня заменили, вследствие недалёкого полевого выхода артиллерии в летние лагеря. Чёрт побери. Вместо меня назначили офицера-мотострелка и я с завистью поглядел вслед уходящему эшелону.

А когда они вернулись через пару недель из командировки и рассказали подробности, я только с досады и плюнул, а потом ещё и перематерился. До Чечни они катили неделю, неспешно и спокойно. Самое интересное было в Чечне. Только заехал эшелон в Чечню, как

они говорят: – Километров двадцать наверно проехали и эшелон остановился прямо по середине здорового поля.....

Со всех сторон, одновременно выехало куча легковых и грузовых машин, откуда выскочило до сотни вооружённых до зубов людей, мигом окружившие весь эшелон. Мы тоже «не шилом шиты» – заняли оборону, а начальник караула из тамбура стал кричать старшего этих людей. Выходит здоровый и красивый чеченец, весь обвешанный оружием, и говорит, что он старший и он будет принимать наш эшелон. И что у него есть все, какие положено документы от Министерства обороны и он готов их показать, только пусть его допустят в вагон.

Допустили и он выкладывает все свои документы, доверенности, приказ по Министерству обороны о передаче.... и массу других подтверждающих бумаг, в том числе все заверенные бумаги и той части, в адрес которой шёл эшелон с техникой. И даже сама печать этой воинской части.

– Вы, товарищ майор, не беспокойтесь. Мы сейчас у вас принимаем эшелон, подписываем все какие положено бумаги. А дальше сами туда погоним.

– А ЗИПы, а комплектность... ведь это всё нужно передать, проверить, пересчитать..., – неуверенно заикнулся начальник караула.

– Вот мы всё здесь и подпишем, печать приложим. Мы русским офицерам доверяем. Только показывайте, где надо подпись ставить.

В течение последующих двух часов в вагоне кипела работа. Начкар вытащил все подготовленные передаточные ведомости и акты на каждую единицу. Подписывали, ставили печать и дальше подписывали. Всё эти два часа остальные офицеры лежали на платформах и держали под прицелом окруживших эшелон чеченцев. Хотя, что там? По два магазина на автомат... Пять минут стрельбы... Если не меньше. Но те и не дёргались, дисциплинированно держались на расстоянии, перемещаясь по периметру окружения.

Главный чеченец с облегчённым вздохом откинулся от стола, затряс правой рукой и засмеялся: – В жизни столько подписей не ставил....

Потом показался в проёме дверей, отдал на чеченском языке команду и от дороги, проходящей вдалеке, отделился автобус. Проехав на середину поля, автобус остановился и оттуда стали что-то вытаскивать.

А главарь вернулся к начкару и разъяснил дальнейшее: – Ну, всё, товарищ майор, спасибо. Сейчас выгружаетесь на поле и идёте к автобусу. Там стоят столы, покушаете, попьёте и в автобус. Он вас отвезёт в Моздок на вокзал.

Действительно, у автобуса стояли хорошо накрытые столы, где помимо чеченской мясной шурпы, стояли салаты и другие обильные закуски. Тут же, в отдельном ящике была и неплохая водка. Перекусив и слегка выпив, забрав оставшуюся закуску, офицерский караул на автобусе выехал в Моздок, а оттуда в Екатеринбург.

– Во..., будут ругаться, когда увидят заклеенную ватманом броню, – рассмеялся в конце рассказчик.

Конечно, офицеры переживали. Передали эшелон в руки вооружённых людей, хоть и были все бумаги. Но никто и ничего не сказал. Бумаги были приняты, а через несколько месяцев началась первая Чечня. И наш полк в одном из боёв подбил БТР нашего полка из того эшелона.

Фонтан

Комбат вернулся от командира полка и, усевшись на соседнюю кровать, сразу стал ставить задачу: – Боря, после обеда берёшь машину и едешь на учебный центр. Найдёшь начальника учебного центра и получаешь от него задачу. А с завтрашнего дня начнёшь её выполнять.

Я насторожился, потому что предстоящая, непонятная задача предполагала определённые, такие же непонятные, хлопоты. А я настроился эти полтора месяца плодотворно позаниматься со взводом и подтянуть молодых бойцов до хорошего уровня. Да и в лагерях помимо интенсивных занятий можно было неплохо и отдохнуть. А тут какая-то фигня....

– Комбат, хоть что за задача?

Капитан Чистяков был не в настроение, поэтому нехотя стал цедить сквозь зубы: – Да командир..., злой как чёрт с учебного центра вернулся... Короче..., начальник центра не дал..., вернее необходимые документы, разрешающие лагерь и боевые стрельбы подпишет, только после того как наш арт. полк выделит ему взвод для строительства....

– Товарищ капитан, да какой из меня строитель? – Возопил я, – я ведь кроме окопов ничего строить не умею...

– Вот и будешь строить окоп. Только очень большой, – наконец-то улыбнулся командир батареи и добавил, – командир полка приказал тебя туда поставить.

Блин! На учебном центре я быстро нашёл начальника, которым оказался кругленький, деятельный, пышущий неуёмной энергией майором. Окинув меня быстрым взглядом, он был удовлетворён – я ему понравился.

– Товарищ прапорщик, пойдёмте со мной. Как тебя зовут? Боря! Ну и отлично. Пошли, Боря.

Через три минуты мы стояли на пустой площадке, между одноэтажным, щитовым штабом центра, такой же щитовой солдатской столовой. Вокруг площадки ещё стояло несколько пустых казарм и разные другие сооружения, типа летнего клуба и небольшого парка для техники.

– Вот тут, Боря, мы с тобой через двадцать дней должны смотреть на фонтан, – дальше пошёл бредовый рассказ про огромный в двадцать метров диаметром фонтан, глубиной около полутора метра...

– Так чтоб, когда жарко можно было купануться... Да, посередине фонтана импровизированный остров из камней, где стоят фигуры двух лебедей – чёрного и белого...

– Что..., лебедей я тоже должен слепить? – Спросил с возмущением и готовый тут же идти в немедленный отказ.

– А ты что, можешь лепить? – В голосе чересчур энергичного майора мигом прорезалась надежда, но услышав мой протестующий ответ, надежда угасла, – ну..., значит это не твоя проблема. Вот такая у нас задача на эти двадцать дней. Я даже разрешу тебе первым купануться...

Унывать я не стал и с присущей мне добросовестностью окунулся в работу, чем приятно удивил майора и мы быстро сблизились. Я даже с удовольствием работал, руководя строительством, а чуть ли не каждый день, после обеда, начальник центра зазывал меня к себе в кабинет и мы за неспешной беседой усугубляли водчонку, следуя принципу – мера и время.

Майор оказался открытым и приятным собеседником и уже через три дня, разоткровенничался и раскрыл подоплёку строительства фонтана. Приехал он из Союза буквально два месяца назад. Поняв, что попал в дыру, хоть и европейскую (как никак до ближайшего приличного города было тоже прилично), решил отсюда вырваться. Переговорил с кем-то из знакомых, сидящим в вышестоящем штабе, и тот ему посоветывал.

– Значит так, Алексей Иванович, через месяц к тебе по плану на учебный центр должен приехать Главнокомандующий Группы Советских войск в Германии. Если ты там прогнёшься, то я сумею тебя оттуда двинуть в одно хорошее место. Всё как ты хочешь – уютный немецкий городишко, рядом с крупным городом, да и должность тоже будет уютная и не пыльная. И ты при месте, и я тобой не забыт. А теперь даю тебе наводку – Командующий любит лебедей. Белых и Чёрных. Особенно плавающих. Ты человек с фантазией. Вот и думай – Как всё это обыграть. Если сумеешь – мы с тобой «на коне».

– Вот и родилась у меня эта идея, – Алексей Иванович смачно захрустел огурцом и плеснул водки по стаканам. – Решил построить фонтан. Им удивить Командующего. Говорят, когда он последний раз тут был, очень недовольный оказался – Скучно, говорит, у вас тут. А я раз и фонтан. А в фонтане лебеди плавают. Ты, Боря, фонтан строишь. Я лебедями занимаюсь... Сержантик тут у меня есть – он мне слепит лебедей на острове.

Как бы были у меня определённые сомнения насчёт сроков в двадцать дней. Но, к великому моему удивлению, через двадцать дней, под отеческим и ревнивым взглядом Алексея Ивановича, я плыл пофыркивая по готовому фонтану.

Правда, уже в кабинете, где мы выпили за успешный пуск фонтана, довольство быстро сменилось озабоченностью на лице майора: – Блядь! Боря, лебедей в Германии полно. Белых. Чёрного не могу найти. А Командующий через три дня приедет. Где взять? Всех своих уже озаботил...

Через три дня приехал Командующий, осмотрел учебный центр, а через неделю, Алексей Иванович, убыл обратно в Союз к старому месту службы. Прогнулся майор, но не в ту сторону.

Когда Командующий увидел приличный фонтан, он был приятно удивлён. Ещё больше восхитился, увидев плавающую пару лебедей. Белого и чёрного. А восхитившись, решил их покормить. Пока адъютант бегал в солдатскую столовую за хлебом, Алексей Иванович, прямо млел от похвалы генерала армии и тихо бляел, рассказывая о великой любви к этим большим и изящным птицам.

– Гули, гули, гули... – ласково и призывно позвал к себе лебедей главнокомандующий, протягивая в руке хлеб. И лебеди безбоязненно поплыли к доброму дяде-генералу и, умиленно улыбающейся за его спиной свите. Активно проплыв пару метров, птицы как будто наткнулись на невидимую стену, бесполезно закрутились на месте, но ни на миллиметр не продвигались вперёд. Бурлила вода, птицы пытались приблизиться, но всё равно крутились на месте.

– Что за чертовщина? – Главнокомандующий с недоумением оглянулся на свиту и адъютант, послушно обежав по периметру фонтана, взгляделся в воду и браво доложил.

– Товарищ генерал армии, они привязаны к танковому тракту.

– Не понял! – Генерал гневно повернулся к майору, – Это что за издевательство над птицами. Отвязать.

И Алексей Иванович лично ринулся в воду. И может быть на этом всё бы и закончилось для майора. Ну, по хмурился бы командующий или посмеялся над излишней инициативой. А майор виновато бы заявил – Боялся, что улетят... Отругал бы или пожурил. Но когда освобождённые птицы подплыли к дающей руке – начальствующий рёв был грозен и беспощаден. Чёрный лебедь был не чёрным. Он был белым и накануне покрашен чёрной нитрокраской.

А меня не волнует....

– А меня не волнует, товарищ капитан, как вы это выполните, – командир полка сделал многозначительную паузу и веско продолжил, – но утром, в 9 часов, я смотрю детскую площадку в городке на вашей территории... В комплекте... А потом... – дальше подполковник Кривулькин несколькими яркими мазками, с видимым удовольствием, каламбурно обрисовал, что будет если площадки не будет....

В принципе, на этой оптимистической и многообещающей ноте полковое совещание и закончилось. Командир полка вышел через боковую дверь из тактического класса, а следом на выход потянулись командиры подразделений. Кто шёл озабоченный нарезанными задачами, которые как всегда получали на ночь. Тем более на эту, так как завтра Командующий округа посещал городок с проверкой. А кто избежал сегодня этой участи, весело подтрунивали над капитаном Князевым, у которого была особенная задача. Ему за ночь надо было построить, возвести неведомо как, детскую площадку перед жилым домом на закреплённой территории и завтра её будут показывать комиссии округа. А у Князева даже гнутаго гвоздя не было.

Ну..., гвозди конечно были. Командир третьей батареи считался нормальным и хозяйственным командиром. Но вот материала – ни дощечки. Да и времени тоже. Но все были уверены – Князь выкрутится. И площадка будет и ещё посмеётся над командиром.

Так оно и получилось. В 9:00 капитан Князев представлял командиру полка на закреплённой территории детскую площадку.

Кривулькин молча, с непроницаемым лицом, лишь посверкивая маленькими и злыми глазами, обошёл небольшую территорию, где живописно были разбросаны стандартные атрибуты советского детства, годиков так на 4-6. Удовлетворённо хмыкнул, ещё раз окидывая типовую детскую беседку, деревянный автомобильчик, карикатурно похожий на первые автомобили советского времени, песочница с неизменным грибок посередине, качели с верёвками, качели-качалки и даже компактную металлическую карусельку на четыре маленьких человека. Потом снова посмотрел на пустую песочницу и вопросительно оглянулся на командира батареи.

– Сейчас и песок будет, товарищ подполковник, – Князев недовольно нахмурился и глянул на часы и заверил командира, – через десять минут песок будет.

Ну..., немножко ошибся. Песок появился через три минуты из-за угла дома в виде цепочки солдат третьей батареи, трудолюбиво тащивших пятнадцать мешков с песком и тут же при командире полка, заполнив песочницу. Конечно, не обошлось без небольшого конфуза, так как из мешков, вместе с сухим песком, посыпались окурки и сверкнула мимолётно-стеклянной искрой водочная бутылка. Но суровый взгляд Князева и окурки вместе с бутылкой тут же исчезли.

Скупно похвалив командира батареи, Кривулькин удалился для проверки других мест, куда вполне возможно придёт Командующий со своими клерками.

И вроде бы всё было готово и все слабости Командующего известны, и сценарий проверки, и маршрут движения... Но все были всё равно оттраханы... Вернее командный состав полка, как представляющий свои места и территории.

Первая неприятность случилась в казарме первого дивизиона. У любого военного человека, тем более у командира, были свои «тараканы в голове». И чем выше пост, тем эти тараканы становились более причудливыми и вычурными, а о самих ситуациях потом с воодушевлением и с некой гордостью за своего командира рассказывали другим.

Так Командующий округом питал большую нелюбовь к гвоздям, торчавшим отовсюду. Непонятно – Почему? То ли в далёком детстве больно сел задницей на гвоздь, то ли будучи зелёным лейтенантом вдрызг порвал шикарные галифе, то ли.... Ну..., короче, не любил он

эти гвозди. И, зная об этом бзике, командиры и начальники всех рангов, перед посещением Командующего сами лично проверяли стены казарм, табуретки, мебель и всё то, откуда могли нагло торчать данные скобяные изделия. Так и сейчас стены казармы были гладкие и являли начальственному взгляду только чёрные выключатели, белые и ненужные розетки. И армейские табуретки тоже стояли ровными рядами, всем своим видом показывая, что они как в древности сделаны и слеплены без единой железной детали, то бишь гвоздя и держались исключительно только благодаря многочисленным слоям краски.

Командующий хмурился, не находя привычной причины для начала показательного разноса, но крепился, понимая, что разнос просто необходим и причина всё равно найдётся. А то как-то не совсем хорошо получается – Командующий был и никого не поимел. Как будто и не работал совсем. Непорядок... Но порядок был везде, куда не ложился начальственный взгляд. Что толкнуло Командующего проверить первую попавшуюся солдатскую тумбочку!? Тумбочка, как тумбочка. И все были уверены, что там порядок и комплект. Но когда генерал-полковник распахнул дверцу, то чуть не задохнулся от радости. Вот он... И не просто гвоздь, а гвоздище, сто пятидесяти миллиметровый, которым петля тонкой дверцы тумбочки была насмерть и нагло приколочена, и сам гвоздь нахально, грубо и вызывающе загнут под непонятным углом.

– Ааааа...., аааа...., аааа...., – эти радостные «ааааа...»... Вот чем можно удивить военного человека, тем более прослужившего много лет. По-моему вся армия всегда прикручивала перед смотрами мыльницы с мылом в тумбочках. Приклеивали зубные пасты и зубные щётки. Делали и другое. Может сугубо гражданскому люду это и покажется ущербным и тупым, но это было для нас банальным и никто не чувствовал себя тупым солдафоном.

Но тем не менее, именно горячие слова о тупости и бездарности прозвучали не из уст гражданского, а Командующего, который в молодые лейтенантские годы, сам проделывал ещё и не такие штучки. Но Командующий оказался в своей начальственной стихии и летел на всех парах по накатанной колее. Наконец-то он почувствовал себя на своём месте и проверка началась по-настоящему.

За этот гвоздь был жестоко отруган командир полка, потом командир дивизиона майор Безсмельницын, вытянувшийся в струнку. Потом..., потом... Все расселись по УАЗикам и «Волгам» и поехали в парк, хотя можно было зайти и через тыльную калитку.

Здесь произошёл другой армейский анекдот и сексуально пострадал уже зампотех полка и всё последующее негодование вылилось опять на командира. Перед Контрольно-Техническим Пунктом давно уже был наведён порядок и никто не ожидал приезда Командующего именно с этой стороны. Дежурный по парку с дневальными находился на своём месте и балдели в последние минуты покоя, а несколько солдат, наводившие порядок перед главными воротами и переездом через ж\д пути, сидели на аккуратном брёвнышке под забором и беззаботно курили. И вот в этот момент здесь и проявился зампотех подполковник Лискер Александр Петрович. Был он уже в возрасте и в свои сорок четыре года выглядел гораздо старше, почти стариком, отчего у него была в полку кликуха – Ляксандр Петрович.

И вот Ляксандр Петрович, донельзя закрученный предстоящей проверкой, неслышно возник, как призрак Гамлета, перед КТП, и, увидев сидевших без дела солдат, с руганью накинулся на дежурного по парку.

– Сидишь тут..., жопу греешь, а у тебя перед КТП дорога совершенно не подметена....

– Товарищ подполковник, да её только что закончили подметать..., – начал оправдываться дежурный по парку, но разъярённый зампотех и так задёрганный, разразился руганью и бросился к солдатам. Неожиданно выхватил метлу и стал интенсивно мести уже чистую дорогу и зло, во весь голос приговаривать.

– Вот..., вот так..., вот так... так... Видишь? Вот теперь чисто, – зампотех, неожиданно для себя, увлёкся маханьем метлой и клубами пыли вокруг себя, не заметив, как упруго вско-

чили солдаты с бревна и вытянулись в струнку. На крыльцо выскочил дежурный и мялся, поджидая, когда «Волга» Командующего подъедет к воротам, чтобы там и представиться.

А машина Командующего остановилась в десяти метрах, от старательно метущего Ляксандра Петровича и он сам, через опущенное стекло с любопытством наблюдал за наведением порядка, периодически поглядывая то на солдат, то обратно на подполковника. А Ляксандр Петрович, забыв про всё, отдался таким простым, незамысловатым движениям, когда не надо принимать ежеминутно решения или ожидать этого, вечно недовольного Командующего.

Вспотел, на голове развязалась шапка и одно ухо задралось кверху, а второе в сторону, отчего он стал похож на классического деда Щукаря и его старческая внешность только усилила это впечатление. А тут вдруг увидел машину Командующего, около которой стоял со злым лицом командир полка. За ней виднелись ещё машины командования дивизии и свиты Командующего.

Ляксандр Петрович браво подошёл к машине и, приложив к расхристанному головному убору руку, доложил: – Заместитель командира полка по технической части подполковник Лискер. – И не удержавшись, вытер потный лоб, благодушно, совсем по-деревенски, добавив, – порядок наводил, товарищ Командующий.....

Командующий поглядел из окна снизу-вверх на зампотеха, отчего командир полка болезненно сморщился, ожидая новой порции начальственного гнева. Но генерал-полковник обернулся назад и спокойно приказал адъютанту.

– Подполковника арестовать на сутки и на гауптвахту, за неумение организовать наведения порядка.

Первым делом, куда сунулся командующий, как будто он знал – были ящики с песком противопожарных щитов. Ящики были пусты, лишь на дне валялось несколько окурков и нагло поблёскивала пустая бутылка из-под водки. Такая же картина была и в следующих противопожарных щитах, лишь у бокса капитана Князева ящики были полны песком.

– Кто командир? – Поинтересовался Командующий.

– Командир третьей батареи капитан Князев, – доложил нейтральным тоном командир полка, которого прямо там, у всех пустых ящиков и драли, а он наливался яростной злостью, теперь прекрасно понимая откуда песочек приплыл на детскую площадку.

– Ну..., Князев..., ну погоди.

И эта мысль грела подполковника всё остальное время, пока его ругали уже за другое и уже в солдатской столовой. Он механически кивал головой, соглашался со всеми обвинениями, также не вдумываясь отвечал на вопросы Командующего, а сам прикидывал как он, на высоком методическом уровне, отдерёт обнаглевшего капитана.

Но эти сладкие мысли о командирской мести нарушил член военного совета, который вернулся с проверки военного городка и доложивший о бардаке в городке.

– Но..., товарищ генерал-полковник, единственно, что мне понравилось – это детская площадка на территории, закреплённой за артиллерийским полком. Там капитан Князев старший. Молодец капитан – порядок, всё чистенько, аккуратно. Больше всего удивился чистоте песка. Толковый капитан и толково рассказал, как строил этот детский городочек, как собирал его по дощечке и как он за ним следит.

– Товарищ Кривулькин, – повернулся к командиру член военного совета, – как вы характеризуете капитана Князева?

И опять пришлось подполковнику, засунуть свою командирскую гордость «по самое не балуй» и охарактеризовать капитана исключительно положительно, следуя извечному армейскому сценарию, где кто не влетел – герой.

– Подайте его на поощрения в округ, – удовлетворился ответом член военного совета.

И командиру полка только и оставалось ответить с показательно бодреньким видом –
Есть!

Окружная комиссия, удовлетворённая проведённой работой, выявленными недостатками, а также работой и выводами по устранению этих недостатков, ощущая дополнительное удовлетворение своевременностью выявления недостатков, справедливо считая, что если бы они не были выявлены – боевая готовность округа была бы подорвана в корне.

Хотя стоявшие в строю командиры подразделений, штаб и управление полка, а также сам командир полка, справедливо считали, что выявленные недостатки не стоили и выеденного яйца.

Но командира отодрали, зампотеха посадили на сутки и теперь всё это действие вступило в новую фазу под названием – Разбор полётов или раздача «подарков». Где теперь командир будет драть стоявших ниже, с чувством исполняя командирское соло.

А пока Кривулькин ходил вдоль офицерского строя «аки тигра», хищно поблёскивая маленькими глазками и периодически выдвигая вперёд челюсть, что было явным признаком – командир выбирает жертву.

В это время, потенциальные жертвы, командиры подразделения и штабные офицеры, даже переставали дышать в строю и отводили глаза, когда командирский взгляд жёстко пробежал по строю. Лишь начальник разведки полка, майор Проскурнин, подхалим и подлиза – преданно и открыто глядел на командира, всем своим видом показывая – Порву любого, товарищ подполковник, только покажите....

Вот из-за этого открыто, подхалимского взгляда он и стал первой жертвой, на которой командир оторвался «по полной» и на майора, было даже жалко смотреть. А тот только не скулил, всем своим несчастным видом, вопрошая к небесам – За ЧТОООО?

Но ничего...., майор проглотит и этот разнос и дальше будет преданно «шестерить» для командира.

После начальника разведки, ну... очень горячий «разбор полётов» тяжеленным асфальтовым катком прошёлся по командиру первого дивизиона, где всем остальным было ярко и сочно рассказано про дёрганье командирской задницей всех гвоздей, из всех солдатских тумбочек, табуреток..., стен..., пола... Дальше командира вообще занесло хрен его знает куда. Отчего он сам в удивлении замолчал, раздумывая, как оттуда выбраться. Но думал недолго и тяжело обрушился на кафедру зампотеха, где каждый, до последнего прапорщика, был обсосан индивидуально. Досталось и зампотеху, который в этот момент маялся в офицерской камере гауптвахты. Вспомнил и про отсутствующий песок в противопожарных щитах, но уже так... Для порядка, всё это время хищно поглядывая на капитана Князева, которого он готовил, так сказать, на десерт. И кружил, и петлял вокруг него, обставляя красными флажками, но пока никак не мог понять за что его уцепить и уцепить красиво и так.... – Надёжно. Как-никак, но командир третьей батареи был единственным Героем и светлым пятном этой проверки. Тем более его нужно было представить на поощрение в округ.

Вот и крутил словесные петли вокруг капитана. Конечно, командир мог и не рассказывать об итогах проверки. Офицеры и так знали все подробности, но вот в интерпретации Кривулькина, в гипертрофированной интерпретации, вся ситуация гляделась под другим углом, имела свою интригу и глубинные движения. И сейчас все, в том числе оттраханые и получившие свою дозу начальственной энергетики, с интересом ожидали развития ситуации. Так сказать развязки, когда «висевшее на стене ружьё» наконец-то стрельнет. И стрельнет громко....

И это случилось – оно стрельнуло. Дверь штаба полка открылась и сзади командира возникла несчастная фигура дежурного по полку. Несчастливого, оттого что это был дежурный «мальчик для битья» и человек, который приносит «чёрные» вести и который первый попал под раздачу за эту «чёрную весть» и за то, что он её принёс. Вот и сейчас, он за командирской спиной, гримасничал лицом, как бы говорил – Парни извините... Я не причём.... Она сама разделась....

Но дежурный мигом преобразился, на обернувшегося командира и браво, чуть ли не на весь плац, стал докладывать: – Товарищ подполковник, с центрального КПП позвонили. Там приехала милиция и директор одного из детских садиков. Хотят встречи с вами. Что доложить?

Командир аж лицом посветлел от мгновенно сложившейся картинке: – Ааааа..., ааааа..., товарищ капитан....

Наверно об этом в полку не знало только два человека – командир полка и майор Проскурнин, а так бы командир узнал бы в числе первых.

– Аааааа....., аааааа....., – эта буква в торжествующем крике тянулась и тянулась до бесконечности, что сначала у офицеров возникла некая гордость, что командир запросто перепойт в этой ноте любого оперного тенора, даже итальянского. Потом, появилось лёгкое беспокойство затянувшимся криком – Может у него что-то там заклинило? Потом все в лёгкой панике стали поглядывать на капитана, начальника медицинской службы, который уже проталкивался в первые ряды штабных офицеров. И тут воздух в здоровых командирских лёгких закончился, потом такой же эффектный вздох, когда лёгкие мгновенно заполнились воздухом чуть ли не с половины плаца и командир зловещим тоном приказал: – Товарищ капитан, выйти из строя! Вот сюда..., рядом со мной. Чтоб все видели. – И пальцем ткнул в кусочек чистого асфальта справа от себя.

Князев чётко вышел из строя и замер на указанном месте.

Дождавшись выполнения приказа, командир загадочным тоном задал вопрос: – Товарищ капитан, доложите – Какая самая трудная должность в армии?

Наверняка, у всех в голове закрутился этот вопрос и мозги мгновенно вскипели в поисках ответа и вообще смысла этого вопроса. Но Князев, старый и мудрый комбат не задумывался ни на секунду.

– Командир батареи и командир полка, товарищ подполковник.

– Ооо... Молодец, товарищ Князев. Майор Проскурнин, а теперь вы сюда..., – и указующий перст ткнул слева от него. – А теперь вы доложите – Паааачему?

Майор Проскурнин позорно мемекал, бебекал, пытаясь выдать из себя «нужный» и правильный ответ на неожиданный вопрос, который бы понравился командиру. Но..., не получалось и он красный от неловкой ситуации, что-то бормотал несуразное.

Командир с презрением посмотрел на майора и повернулся к Князеву: – Ну а вы, товарищ капитан, порадуете меня ответом?

Князев даже не задумывался и отчеканил: – Эти должности предполагают большую юридическую, материальную и психологическую ответственность как за действия своих подчинённых, так и за свои. Также эта должность обязывает проявлять при выполнении своих обязанностей, приказов и приказаний командиров и начальников инициативу.

– Воооо..., – спокойным и довольным голосом произнёс командир и даже поднял палец вверх, – Во..., учитесь школяры, как правильно отвечать. Ни как тут некоторые плавают. А также учитесь проявлять разумную, а иной раз и неразумную инициативу, при выполнении приказов. Спасибо вам товарищ капитан.

– Дежурный..., – командир повернулся и нашёл глазами дежурного по полку, – милицию в полк не пускать, а вот директора детского садика... Наверняка женщина, сопроводить со всем уважением к капитану Князеву. Ну..., а вы, товарищ капитан, я прямо уверен – сумеете решить с ней вопрос.

... Как потом рассказывал Князев – всё уладилось миром. Виктор Михайлович сумел её убедить, что ночью он приехал и не украл с детского садика данные элементы, а просто занял на сутки и к вечеру всё это будет стоять на месте. А чтобы вообще исключить и какой-либо осадок от происшедшего, он со своими солдатами что там надо в садике ещё и отремонтирует.

Так и произошло. Князев всё вернул, помог с ремонтом и втянулся в шефство над садиком, а директорша сетовала: – Чего раньше, ваш Командующий эту проверку не устроил....?

Сварочный аппарат

Командир полка рассеянно слушал выступающих замов, ставящих задачи на завтра и невмешивался, отчего полковое совещание проходило сегодня в неожиданно спокойном состоянии. Он сидел, углубившись в свои мысли и, судя по расслабленной позе и помягчевшему лицу, эти мысли явно были не командирские и далеки от проблем вечернего совещания. А совещание, минут через пятнадцать, благополучно приблизилось к своему завершению и наполовину очнувшись от приятных грёз, командир, на автомате, спросил: – Вопросы есть?

И тут, старый и мудрый командир третьего дивизиона майор Сердитов, сглупил. Как он потом рассказывал: – Но вот я догадывался... Да что там догадывался – знал, что этим закончится. Но вот, блин, как чёрт меня дёрнул вылезти с этим делом...., – но это потом. А сейчас он встал со своего места и начал.

– Товарищ полковник, прошу вашей помощи. Четыре дня тому назад, на боксах восьмой батареи отпали четверо ворот. Обращался за помощью к заместителю по технической части подполковнику Лискеру, – Ляксандр Петрович всем телом повернулся к командиру дивизиона и сурово уставился на майора, – но тот мне отказал. Якобы у него все сварочные аппараты сломаны и все четыре дня у меня ворота стоят прислоненные. А он посмеивается... – «Для чего тебе, Сердитов, голова дана? Ведь не только, чтобы головной убор носить – вот и думай ей». Прошу вас своей властью....

Полковник сначала смотрел непонимающим взглядом на майора, постепенно проникаясь существом вопроса, а потом повелительно вскинул руку, останавливая обращение командира дивизиона.

– Так...., – зловеще протянул он, – моей помощи просите?

И уткнул суровый взгляд в подполковника Лискера, вальяжно поднимающегося со своего места. Тот поднялся и стал обстоятельно докладывать о состоянии дел в парковом хозяйстве, планируя плавно подойти к неисправным сварочным аппаратам и в деловом режиме объяснить ситуацию. Но его хватило только ровно на полминуты.

– Сядьте, товарищ подполковник, об этом можете рассказывать дома своей жене или за рюмкой водки, среди таких же пенсионеров, как и вы.

Справедливости ради, надо сказать, хоть к Ляксандру Петровичу в полку, в офицерском коллективе было ехидное отношение. Ну..., были у него моменты, когда его несло в разнос, и в разные стороны одновременно. Иной раз вёл себя неадекватно, отчего потом офицерский коллектив втихушку обсасывал разные пикантные подробности. Но дело своё он знал, подчинённых держал в ежовых рукавицах и с технической стороны наш артиллерийский полк был прикрыт надёжно. И всё у него делалось вовремя, и всё крутилось под его неусыпным контролем, но вот со сварками... Блинннн... Затянул..., всё откладывая и откладывая... И вот. Влетел. Подполковник рухнул на стул, даже не сопротивляясь, понимая, что это бесполезно. А командир уже обратил своё внимание на командира ремроты, вскочившего со своего места и замершего по стойке Смирно.

Закончилось совещание минут через пятнадцать, в ходе которых командиром был поставлен армейский рекорд. Все, даже не причастные ни к сварочным аппаратам, к обломанным воротам, к технической части полка, все были взлохмачены, закручены, а в конце командир ткнул пальцем в сторону майора Сердитова и задал риторический вопрос: – Моей помощи просите, товарищ майор? Что ж..., помогу. Приказом. Завтра в 9:00 часов утра. Для бестолковых и тех, кто носит электронные часы – когда 9 делится на два нуля. Так вот, в 9 часов я смотрю в боксах восьмой батареи, как сваркой привариваются ворота. А потом они открываются-закрываются, открываются-закрываются... Это вас, товарищ подполковник, со

всей вашей технической мыслью тоже касается. Сразу предупреждаю – МТО-АТ с хранения не снимать.

После совещания, вместо того, чтобы спокойно разойтись по домам, в «стране дураков» закипела работа. Два мозговых штурма кипели параллельно друг другу.

Один в технической части, где технари – офицеры и прапорщики, решали – Как до девяти утра исправить хоть один сварочный аппарат? Причём путей решения было несколько. Самый банальный – пойти в любую часть гарнизона и занять на время показа и сварки петель ворот на глазах командира сварочный аппарат. Показать, а потом вернуть. Обсосали и отвергли. Если командир узнает про этот обман..., жульничество – мало не покажется.

Обсудили ещё пару, но тоже отвергли, после чего все устали на солдата-сварщика, скромно сидевшего в углу: – Ну...? Ну...? Ты же лучше нас знаешь свой аппарат... Что...? Совсем сдох и не починить его? А может...?

Вот это «А может...» и не раз продлевало жизнь древней сварки. Одна сварка сломалась давно и её не чинили, потому что вторая, хоть и старая работала исправно. Но, последние три месяца она могла запросто в любой момент прекратить грозно гудеть и одновременно прекращала производить сварку, мгновенно превращаясь в груды металла килограммов так на двести. Все окружающие и принимающие участие в сварочных работах, сокрушённо всплёскивали руками, а сварщик невозмутимо брал крепкий деревянный багор с любой машины, вставлял его между мощных и тяжёлых обмоток и сильно, сильно тряс свой аппарат, превращаясь в этот момент в трясучего паралитика. И о Чудо..., внутри трухлявых обмоток что-то замыкало и он снова начинал варить. Но вот несколько дней тому назад – Он, сварочный аппарат, благополучно сдох и никакая трясучка оного в одиночном порядке или дружным коллективом, когда за багор брались чуть ли не подразделением, уже не помогало. Что и выразил молча, разведя широко и сокрушённо руки в сторону, сварщик.

– Ладно, – Ляксандр Петрович совсем по-стариковски опёрся руками о колени, как будто собирался засмолить «козью ножку» с ядрёным табаком или встать, но остался сидеть, – ладно, сходи на разведку в третий дивизион. Посмотри, что они там думают...?

Сварщик, к которому это относилось, в недоумении поднялся со своего места: – Товарищ подполковник, как это так я приду туда и спрошу – А чего вы тут думаете? Да меня они как пошлют...

– Как в самоволку бегать или за водкой в совхоз – так вы не спрашиваете, а бежите, – съязвил Ляксандр Петрович, но потом смягчился и уже по-отечески стал растолковывать, – приходишь туда... К майору Сердитову и говоришь – Товарищ майор, как только у вас со сваркой будет решено – так сразу за мной гонца. Наверняка они тоже думают... А Сердитов – опытный командир. Что-нибудь придумает.

В кабинете командира дивизиона тоже был мозговой штурм, но в отличие от технарей он был прямолинейный и опирался на простенькие армейские принципы – «Победителей не судят» или «Если нельзя починить – то это надо достать».

Поэтому здесь и решали только один вопрос – Где? Где – звиздануть сварку?

– Так, дембелей восьмой сюда, – распорядился командир дивизиона, когда быстро пробежались по вариантам – звиздануть, достать, занять в другой части сварку – и решительно отвергли. Было уже поздно, да и не хотелось ни с кем договариваться и оставаться потом обязанным.

И вопрос – Где? С прибытием дембелей решился быстро.

– Так..., – сержант Смирнов нерешительно развёл руки и «закинул удочку», – так..., у нас тут ведь под боком целый пивзавод строится... А может оттуда тиснем сварку? Там их до фига. Рабочий день кончается, работяги всё бросают и уходят. Там то и охрана почти никакая..., – уже более смело добавил сержант и остальные дембеля согласно закивали головами.

– Хорошо...., – нейтральным тоном протянул командир дивизиона, навалившись грудью на стол и сильно втянув в себя воздух, – хорошо и одновременно ничего хорошего. Как ни как, а это стройка очень большого масштаба и её курирует лично секретарь обкома Ельцин. Так что там с этой сваркой можно хорошо влететь. Но идея заманчивая. Как, Смирнов, говоришь можно без особого риска..?

– Да мы, товарищ подполковник, её через пустырь протащим. Там напрямую до наших боксов метров пятьсот, а пустырь там весь в ямах, буераках... На машине не подъехать... Так что, если пропажу обнаружат, то на нас, военных, и не подумают. Она ж тяжёлая и будут искать следы машины, а мы её на руках утащим...

Обсудив с дембелями несколько скользких моментов предстоящей операции, их отпустили, а майор Сердитов повернулся к командиру батареи, сидевшему среди остальных офицеров: – Вот..., товарищ капитан, звоночек вам. Ваши бойцы ночную обстановку вокруг городка знают лучше, чем вы. Вот что им делать ночью на пивзаводе? Ладно бы там уже пиво выпускали, но ведь до него ещё года три... Ну..., да ладно. Думаю, что ты из этой информации правильные выводы сделаешь. Чай не зелёный лейтенант. Бойцов проинструктировать, чтоб всё было чики-чики...

– Да я, товарищ майор, сам с ними пойду..., – влез в паузу командир батареи.

– Отставить..., – резко прикрикнул майор и пристукнул ладонью по столу, – никаких я сам. Проинструктируешь и всё. Бойцов мы всегда отмажем, если что – выручим и прикроем. Поощрим там потом отпуском или раньше уволим, чтоб обидно не было и знали за что страдают. А за командира батареи, да коммуниста... Так что только инструктаж. Я это поле тоже знаю. Там помимо ям и буераков полно торчащей арматуры, бетонного хлама там всякого... Так что руки ноги там запросто можно переломать.

Вот в этот момент и постучал в дверь сварщик. Выслушав его, командир дивизиона махнул рукой: – Завтра, после завтрака чтоб как штык был около боксов восьмой. Будет тебе сварка.

На этом суматоха в полку и закончилась. Сварщик вернулся к ожидающим его офицерам и доложил вердикт командира дивизиона, отчего подполковник Лискер удовлетворённо крикнул и назидательно произнёс: – Вот, товарищи офицеры и прапорщики, вот как надо работать. Мы тут..., а они уже всё решили и знают, что в восемь часов утра сварка у них будет. Идите по домам. Завтра будем заниматься ремонтом сварок и не уйдём пока хоть одну не отремонтируем. Тем более, что она нам самим завтра «кровь из носу» как нужна.

...Командир полка неопределённо хмыкнул, когда по команде командира батареи все ворота боксов одновременно открылись и потом закрылись. Ещё раз открылись и закрылись. Потом скосил глаза на новенький сварочный аппарат, на замершего рядом сварщика, посмотрел на майора Сердитова, глаза которого говорили: – Товарищ полковник, ворота приварены: открываются-закрываются – Какие ещё могут быть вопросы?

Посмотрел на зампотеха и командира ремроты и опять хмыкнул. И непонятно – то ли это молчаливое поощрение, то ли лишь прелюдия к вполне понятным разборкам, так как голубенькая сварка никак не вписывалась в армейские параметры, где всё что возможно было зелёного цвета.

– Сердитов – молодец...., – буркнул командир полка и добавил, – только я ничего не знаю – Где? Как? Кто? У меня своих проблем хватает...

Развернулся и ушёл, а к командиру дивизиона вальяжно подошёл подполковник Лискер со свитой офицеров и прапорщиков, приписанных службой к парку.

Понимая уязвимость своей позиции и независимость командира дивизиона, Ляксандр Петрович, подсластил пилюлю и обратился к Сердитову по имени и отчеству: – Константин Юрьевич, ну ты у себя всё заварил, дай моим теперь сварку тоже поварить....

Сердитов смачно хмыкнул и язвительно спросил: – А для чего, товарищ подполковник, голова вашим подчинённым дана? Ведь не только, чтобы головной убор носить – вот и пусть ваши думают ею.

– Ну.., ладно... ладно. Чего ты в бутылку лезешь? Обиделся что ли...? Ну.., не так тебе ответил тогда... Пословица такая есть мудрая – «Кто старое помянет – тому глаз вон». Всё закончилось мирно и нормально...

– «А кто забудет – тому оба глаза вон», – перебил зампотеха командир дивизиона, – вот и забывать что-то не хочется. Вы своими смехуёчками меня и моих подчинённых на банальное воровство толкнули. Ответили бы нормально, типа – Погоди, Константин Юрьевич, чуть попозже заварим ворота... А вы...? Хи-хи.., Ха-ха... да с подъёбочками. Хорошо, что хорошо закончилось... А если бы бойцов повязали? Или ногу-руку кто-то из них ночью, когда тащили, сломал?

– Нет. Не дам, – с вызовом заявил командир дивизиона, – вот сейчас покрашу её и будет в дивизионе своя сварка. Так что нет. При всём моём уважении к вам, я тоже себя уважаю.

Разобиженный подполковник, окружённый ремонтниками удалился в ПТОР вынашивать планы мести, а командир дивизиона, похвалил бойцов – героев прошедшей ночи и удалился в казарму, отдав предварительно указание перекрасить сварку.

Но перекрасить её не успели. Через полчаса в кабинет командира дивизиона ворвался весь запыханный командир взвода восьмой батареи.

– Товарищ майор, там... – лейтенант перевёл дух и продолжил взволнованно, – там... с пивзавода пришли с милицией и увидели свою сварку.

– Чёрт...! Как так? – Взвился из своего кресла Сердитов, – вы что там, совсем охерели?

– Да мы её на асфальт вытащили сбоку, чтобы там покрасить, а они в это время через щели тревожных ворот и глянули, и как заорут – Вон она... вон она... А там уже и менты стали смотреть. Вам надо срочно. Зампотех вызывает, но мы в парк их не пускаем...

У боксов восьмой батареи клубились чуть ли не все, кто в этот момент был в парке в ожидании развития захватывающего сюжета. Тут же важно расхаживал и подполковник Лискер, в лёгкой панике метался от сварки к боксу и обратно командир батареи. Кучкой стояли офицеры и, не скрываясь от зампотеха, открыто смолили сигареты, авторитетно обсуждая варианты – Как выкрутиться из такого положения? Вариантов было мало, так как чуть ли не с поличным схватили... И явно это дело будет доложено самому секретарю обкома. Да ещё свалят до кучи на командира дивизиона остальную недостачу...

Правда, и житейский опыт Сердитова, смекалка и военная наглость, тоже не скидывалась со счетов, также как и военная удача, которая могла вмешаться в любой момент. Но всё равно Сердитов оказался в очень некрасивой ситуации.

– Ну что, Сердитов? – Ядовито встретил появление майора Ляксандр Петрович, – До выдывался? Дал бы мне сварку и она бы давно у меня в ПТОРе варила и не влетел бы. Вот правильно говорят, что «Земля круглая»... – философски закончил зампотех.

Сердитов сначала разогнал любопытствующих бойцов, недовольно зыркнул в сторону офицеров, но промолчал и тихо спросил у командира батареи.

– Ну что тут? Как обстановка?

– Да ни как... херово, товарищ майор, – обречённым голосом произнёс комбат, ощущая, как потяжелел от партийного выговора партбилет и, сверкнув золотом, слетели с погон звёздочки, превращая капитана в старшего лейтенанта. Это же увидел и ощутил упадочное настроение подчинённого и майор Сердитов. И тут было только два варианта. Первый – сдать капитана. Сделать красивый шаг назад и шаг за спину подчинённого. И сдать. Ничего мол не знаю, ничего мол не видел. Как это иной раз делали замполиты, прячась за спиной командира в случае неудачи.

Второй. ... Вот вторым путём он и пошёл, так как был нормальным командиром и офицером. Сердитов подошёл к забору, залез на пожарную бочку, стоявшую впритык к бетонному ограждению и выглянул за него. А там, можно сказать целая толпа: аж трое милиционеров в разных званиях, работяги и ещё гражданские явно начальствующего состава, которые очень радостно оживились, увидев тоже одного из начальников военных.

– Товарищ майор – Вы кто такой? – Спросил один из гражданских начальников.

– Не важно. ... – с вызовом брякнул майор через забор и в свою очередь грозно спросил, – А вот я не понял – Как вы оказались на территории военного городка? Вам запрещено здесь находиться. ...

– Мы сюда по следам солдатских сапог пришли, а у них вот украли сварку, – вперёд выдвинулся самый старший милиционер, – вон она стоит. Они её узнали.

– Каких сапог? А у вас что не кирзачи разве на ногах? – С деланным возмущением и одновременно с вызовом спросил офицер и тут же продолжил, – а сварку я купил у каких-то работяг рано утром. ... Может у них и купил? Я в темноте не особо их рассматривал. ...

– Каких работяг? – В свою очередь возмутились рабочие, – да там следов то человек сорок тащило сварку. У нас столько и рабочих на стройке нет. ... Мы за копейку и не потащили бы через пустырь. Машину бы наняли. ... А это точно твои солдаты. ... – продолжали шуметь рабочие на торчавшего над забором военного, а видя что того не проняло, теперь вперёд выдвинулось гражданское начальство и пустило в ход «тяжёлую артиллерию».

– Товарищ майор, всё понимаем, но о факте кражи уже доложено секретарю обкома и он обещал приехать. Так что лучше до приезда Ельцина верните сварку обратно и тогда последствия будут гораздо меньше. А то видите и милиция тут уже. А когда приедет Ельцин, да ещё в херово-трезвом настроении, да как примет, не разбираясь, решение и не только погоны, а и бошки полетят.

Но гражданское начальство видать в армии не служило и не знало такого понятия, как командирское самолюбие и командирский авторитет, которые нарабатываются годами, а просрать всё можно в один момент. Поэтому Сердитов остановиться уже просто не мог.

– А мне по хер. И не хер меня секретарём пугать – у меня своё начальство есть. А так повторяю – солдаты сварку не крали, я её купил рано утром у рабочих. ... А откуда они её приволокли – не знаю и знать не хочу. И сварку не отдам. Сами разбирайтесь, на то она и милиция. ...

Когда у забора остановилась чёрная «Волга» и оттуда вылез секретарь обкома с командиром дивизии, перепалка между двумя лагерями достигла своего апогея, но мигом почтительно заглохла. Командир дивизии махнул рукой и майор Сердитов «орлом» перескочил через забор и молодцевато предстал перед «хозяином области», хотя в душе всё дрожало от предчувствия беды. Обнадёживало только то, что Ельцин был слегка пьян и глядел на происходящее весёлыми глазами, в отличие от хмурого командира дивизии полковника Петрова.

Когда утром доложили о наглой краже военными со стройки новенькой сварки, партию которых с огромным трудом выбили у производителей вне графика, то Ельцин был сильно раздосадован. Стройка пивзавода была союзного значения, с участием чехословацких специалистов и сильно отставала по графику производства работ. Своих дел и проблем в области хватало, но и эту стройку пришлось брать под свой личный контроль и чуть ли не каждый день уделять часть рабочего времени для решения возникающих проблем, использовать свой авторитет в пробивании или выдавливании скудных лимитов. Да ещё перед Москвой оправдываться. А тут ещё сварку украли. ...

Но. ... , но. ... сама возможность проехать в 32 военный городок, разгладила суровые складки на лице секретаря обкома. Командиром дивизии до недавнего времени был генерал-майор Фурсин, с которым Ельцина связывали приятельские отношения и Борис Николаевич, как минимум, раз в неделю с удовольствием приезжал в городок. Конечно, неплохо при

этом усугубляли, но и между делом решали разные вопросы в пользу дивизии. А вот с новым командиром дивизии полковником Петровым отношения не сложились сразу. Был он сам себе на уме, замкнутый, неохотно шёл на контакт и как Ельцин знал, и в дивизии он не пользовался уж каким-то большим авторитетом в офицерском коллективе. «Шатун-84» – так его за глаза звали офицеры и прапорщики за неприятную привычку шататься по ночам по дивизии с проверкой или так просто.

Давно там не был Борис Николаевич, поэтому воспользовавшись случаем, решил проехать и немного развеяться. Неожиданное появление секретаря обкома в своём кабинете, неприятно удивило командира дивизии и особенно причина посещения, озвученная сходу. Но полковник Петров, зная привычки Первого, мигом выставил на стол выпивку и закуску, что ещё больше улучшило настроение Ельцина. Пообщавшись и разговевшись, военное и гражданское начальство на чёрной обкомовской «Волге» прибыло на место разборок.

Майор Сердитов сразу понравился своим независимым видом и достоинством, с которым представился начальству. Выслушав краткий и толковый доклад офицера, Ельцин обернулся к главному инженеру стройки, который был на данный момент старшим среди строителей. Менты заняли нейтральную и выжидательную позицию, даже слегка отодвинувшись, как бы говоря – А нам что? Нам ничего...! Что прикажут – то и выполним....

– Ну... а ты что, главный инженер, доложишь, – внешне весело спросил Ельцин, в глубине души раздражаясь, что не может вспомнить ни имени, ни отчества работника. Вот крутиться всё это где-то в глубине, а вспомнить никак не получается.

А главный инженер ступешался, что вот так сразу и без подготовки нужно докладывать и путано стал рассказывать о краже, свалив в одну большую кучу всё – и кражу сварки, срывающийся из-за этого график работ, следы солдатских сапог, ночной пустырь... – и в ужасе замолчал, понимая, что своим бестолковым докладом банально и публично опозорился на глазах у своих подчинённых работяг и на фоне бравого майора выглядел довольно бледно. А от этого, неожиданно для себя, брякнул: – И майор, врёт как сивый мерин. Врёт..., говорит, что сварку сам купил...., – и ещё больше ужаснулся.

А Ельцин обрадовался, внезапно вспомнив имя и отчество инженера, и назидательно произнёс: – Сергей Александрович, советский офицер, майор не может врать, как сивый мерин... Хорошо. Я тебя услышал, а теперь ты мне расскажи, – обратился он к рабочему солидного вида.

Тот приосанился. Не часто самого секретаря обкома приходится видеть, даже издалека, а тут с самим разговаривать. Будет о чём сегодня вечером небрежно рассказать дома и приятелям. И стал толково излагать суть дела, одновременно как бы жалуясь, что его – рабочего, так сказать, Пролетариат с большой буквы – оскорбили, самой вероятностью, что он сам и продал эту сварку майору, как тот утверждает.... Рабочий увлёкся, видя поощрительную улыбку Ельцина, и чтобы более убедительными были его слова, стал вообще говорить, чего бы не стоило.

– ...Да мы бы её и не утащили, в ней-то килограмм сто пятьдесят будет. А там, следов солдатских сапог, ну точно человек сорок тащили. Если бы мы это дело организовывали, то максимум человека три было нас... Чтoб побольше денег на каждого было. Машину организовали. Заранее пришли сюда и договорились, чтоб зря тут не шарахаться. И спокойно продали и никто бы не узнал. А они на руках попёрли, в темноте, через пустырь. Там целая дорога образовалась и прямо сюда нас привела. И если бы вот не эти следы от колёс, ничего бы не сумели доказать. А так вот они, у самого забора, и вон она сварочка. И майор, пусть не как сивый мерин..., но всё равно врёт. Его солдаты украли....

– Как зовут? – Спросил Ельцин рабочего, как только образовалась пауза.

– Николай...., – рабочий помялся и добавил, – Петрович...

– Ха... А как к тебе обращаются? Петрович...., наверно...

– Да..., – рабочий смутился.

– Зря, Петрович, обвиняешь майора. Ты так рассказывал, как бы спланировал, что у меня создалось впечатление, некой зависти и обиды, что тебя просто опередили...

– Да нет..., нет..., – испуганно засуетился Петрович, обращаясь то к товарищам, то к главному инженеру. Кинулся и к ментам, но тут же шарахнулся от них, – да не..., Сергей Александрович..., ребята..., товарищ секретарь.... Да я так... Я ведь ничего и не говорил... и не думал...

– Ладно, ладно... Успокойся, но уж очень ты был убедительным. Покажи лучше следы. Точно..., от сварки...., – Ельцин выпрямился, а к этому времени тревожные ворота, около которых проходили разборки открылись и все гурьбой зашли в парк и сгрудились вокруг сварки.

– Вот, товарищ секретарь обкома, и номерочек наш инвентарный стоит. Врут они..., – торжествующе ткнул пальцем в корявый синий номер один из сопровождающих главного инженера.

– Ну, а что на это скажете вы, товарищ майор? – Ельцин одобрительно смотрел на невозмутимого офицера и Сердитов вдруг понял – Гроза пронеслась, Всё будет нормально и врать тут уже не стоило.

– Так точно, Борис Николаевич, только не украли, а заняли. У меня на боксах восьмой батареи четверо ворот оборвались одновременно и сварка в полку вышла из строя. Непорядок... Вот и пришлось... Занять. Да., сказал., что купил... А то сразу – Украли..., украли...

– Товарищ секретарь обкома, командир артиллерийского полка полковник Кривулькин. – Доложил запыхавшийся командир полка, вывернув из-за угла боксов и, хватанув воздух продолжил, – это я отдал приказ к девяти часам заварить ворота боксов, а майор Сердитов исполнительный офицер, чтобы выполнить приказ слегка превысил пределы разумной инициативы, но приказ выполнил. Хоть и таким образом. Сейчас мы сварку вернём, отвезём на машине. Извинимся. С руководством стройки решим все вопросы к обоюдному удовольствию. И считаю – что вопрос – УЖЕ РЕШЁН. – Командир смело рубил фразы, делая нажим на слова «Уже решён».

У командира дивизии аж глаза закатились в ужасе от этой спокойной наглости. Им бы сейчас извиниться, «удариться лбом об асфальт» и обещать..., обещать, обещать – Что больше такого «никогда и никому», а они ещё дают. И на кого дают? На секретаря обкома.... Ёлки-палки... Но глаза от удивления вкатились обратно, когда полковник Петров услышал довольный смех Ельцина и ещё больше его слова.

– Хорошо..., уговорили. Сергей Александрович, отдайте им эту сварку. Как поощрение...

– Как отдать? Не согласен! Она у нас числится... И так график срывается, а тут ещё сварку отдать.... Да ещё как поощрение. Они её, Борис Николаевич, украли. Просто украли, а сейчас все тут словоблудием занимаются. А кто за неё тогда платить будет? Я или рабочие? Нет, не согласен, – от такого неожиданного решения главный инженер даже забыл с кем он спорит. Сразу появился апломб и решимость в своей правоте. Весь встопорщился, как перед дракой...

– Во..., сразу видно – главный инженер стройки, а то мычал тут...., – Ельцин веселился, но потом по серьёзничал и уже спокойно стал растолковывать.

– Отдай. Ты тут кроме воровства ничего и не видишь, а ты глубже посмотри на всё это. Коммунист? – Неожиданно задал он вопрос главному инженеру, – нет... Ну, тогда понятно. А я вот вижу, что тут майор и командир полка не словоблудием занимаются, а прикрывают своих подчинённых. Не сдают, а именно прикрывают, даже понимая, что они могут получить по шапке. Ты-то вон сразу про деньги вспомнил – Кто будет платить? Ты или рабочие? А они не за свои должности дерутся, а за своих подчинённых. Молодцы. А теперь с другой стороны зайду. Солдаты ночью, через пустырь, по ямам ташили эту тяжеленую и неудобную к переноске

сварку и нигде её не поставили, чтобы следов не было. Вот это тебе, Сергей Александрович, о чём говорит?

Главный инженер внимательно посмотрел на Ельцина, пытаясь в его глазах прочесть ответ, оглянулся на майора Сердитова и стоявшего рядом командира полка и неуверенно пожал плечами.

– Во... сразу видно, что с военными ты никогда дел не имел. Солдаты только здесь поставили сварку на землю, – Ельцин через плечо ткнул пальцем в сторону забора, – чтобы передохнуть и перекинуть эту тяжеленую железяку через двухметровый забор. Это могут сделать солдаты только из-за уважения к своему командиру. Был бы он, командир, хреновый и солдаты так бы не старались: или волоком приволокли сварку сюда, или вообще не потащили, сказав, что не нашли. А они принесли. Принесли на руках. А это дорогого стоит...

Так что отдай им сварку. А завтра, когда я приеду к вам на стройку, дай мне АКТик на подпись на списание сварки. Подпишу и ты подпишешь. Причину списания сам придумаешь.

Главный инженер неохотно кивнул головой, с сожалением посмотрел на сварку и, махнув рукой рабочим, повернулся и пошёл на выход из парка. За ними потянулись милиционеры, а секретарь обкома, дождавшись, когда те скроются за забором, с чувством пожал руку майору Сердитову, командиру полка и остальным присутствующим офицерам: – Спасибо, товарищи офицеры за службу.

– Так, а кто-то говорил тут про извинения? – Хитро глядя на командира полка, задал вопрос Ельцин и полковник Кривулькин шагнул в сторону и сделал приглашающий жест в сторону выхода из парка.

Ельцин уехал с полка часа через два, весьма довольный посещением 32 военного городка. Сварку даже перекрашивать не стали и периодически ремрота обращалась с просьбами выделить сварку в их распоряжение, отчего третий дивизион имел неплохие дивиденды от технической части полка в плане ремонта и обслуживания техники вне очереди.

Через два месяца майор Сердитов пошёл на повышение и стал заместителем командира полка.

Из сборника рассказов «Бойцы»

Отпуск Салаги

Последний день полковых учений обещал быть нудным и тоскливым, как и предыдущие несколько дней. Не повезло нам и с погодой, когда всё произошло как по закону подлости. Если перед учениями была целая неделя солнечной и тёплой погоды, то именно в день начала учений затеялся противный мелкий дождик, который не прекращался все эти дни и температура опустилась до +2 – +3 градуса. Конечно, кто служит в Союзе, только бы посмеялся – В январе...., да плюс 2 – 3 градуса тепла, да они там, в Германии, оборзели совсем. Но все кто прослужил в ГСВГ несколько лет, знали – Лучше -10, -15 сухого мороза, чем +2 градуса, да под дождичком в Германии. Это мерзкая погода, когда не можешь толком согреться.... Вечно сырой и влажный, когда холод тихой сапой предательски заползает под одежду, как только ты остановился или прекратил двигаться.

Правда, сегодня ночью дождь прекратился, но низкое, угрюмое, пасмурное небо, взвесь мельчайшей воды в воздухе и непременный ветер, как бы ты не повернулся – обязательно в харю, превращал последние часы учений в хорошую нервотрёпку.

Да и учения сами, в отличие от других полковых, были не интересными. Раньше нас подымали и в течение трёх суток активно прокручивали через три-четыре полигона, где мы в высокой динамике отрабатывали все учебно-боевые вопросы. И на последнем полигоне, заключительным этапом, проводили управление огнём артиллерии полка с боевой стрельбой. Сворачивались и уходили в Пункт Постоянной Дислокации. А тут подняли и сразу кинули на полигон Либеррозен. Всё бы ничего, но во время марша в моём взводе, в самый пик сильного ливня, взорвалось колесо пятого орудия. Приняли на обочину. Пока меняли, правда, это заняло пятнадцать минут, я стоял с флажками на дороге и поворачивал немецкие машины на встречу и очень по дебильному гордился. Вот типа, Гансы, сидите в тёплых машинах, а я, советский военнослужащий, под ливнем охраняю вас. Я промок до нитки и более-менее просох только сейчас. Приехали на Либеррозу, встали на песчаном поле, закопались и двое суток так и простояли. Конечно, шло управление огнём, но это всё учебными снарядами или холостыми обозначали выстрелы и залпы.

Короче, намучились с этими учениями. Но нашей батарее всё-таки немного повезло. Все остальные батареи встали на самом песчаном поле, а наша, девятая батарея, самая крайняя, удачно расположилась как раз на опушке леса, который хоть чуть-чуть, но прикрывал нас от ветра и там можно было развести костры для обогрева. У остальных такой возможности не было. Не было на поле дров, да и как только разведут костёр, так сразу рёв с КП полка – Почему нарушаете маскировку? А какая к чёрту маскировка, когда на жёлтом, песчаном поле выкопано 48 оружейных окопов, накрытых зелёными массетями. Через поле проходило шоссе на Котбус и проезжающие немцы наверно здорово удивлялись – как ровно, в одну ниточку тянется линия невысоких, заросших травой бугров....

Ну, а мы прямо на опушке выкопали ямы и в них постоянно горели жаркие костры, дым от которых ветром уносился в лес.

Вот мы и сейчас сидели с Лёвой Геворгян у костра и балдели. До ячейки СОБа было метров двадцать, там на связи сидел дежурный радиотелефонист и, жалостно шморгая носом, с завистью смотрел на наш костёр, где сидели мы и вычислитель со вторым связистом. Такие же костры горели за каждым орудием и там грелись расчёты, за исключением дежурных наблюдателей.

Только что закончился завтрак, до начала управления огнём было ещё около часа и мы немного расслабились. Но как всегда в такой момент, когда ты размазываешься по бревну, блаженно жмуришься от такого уютного жара, ёрзаешь на бревне, чтобы подставить под животворящее тепло другой бок, прозвучала тревожная трель телефонного аппарата.

– Да... , здесь... Да, сейчас, – в ячейке во весь рост поднялся замёрзший радиотелефонист и призывно помотал в воздухе телефонной трубкой, – товарищ старший лейтенант, вас комбат к телефону зовёт.

Лёва недовольно поморщился: – Ну, чего комбату там неймётся...? Счас... подойду.

Старший офицер на батарее поднялся со стульчика, с удовольствием потянулся крупным и плотным телом и направился в ячейку. Долго слушал указания, потом недовольно буркнул в трубку: – Хорошо, сделаю.

Вернулся обратно и, сев на стульчик, послал связиста по окопам с приказом – Строиться перед ячейкой СОБа.

– Чего там, Лёва?

– Да, комбат, загнашился чего-то... Оказываются, ждут командующего артиллерией армии генерала Смирнова. Он будет контролировать последний этап. Вот и комбат задёргался, типа – привести всех в порядок. А то вдруг по огневым поедет.

Лёва разнежился у костра и ему лень было шевелиться: – Давай, Боря, ты проверь их, а я посижу. Чего-то в сон потянуло....

Мне уже надоело сидеть у костра, поэтому мигом вскочил и с удовольствием стал распорядиться. Построил огневиков в одну шеренгу и, проверив внешний вид, практически каждому сделал замечание – Помыться, подшиться, подбриться, почиститься и так далее. Единственно, на ком споткнулся это на рядовом Юзбашеве. Мой подчинённый с шестого расчёта. Маленький, хиловатого вида азербайджанец, чуть больше месяца назад пришёл в мой взвод из молодого пополнения. Был он городским, из Баку, поэтому хорошо говорил по-русски, что здорово его отличало от других азеров. Конечно, как молодой солдат, он был зачуханный и ещё «сырой». Но уже первый месяц службы показал, что в последствие из него получится толковый боец. Правда, сейчас он выглядел жалко. Грязное, не умытое лицо, зимняя стойка, шинель несколько большего размера висела на нём как на вешалке и всё остальное болталось точно также. Конечно, можно его сейчас у костра раздеть и дать умыться горячей водой, равномерно развесить на нём оружие и остальные причиндалы, но вот – Что делать с густой, иссиня-чёрной и матёрой щетиной...? Это был ещё тот вопрос. Он ещё на гражданке имел кучу отсрочек от армии по семейным обстоятельствам и сейчас ему было 24 года. По южным меркам он считался зрелым мужиком, что красноречиво подчёркивала его щетина. Если русские солдаты, даже старослужащие только подбривались раз в три дня, то Юзбашев, наверно единственный в полку, даже среди офицеров и прапорщиков, брился опасной бритвой и это был целый ритуал. Сначала он её точил, потом размачивал полотенцем опущенным в горячую воду щетину, а после всего этого намыливался, брился и треск срезаемой щетины доносился даже в коридор, вводя в священный ужас сослуживцев.

Вот и сейчас бегло осмотрев подчинённого, я понял бессмысленность даже попытки побрить его в полевых условиях и также быстро принял решение.

– Юзбашев и ты Матвеев, идёте на перекрёсток дорог и меняете там Серебрякова и Кумова. Обороняете левый фланг батареи. Матвеев ты старший.

Матвеев был с пятого расчёта, прослужил больше года и рвал, и метал в попытке заслужить отпуск, но посчитав, что вырытый окоп на перекрёстке лесных дорог не место, где можно его заработать, заныл: – Товарищ прапорщик, а чё я...? Чё.., вечно я? Я лучше из орудия постреляю и здесь на огневой позиции поработаю... Там Юзбашев и один справится...

– Хорош ныть. Ты на себя посмотри..., тебя как и Юзбашева прятать надо... Вперёд...

– Боря, погоди. Ну-ка давай их сюда обоих, – послышался голос Лёвы от костра.

Все разбежались устранять недостатки, а этих двоих подвёл к Лёве, который стал их инструктировать.

– Так, балбесы. Довожу информацию. Помимо нас, здесь на полигоне проходят учения разведбата армии. Если мы стреляем и крутимся здесь на поле, то они наоборот должны взять языка, напасть на какое-то подразделение и обезоружить его или условно заминировать. Так что, Матвеев, ты морду в сторону не вороти и там тоже можно отпуск заработать. Вот где они там шатаются? Может к нашей огневой позиции подбираются? Благо мы чуть ли не в самом лесу стоим. Вон они, позавчерашней ночью, разоружили наряд по парку и угнали оттуда ГАЗ-66. Так что – Ушки на макушке. Ну..., а если с разведчиками у вас прокол будет – то я вам такой прокол устрою... Ну, естественно и никого не пропускать, – Лёва поднял кулак и погрозил им.

Надо сказать, что руки и ладони старшего лейтенанта Геворгян – это отдельная тема для анекдотов среди офицерского состава полка. Они были как лопаты – большие и широкие. А если он их сжимал в кулаки, то они становились, как раньше на Руси говорили – Пудовыми. Для Лёвы это тоже была большая тема. Ни одни кожаные перчатки не налезали на руки. Просто не было таких размеров. Поэтому, когда Лёва ездил в отпуск, в свою солнечную Армению, то там шил на заказ пар десять перчаток. Но это спасало его лишь на некоторое время. Он их терял со скоростью одна пара в неделю, и вскоре щеголял либо голыми, покрасневшими от холода руками, либо одевал и ходил в обычных, брезентовых строительных рукавицах.

Вот и сейчас если приложить кулак Геворгяна к голове Матвеева, то из-за него будет выглядывать только уши и шапка, а уж голова Юзбашева скроется как луна за солнцем.

Солдаты с почтением осмотрели воспитательный инструмент командира и молча направились в глубину леса, менять сослуживцев. Лёву бойцы не боялись, а уважали как грамотного офицера, так и как отличного и справедливого командира. Лёва бойцов никогда не бил, зная свою дурную силу. Мы как-то с обеда вместе возвращались в казарму, а дневальный в это время сидел на тумбочке, отвернув лицо от входной двери, и весело базарил с товарищами в конце коридора и не заметил входящее начальство. Так Лёва подскочил и не ударил, а просто резким движением руки снёс бойца с тумбочки. В какой позе он сидел, в той же и летел по воздуху метров пять, а потом катился на заднице ещё метра три по кафельному полу под дружный смех товарищей.

Пауза затягивалась, было уже почти двенадцать часов, а никаких команд не поступало. С правого фланга огневой позиции неожиданно прибежал к нашему костру наблюдатель и сбивчиво доложил: – Товарищ старший лейтенант, там..., там на поле, все батареи сворачиваются...

Мы вскочили на ноги и метнулись к первому орудию, откуда просматривалось всё поле. Действительно, батареи полка отбивались, но не так как будто на учениях получили команду «Отбой» и переместится. Все отбивались не спеша и явно сворачивались.

– Не понял? – Удивился Лёва. Я эту же мысль выразил более сочно и матерно.

Мы оба метнулись в ячейку и Лёва позвонил на КНП батареи. Трубку взял командир взвода управления лейтенант Денисенко.

– Витя, там что команда «Отбой» пошла? – Я прислонился ухом к трубке с другой стороны и услышал, – Да...

– А чего нам тогда не передаёте?

– Комбата срочно вызвали на КНП командира полка. Чего вызвали – не знаю. Вот сам сижу и жду, а рядом остальные отбиваются. Вроде бы конец учениям. Сейчас Чистяков придёт тогда что-нибудь и скажет...

Херня какая-то. Мы удивлённо посмотрели друг на друга. Никогда такого не было, чтобы полковые учения заканчивались без управления огнём с боевой стрельбой. Ну ладно, посмотрим, что будет дальше.

Через десять минут зазвонил телефон. Это был комбат: – Лёва, к тебе полковая контрольная группа приехала?

– Нет, никого нет.

– Хорошо, сейчас подъедет...

– А что хоть случилось? Что все отбиваются, а нам команды нет?

– Да сам не знаю... Приехал минут сорок тому назад генерал Смирнов. Злой и раздражённый как чёрт. Всех на КНП полка оттрахал... Чего-то там орал, а потом вызвал меня. Я там как чмо стою, глазами моргаю, – в этом месте мы с Лёвой придушенно засмеялись. У Чистякова был периодический врождённый или просто нервный тик и иной раз, в самый неподходящий момент, особенно когда его ругали, он начинал моргать, а впечатление такое создавалось, как будто он заговорчески подмигивает, что ещё больше заводило ругающее начальство. – А он поспрашивал про батарею. Спросил про тебя. Ты где ему попался? Очень уж он агрессивно про тебя спросил...

– Да я никогда его в жизни не видел, – задумчиво произнёс Лёва, мысленно пробегая свою службу в первой танковой армии, – А что он спрашивал?

– Как обычно спрашивают. Как служит?

– Ну?

– Чего Ну? Нормально тебя все характеризовали.

– Короче, сказал лично проверит батарею. Да, там сейчас тебе ещё с других дивизионов снаряды подвезут. Так что готовься к стрельбе. Ты внешний вид проверил?

– Да, нормально в этом плане.

Лёва положил трубку на аппарат и озадаченно выругался по-армянски: – Откуда он меня знает?

Через десять минут на огневой позиции остановил ГАЗ-66, из кабины которого вылез жизнерадостный начальник тополслужбы полка и он же начальник полковой контрольной группы, а из кузова высыпали солдаты и сержанты с приборами.

– Здорово герои, – радостно завопил капитан Клишкин, здороваясь с нами.

– Хорош подкалывать. Ты лучше скажи – Чего приехал? И что там у вас происходит?

– Что, что... Сексуальный день. Нас уже оттрахали, теперь будут вас. Мыло, полотенца, штаны шириной назад. Лично генерал будет...

– Коля, хорош таракать. Ты конкретно скажи – Чего там у вас?

– Так я конкретно и говорю. Ждали, что генерал к нам подъедет в десять часов и начнётся. А его всё нет и нет. А тут в двенадцатом часу появляется злой, как собака, раздражённый. С ходу налетел на командира полка, а потом всех по очереди. Я от греха подальше с КНП смылся, а когда генерал немного утих, снова нарисовался там. Короче он говорит командиру. Ваш полк знаю. Управление огнём отстреляете не ниже на «Хорошо». А вот проверю вас на вшивость и проверю с боевой стрельбой только одну батарею. И по ней поставлю полку оценку. И спрашивает – В какой батарее служит старший лейтенант Геворгян? В девятой, товарищ генерал – отвечает командир. Вот её и готовьте и комбата ко мне. Вот так, Лёва. У тебя сейчас есть шанс стать командиром батареи...

– Или оказаться в заднице, – пробормотал озабоченно Геворгян.

– Может это твоя родня с Армении замутила протекцию? – Выказал я своё предположение.

– Не..., у меня все простые. Я же не Миша Григорян, у которого пол Армении шишкари...

В течение десяти минут подошли машины с дивизионов и мы разгрузили снаряды. Теперь у нас на огневой позиции было по восемь снарядов на орудие. Я послал солдата за Матвеевым и Юзбашевым, чтобы потом не забыть про них в суматохе. Через пять минут подскочил Матвеев и бодрым голосом доложил, что всё нормально. Подозрительным взглядом осмотрел его,

пышущую здоровым румянцем лицо, явно не замёрзшего на посту, а только что отошедшего от костра. Вдалеке мелькнул Юзбашев и я, кивнув головой, принял доклад.

Доложили комбату, что ОП готова и замерли на своих местах.

Дальше произошло то, что должно было произойти с полком за все эти дни. За четыре последующих часа на всём песчаном поле не осталось ни единого места, где бы не разворачивалась батарея в боевое положение. Причём, это происходило на время и с обязательным выстрелом или залпом. Потом перемещались на сто-двести метров вперёд или в сторону и опять разворачивались. Условный противник периодически применял по нам отравляющие вещества, наносил ядерный удар, после которого мы всё равно возрождались. Разворачивались и тут же сворачивались, уходя от возможного налёта авиации. Снова одевали хим. защиту и целый час работали в ней, нервно ощущая, как просохшая одежда вновь пропитывается, но уже солёным потом. Опять стреляли и в конце с ходу развернулись на прямой наводке, где выполнили задачи по поражению неподвижных и движущихся целей.

Батарея была качественно вывернута наизнанку и мы здорово переживали за результаты своей работы. Это потом мы узнаем, что почти все нормативы выполнены с оценкой «Хорошо», либо «Удовлетворительно» и три задачи на «Отлично». А сейчас нервничали, переживая за результаты и за оценку полка.

Все снаряды были выпущены и над полигоном повисла тревожная тишина. На последнем этапе, прямой наводке, к нам присоединился комбат со своей ячейкой и теперь в яме, откуда мы руководили огнём, было не протолкнуться от взвода управления батареи.

– Командира батареи к командиру полка, – пришла команда по радиостанции. Капитан Чистяков выбрался из укрытия и побежал к недалёкому КНП полка, придерживая рукой полевую сумку.

– Ну, сейчас комбат обратно или начальником штаба дивизиона прибежит или взводным, – прокомментировал лейтенант Денисенко, – хотя, насколько я понял, отстрелялись мы вроде бы ничего...

Через десять минут из-за полкового КНП появился комбат и неспешной походкой направился в нашу сторону. Мы вскинули бинокли и впились в лицо комбата, стараясь угадать – С какой вестью он идёт назад?

– Вроде бы всё нормально, – неуверенно проговорил Лёва, – комбата не сняли, а я так и остался на своей должности.

Глядя на суету, поднимающуюся после отъезда чёрной, генеральской «Волги» и УАЗика командира, стало понятно, что учения закончились и там отбиваются.

Серёга Чистяков неспешным шагом подошёл к нам, вылезшим из ямы, и тут же опустился на раскладной стульчик, подсунутый одним из солдат взвода управления. Комбат молчал, молчали и мы, ожидая приговора. После недолгого молчания капитан улыбнулся, как это он умел – открыто и широко: – Ну что набычились? Не обосрались и Слава богу...

– Фууууу..., – мы оживились и тоже заулыбались, а комбат продолжил. – Какую там оценку полку генерал утвердит – не знаю, но нам – «Хорошо».

– Фуууу..., нормально... Ну, ёлки-палки, пусть нас полк теперь поит... Нет, каждый дивизион по отдельности... Чего дивизион? Восемь батарей – вот пусть поляны и накрывают по очереди..., – каждый из нас изощрялся, стараясь высказать свой вариант и виденья будущего расчёта полка, – комбат, а что генерал про нас сказал?

– Вот это самое интересное и загадочное. Он сказал следующее: командира батареи и старшего лейтенанта Геворгян я поощрю сам лично, офицеров и прапорщиков батареи приказом полка, а рядового Юзбашева после учений отправить в отпуск. Во как! Ладно, он мог знать тебя, Лёва. А вот откуда он Юзбашева знает? – Чистяков развёл в недоумение руками, глядя на наши также удивлённые лица.

– Боря, ну-ка Юзбашева сюда позови...

Через минуту перед нами стоял Юзбашев и мне показалось, что за эти несколько часов щетина у него стала гуще и ещё чернее.

– Юзбашев, кто у тебя родители? И откуда тебя знает генерал Смирнов? – Ну, на первый вопрос мог и я спокойно и довольно подробно ответить. Обычные учителя, в обычной школе. Такие же и родственники. Только дядя довольно известный нефтяник, награждённый двумя орденами Трудового Красного знамени. Но это всё не то...

В принципе, своим ответом и неопределённым пожиманием плеч, всё это подтвердил и солдат.

Мы замолчали, не зная, что ещё спросить, а у меня зародилось вполне законное подозрение и я приказал вычислителю: – Вызови сюда Матвеева.

Офицеры с любопытством поглядели на меня, но промолчали.

– Матвеев, у вас всё нормально было на перекрёстке?

– Так точно, товарищ прапорщик, всё нормально, – с готовностью и преданно глядя на нас, молвил пышущий здоровьем и оптимизмом солдат.

– Матвеев не Зви-з-ди, – медленно и раздельно высказал своё сомнение, – ты, когда мне докладывал, мне показалось что ты только что от костра.

– Тэкккк..., Матвеев, начинаем с тобой разговаривать по серьёзному, – в течение последующих десяти минут была выяснена вся картина происшедшего. Юзбашев выкатил в дичайшем изумлении глаза, когда услышал, что как максимум через неделю он будет ехать домой в отпуск, а Матвеев наоборот превратился в соляной столб, отчаянно вращая глазами и поняв, как он бездарно и позорно просрал отпуск. Мы же молчали, переглядывались и не знали, как реагировать на рассказ Юзбашева. Хотелось восхищённо заматериться и дико захохотать от той дурацкой ситуации, которую Юзбашев создал на перекрёстке.

Комбат попросил всё это показать и когда Юзбашев показал и изобразил....

* * *

.... В лесу, на перекрёстке было тихо, мокро и даже немного теплей, чем на опушке. Матвеев огорчённо покрутился на маленьком перекрёстке сошедших вместе лесных дорог, порыскал по мокрым кустам и остановился около мелкого окопчика, вырытого в глубине кустов. Постоял, о чём-то думая, после чего решительно встряхнул головой.

– Юзбашев, остаёшься здесь, а я пойду в расчёт. Ты ещё салага, поэтому и стой здесь. Я год назад такой же как ты был. Так что всё по справедливости. Если «Отбой» будет – я за тобой прибегу. А так смотри – не дай бог кого пропустишь. Геворгян тогда нас обоих убьёт. – Снял с себя гранатомёт и отдал его напарнику.

Матвеев улетучился и Юзбашев остался один. Свой автомат он повесил за спину, а гранатомёт повесил на плечо и стал мерно вышагивать по перекрёстку. Сначала вроде бы от ходьбы согрелся, но песок хоть и был дождём уплотнён, всё равно ноги проваливались и через полчаса солдат уже выбился из сил. Он остановился на середине дорог и замер, пытаясь сохранить тепло, но в условиях Германии и такой погоды это было невозможно. Постепенно, незаметно для самого солдата, его тело начало самостоятельно принимать позу, при которой потеря тепла сводилась к минимуму или как она называлась в армии – Зимняя стойка.

Голова втянута в плечи, туловище слегка согнуто и подано вперёд, руки слегка растопырены в стороны, ладонь в левой рукавице зажата в кулак, а сама рукавица из-за этого опущена ещё ниже, визуалью превращая обыкновенную человеческую руку в обезьянью, где кончики пальцев достают до колен. А вот правая рукавица была во время учений порвана. Точнее, внутренняя часть рукавицы была практически оторвана, поэтому правая ладонь была сжата в кулак, где и находилась оторванная часть рукавицы. Живот ещё больше втянулся, отчего ремень ослаб и штык-нож с подсумком и магазинами съехали к яйцам. Там же болталась и грязная сумка с противогазом. Комизма фигуре добавлял здоровенный гранатомёт, который был чуть меньше самого Юзбашева. Синие губы и крупная мутно-зелёная сопля на горбатом

носу довершала картину. И чем быстрее уходило тепло, тем больше трансформировалось тело в Зимней стойке.

Молодой солдат так глубоко ушёл в себя, в борьбу с потерей тепла, что чёрную, начальственную «Волгу», которая вывернула из-за изгиба лесной дороги, заметил тогда, когда до неё осталось метров десять.

Солдат, как робот, поднял правую руку, разжал кулак и оторванная внутренняя часть рукавицы красиво отвалилась, выставив на обозрение генерала замаранную ладонь. Юзбашев хотел махнуть рукой, обозначая сигнал «Стой!», но он уже настолько замёрз, что лишь грязный указательный палец беспомощно согнулся и застыл в полусогнутом положении.

Бампер автомобиля чуть ли не воткнулся в ноги солдата и Юзбашев медленно перевёл взгляд с капота «Волги» на высунувшегося из боковой двери генерала и не думая, почти на автомате, произнёс: – Старший лейтенант Геворгян приказал никого не пропускать.

– Понятно, – задумчиво произнёс генерал, разглядывая возникшее на дороге зачухонное создание. С таким же любопытством через лобовое стекло смотрел и чистенький солдат-водитель.

– В сторону отойди, товарищ солдат.

– Старший лейтенант Геворгян приказал никого не пускать...

– Да понял я..., понял..., – развеселился генерал, – только в сторону отойди.

Солдат продолжал стоять и смотрел с тоской в глазах на непонятливого офицера, который не знал, кто такой Геворгян и что тот мог сделать, если не выполнишь его приказ: – Старший лейтенант Геворгян приказал никого не пускать.

– Мне можно, я генерал. Видишь погоны генеральские? – Генерал продолжал веселиться, радуясь забавному происшествию, а Юзбашев вновь затаил.

– Старший лейтенант Геворгян приказал никого не пропускать.

– Ну..., ты и упёртый, – удивлённо и с лёгкой досадой протянул генерал и поманил рукой, – иди сюда.

Солдат с гранатомётом переместился к правой дверце автомобиля и застыл рядом, а генерал стал с ним говорить, как с ребёнком с детского садика. Причём, с ребёнком отстающим в развитии.

– Вот видишь погоны и какие большие звёзды у меня – я генерал. Знаешь кто такой генерал? Во..., знаешь. Молодец. Помимо того, что я генерал, я ещё и артиллерийский генерал и ношу точно такие же эмблемы как и у тебя. Во..., смотри. Только они у меня побольше размером и покрасивее. А раз я артиллерийский генерал, значит я начальник твоего старшего лейтенанта и твой начальник тоже. То есть – я могу спокойно проехать по этой дороге. Правильно? Во..., согласен. Тогда я поехал. – Генерал удовлетворённо откинулся на спинку сиденья, ожидая, что сейчас солдат сделает шаг назад и отдаст воинское приветствие. Но Юзбашев, подумав лишь секунду, бесцветным голосом затаил по новой: – Старший лейтенант Геворгян приказал никого не пускать.

– Тьфу ты, чёрт тебя побери... Надоел ты мне. Николай, поехали, – и генерал с досадой махнул перчаткой вперёд. Разбитной водитель ухмыльнулся, переключился на первую скорость и медленно сдвинулся с места.

Вся унылость и вялость мигом пропали у Юзбашева и тот, скинув с плеча гранатомёт, перехватил его и через открытое окно дверцы с силой ткнул гранатомётом в грудь генерала, плотно прижав его к спинке сиденья, и заорал тонким голосом на половину леса: – Старший лейтенант Геворгян приказал никого не пускать....

Испуганный водитель мгновенно нажал на тормоз и уставился на солдата, а обалдевший генерал молчал секунд двадцать.

– Хорошо солдат, убери оружие.

Юзбашев убрал с генеральской груди гранатомёт и вновь его повесил на плечо.

- Как фамилия?
 - Рядовой Юзбашев.
 - С арт. полка?
 - Так точно.
 - Разворачивайся, Николай, поедem другой дорогой.
- * * *

В конце рассказа мы уже не могли слушать без слёз, а Матвеев чуть не плакал. Отсмеявшись, комбат успокаивающе сказал «убитому» такой неудачей солдату: – Матвеев, не переживай. Даже если бы там ты был – отпуска ты бы не заработал.

– Почему, товарищ капитан? Чем я хуже Юзбашева?

– Вот в этом то и дело. Такое мог сделать только неотёсанный службой молодой солдат. А ты бы, Матвеев, увидев генерала и его погоны, встал по стойке Смирно и пропустил его.... Так что не расстраивайся. Ещё целый год у тебя впереди и много будет возможностей его заработать.

Командир взвода амфибий

Очередной взрыв хохота потряс помещение дежурного по парку. Лейтенант Денисенко, загадочно улыбаясь и переждав приступ веселья, продолжил: – Выскакиваю я в коридор и начинаю судорожно натягивать штаны и как раз напротив большого зеркала. Глянул туда, а оттуда на меня смотрит какое-то косматое и белое чудище....

Новый взрыв смеха потряс дежурку, а в самый разгар рассказа открылась дверь и в помещение зашёл командир взвода с восьмой батареи старший лейтенант Мусин – мой тёзка. Хитровато поглядел на меня и присоединился к нашей компании. Сегодня была суббота, до обеда парковый день и постепенно офицеры и прапорщики собрались в помещении дежурного по парку, где проводили время за разговорами.

Денисенко закончил рассказывать и когда мы отсмеялись, то свою историю решил рассказать капитан Евминов, но его прервал Боря Мусин.

– Мужики, третий год служу в полку, но ни фиги не знал, что у нас есть машины-амфибии.

Со всех сторон послышались ироничные возгласы: – Боря, ты чего перепил? Так рано, ещё только суббота.... Боря, да откуда у нас амфибии...? Ты чего буровишь? Боря, тебе пора в отпуск в Союз...

Присутствующие офицеры весело подкалывали Борю, но Мусин был невозмутим, лишь хитро поглядывал в мою сторону. Я хоть и пользовался авторитетом у офицеров, но не мог позволить себе остроту или шутку в сторону сослуживца – был ещё молод. Но весело смеялся со всеми над какой-нибудь наиболее острой подколкой.

Старший лейтенант, переждав веселье, продолжил: – Зря, ребята смеётесь. Я только что своими глазами видел машину-амфибию. Её кстати испытывают и именно сейчас, пока мы здесь сидим.

В дежурке повисло удивлённое молчание, а Мусин торжествующе продолжил.

– Вот особысты чётко работают. У нас в полку уже год как есть разведывательная машина ПРП-1. Мы её видим в течение года только издалека, до того она засекречена. Как только её выгоняют из бокса, так рядом садится на табуретку особист и выставляется часовой, который ближе чем на тридцать метров никого не подпускает. А тут, реально в полку есть машина-амфибия и все об этом узнают лишь только, как её начинают испытывать у нас в парке....

– Мусин, ты что перегрелся? Какие испытания? Какие амфибии? – старший лейтенант Геворгян от удивления даже привстал с топчана.

– Да, да, Лёва, сейчас её испытывают в пожарном водоёме, за боксами вашей батареи, – Боря Мусин опять загадочно посмотрел на меня. Мы разом загалдели и, теснясь в дверях, стали поспешно выходить на улицу. После чего направились на дальнюю половину парка, где находился один из пожарных водоёмов. Рядом со мной и Лёвой шёл Мусин и всё укоризненно гудел.

– Ну, как так? Боря, Лёва рядом с вами, буквально на ваших глазах находилась эта техника и вы не догадывались. Ну, вы и даёте...

Мы с Лёвой в недоумении тарасили глаза на товарища и удивлённо переглядывались, а за нами тянулись остальные офицеры. Вышли к нашим боксам, свернули у пункта технического обслуживания влево и вышли к пожарному водоёму, ожидая увидеть нашего особиста, часовых и всё полковое начальство. Но никого из них не было, лишь у пожарного водоёма кучковались солдаты с нашей батареи, которые увидев толпу офицеров мигом разбежались.

Я, Лёва Геворгян и Боря Мусин первые подошли к водоёму и я ожидал увидеть на воде, что-то среднее между большой лодкой и автомобилем, но из воды, посередине пожарного водоёма весьма приличного размера, торчал мокрый тент кузова, виднелась крыша кабины

ЗИЛ-131 сантиметров 30, а на ней сидел, сложив ноги по восточному, водитель с моего взвода рядовой Джегутанов.

Моё лицо опухло холодом, после чего меня бросило в пот от нехорошего предчувствия.

– Джегутанов, ты чего там делаешь?

Подчинённый с тоской посмотрел на меня, на подошедших офицеров, которые сгрудились на краю водоёма и молча разглядывали утопленный автомобиль, Джегутанова, сидящего на кабине, и сам пожарный водоём.

Солдат неуклюже слез в воду, в несколько гребков пересёк водное пространство до берега водоёма и весь мокрый теперь стоял передо мной и старшим офицером батареи Лёвой Геворгяном.

– Джегутанов, что произошло? – Рывкнул старший лейтенант и солдат, вздрогнув в испуге, дрожащим голосом стал докладывать.

– Товарищ старший лейтенант, товарищ прапорщик, я тут с ребятами поспорил... – солдат виновато опустил голову и замолчал.

– Продолжай... – приказ офицера, как кнутом ожёг солдата и тот опять залепетал.

– Ну, мы поспорили... Я сказал, что водоём мелкий и проеду на машине, а ребята говорят, что глубокий... Ну, и закусились... Я заехал и машина утонула... Точно глубокий...

Лёва в возмущении сдвинул фуражку на затылок и озадаченно тёр ладонью лоб, разглядывая машину. Я же ожесточённо сплюнул и с надеждой повернулся к своему старшему товарищу, но Лёва лишь развёл руками.

– Ну и влетели мы... Машину вытащим, но её нужно перебирать, продувать всё... Короче, суматохи дня на два точно... Блин, ох и оттрахают нас, да ещё и комбата...

Я огорчённо матернулся и удивлённо спросил: – Лёва, а ты то тут причём? Комбата – понятно за что..., а я командир взвода.

Но Лёва уже начал распорядиться и Джегутанов убежал за другим автомобилем в наш бокс и Геворгян повернулся ко мне: – Да ладно, Боря, не дрейфь – прорвёмся... А отдерут меня... Мы с тобой хоть и взводники, но я как СОБ всё-таки какое ни какое – начальник над тобой.

Мы замолчали, а старший лейтенант Мусин подогнав в голос деланного удивления протянул: – А я то думал испытания амфибии идут...

Все офицеры так и грохнули в хохоте. Улыбнулись даже мы. Правда, улыбались и смеялись мы не долго: так как из-за пункта технического обслуживания вывернул начальник автомобильной службы полка майор Сушинский.

– Ну, надо же, уже кто-то вложил. Сейчас, Лёва, меня будут убивать, – наблюдая за приближающимся багроволицым майором, я затосковал. Полгода назад ефрейтор Цюпа разбил первую машину со взвода, три месяца назад уже я с Лаптевым во время рейса, уводя машину от немецкой старухи в кювет разбил вторую машину. Ну, а эта третья...

Сушинский остановился у водоёма и, сопя и пыхтя от одышки, внимательно оглядел утопленную машину и замолчавших офицеров. Потом его взгляд остановился на мне, медленно переместился на Геворгяна, а потом снова на меня.

– Геворгян, – глаза начальника автослужбы гневно заблестели и он агрессивно выпалил, – давай поспорим, что я угадаю с первого раза чья это машина?

Лёва под взглядом Сушинского замялся, подыскивая слова, но я выдвинулся вперёд и тяжело вздохнув, обречённо пролепетал: – Это моя машина...

Майор тоже тяжело вздохнул и долгим, многообещающим взглядом посмотрел на меня. После этого повернулся к водоёму и ещё с минуту молча разглядывал вызывающе торчащий из воды ЗИЛ-131. Из-за нашего бокса, грозно ревя и выкидывая сизые дымки из выхлопной трубы, выехал грузовой автомобиль, на подножке которого стоял мокрый Джегутанов. Машина подкатила к пожарному водоёму и под сумрачным взглядом майора Сушинского, начала сда-

вать к краю водоёма, где и остановилась у самой воды. Водитель машины заскочил в кузов и выкинул на землю длинный трос, который тут же подхватил виновник происшедшего. Джегутанов зашёл в воду по колено, потом вода поднялась ему до пояса. У капота, где ему было выше головы, он нырнул и с первой попытки сумел зацепить конец троса за крюк на бампере своего автомобиля. После чего забрался в кабину, махнул оттуда рукой и закричал.

– Нормально, Давай...

Водитель второй машины засуетился, накинул на шваркоп свой конец троса, защёлкнул его и застопорил большой стальной булавкой. Повернулся ко мне и вопросительно посмотрел.

Я посмотрел на Сушинского, затем на Геворгяна и, видя, что они не собираются вмешиваться, сорвался с места и заполошно побежал к машине.

– Давай, трогай..., – водитель запрыгнул в кабину, переключил рычаг скоростей и по моей команде стал медленно двигаться вперёд, натягивая металлический трос.

Трос натянулся и я в азарте закричал: – Давай..., Газу.....

Двигатель взревел, задние колёса слегка пробуксовали, но зацепившись за твёрдый участок берега, машина медленно тронулась вперёд, уверенно выволакивая машину Джегутанова из воды. Водитель первой машины протащил на буксире автомобиль Джегутанова далеко вперёд, по большой дуге обогнул мойку и подъехал к нам, где по взмаху майора Сушинского остановился. Чуть проехав вперёд, остановилась вторая машина, откуда со всех щелей выливалась мутная вода. Сушинский, я и Лёва Геворгян направились к кабине, где сидел мой солдат, крепко уцепившись за баранку руля. Остальные офицеры предпочли остаться на месте и издали наблюдать за последующими событиями, которые не замедлили произойти.

Видя, что Сушинский упорно молчит и сдерживает рвущийся в наружу гнев, я было с надеждой подумал что в принципе на этом «гроза и прошла»... Ну, немного поругают... Обзовут дураком... Может объявят выговор. В конце-концов это не так страшно, а предсказуемо. Страшно, когда Сушинский выкатив в гневе глаза в красных прожилках, нависает над тобой и начинает крыть матом, то тогда действительно страшно.

Может быть и обошлось бы..., но начальник автомобильной службы не подумав, потянул ручку дверцы на себя и резко открыл дверь кабины. Вода, которая до этого просачивалась из кабины из всех щелей тонкими струйками, бурным потоком хлынула на брюки Сушинского, что привело его тотчас в состояния бешенства. Сначала майор немо только разевал рот, пытаясь хоть что-то произнести, но не мог. То ли он не мог, вот так с ходу найти подходящие для такого случая сильные слова и выражения, то ли он действительно онемел или же у него отказал в данный момент речевой аппарат? Тряс кулаками перед моим лицом, безмолвно тыкал пальцем в сторону автомобиля, обильно брызгая слюной во все стороны. Я уже смирился со всеми карами и наказаниями, которые ждали меня из-за этого происшествия в ближайшем и отдалённом будущем и с завистью наблюдал, как мой водитель Джегутанов в ужасе убежал в сторону боксов батареи. Я же убежать не мог, потому что у меня было самолюбие – я ведь всё-таки командир взвода, а не бестолковый солдат, да и в конце концов ощущал свою вину. Лёва Геворгян стоял рядом и хмуро наблюдал эту пляску "Святого Витта". Офицеры, которые находились недалеко за спиной Сушинского, веселились во всю, наблюдая этот спектакль одного актёра, но когда начальник в очередном приступе гнева поворачивался в их сторону, улыбки и смешки одним движением стирались с их губ и лиц. Командиры батарей и взводные становились серьёзными и укоризненно качали головой, "осуждая" меня за данное ЧП.

Наконец-то у Сушинского прорезался к всеобщему облегчению голос и он выдал в течение двух минут "на гора" всё что он думал обо мне, о моём ближайшем сексуальном будущем, которое было очень печальным и извращённым. Вспомнил о моих родителях, причём, вспомнил как-то совсем нехорошо. Все слова о моём будущем были такими яркими и цветистыми, образными, что все в том числе и я даже заслушались. И даже было странно слушать тишину, которая внезапно на нас обрушилась, когда у Сушинского иссяк словарный запас, запас вся-

ких пикантных выражений. Самое странное, что солнце продолжало светить и продолжало катиться по своему извечному пути, а не рухнуло с небосклона на наш парк. Я был живой и не расстрелянный, а воробьи продолжали копошиться в куче мусора, выклевывая оттуда какие-то грязные, но наверно до ужаса вкусные, зёрнышки.

Сушинский, в течение двадцати секунд осматривал промокшие насквозь брюки, растянув пальцами брючины в разные стороны, попытался что-то с них стряхнуть, после чего поболтал ногой обутой в сапог и, услышав там весёлое побулькивание, вдруг сам рассмеялся и уже обычным голосом обратился к старшему лейтенанту Геворгян.

– Лёва, ну прапорщик ещё пацан молодой, а ты ведь не сопливый лейтенант... Геворгян, ну ведь эту молодёжь учить надо... Что за прокол такой? Полгода и уже третья машина... Лёва, ну ёлки-палки...

Старший лейтенант Геворгян был типичным представителем армянской национальности как внешне, так и внутренне. Был крупным и сильным человеком. Был грамотным артиллеристом и отличным командиром, имел весёлый и добродушный характер и за всё это в совокупности пользовался огромным авторитетом и уважением среди однополчан. Поэтому даже майор Сушинский общался с ним почти как с равным.

Мой СОБ сокрушённо покрутил головой, потом залез на бампер и открыл капот, секунд тридцать смотрел на двигатель, прыгнул и решительно подошёл к начальнику автомобильной службы полка.

– Товарищ майор, всё будет нормально. Сейчас всех водителей поставлю на машину, к вечеру раскидаем движок. Просушим, с утра всё продуем и к вечеру заново соберём. Я так думаю, что вечером и заведём.

– Ладно, Лёва, действуй. Я тебе сейчас ещё своих пару специалистов подошлю. Ну, а ты Цеханович, пошли со мной....., к командиру. Я думаю, ему весело тоже будет, как и мне.

Я облегчённо вздохнул: Раз Геворгян сказал, что завтра вечером машина будет заведена – так оно и будет. Ну, а командир? У него чемоданное настроение. Сегодня-завтра в полк придёт новый командир полка, а подполковник Скворцов уйдёт в артиллерийскую дивизию начальником штаба. Так что моя утопленная машина ему уже не помеха. Ну, посмеётся, ну слегка пожурит. Фигня всё это.

В помещении дежурного по парку Сушинский позвонил в канцелярию нашей батареи и приказал моему комбату тоже идти в штаб полка, отчего у меня совсем испортилось настроение. Капитан Чистяков был отличным командиром батареи, спокойным как слон, руководил батареей уверенно и грамотно и был тем командиром, у которого не только можно поучиться и приобрести определённый военный опыт, но он сам не жалел своего времени и нервов, обучая меня. Поэтому я был в полку, несмотря на свою молодость, не на последнем счету. Я думал, что меня сейчас в кабинете командира полка отругают одного, а комбату достанется лишь остатки праведного гнева командира полка и Сушинского, то теперь может так получиться, что на Чистякове все оторвутся по полной программе, а меня оставят на закуску. Вот это меня не устраивало.

Ожидая, что всю дорогу до штаба Сушинский будет ругать меня, был безмерно удивлён его молчанием, причём это молчание не носило характер грозовой тучи, которая вот-вот разразится громом и молниями над моей головой. Майор что-то сосредоточенно обдумывал, лишь искоса иногда поглядывая на меня.

В штабе царила непонятная лёгкая суматоха и возбуждение, причина которой стала понятна через несколько минут – только что прибыл новый командир полка. Сушинский открыл дверь командирского кабинета и хотел было туда уже зайти, но вдруг остановился и произнёс в глубину кабинета: – Товарищ подполковник, я потом зайду..., – хотел закрыть дверь, но послышался весёлый голос командира.

– Геннадий Антонович, заходи. Как раз вовремя.

– Цеханович, стой здесь. Жди.

Сушинский скрылся за дверью, а я стал маяться в приёмной, ожидая вызова. Через пять минут подошёл командир батареи, который в общих чертах уже знал о происшествии. Он лишь выслушал некоторые подробности. Помолчал немного, помаргивая глазами, подумал, разглядывая казённую обстановку приёмной и спокойно произнёс: – А, прорвёмся...

Вскоре из-за двери послышался голос Сушинского.

– Цеханович, где ты там? Заходи.

В кабинете, куда я зашёл вслед за комбатом, царила непринуждённо-весёлая атмосфера. Подполковник Скворцов вальяжно сидел на своём месте, а через стол напротив него сидел незнакомый подполковник, около которого основательно угнездился Сушинский. Самое поразительное, что Скворцов и незнакомый подполковник были явно поддатые. А за год службы никто в полку не видел среди рабочего дня нетрезвым командира полка. Он себе этого просто не позволял, а сейчас сидел за столом и весело улыбался, слушая наш доклад о прибытии.

– Чистяков, Цеханович, знакомьтесь – это ваш новый командир полка...

Командир батареи и я приняли строевую стойку и представились: – Командир девятой батареи капитан Чистяков... Командир второго огневого взвода девятой батареи прапорщик Цеханович, – эхом вторил я.

– Семён Семёнович, вот твои первые подчинённые, – Скворцов также весело махнул рукой в нашу сторону, выдержал театральную паузу и продолжил.

– Командир девятой батареи капитан Чистяков на своём месте, батарея хорошая, офицерский коллектив в батарее крепкий. Батарея способна выполнить любые поставленные задания. Прапорщик Цеханович, командир взвода девятой батареи, Ну, это легенда нашего полка – за полгода командования взводом разбил два автомобиля взвода и один сегодня утопил. Это, Семён Семёнович, ты уже слышал. Правда, справедливости ради, тоже нужно сказать – хороший прапорщик, как командир взвода, так и как артиллерист. Но..., вот эти машины – его беда. Что скажешь, прапорщик?

Я лишь развёл руками и этот жест можно было истолковать по разному: от – Я расписываюсь в своей беспомощности, до – Готов бороться до конца...

– Ты, Цеханович, крыльями не маши, а отвечай, если тебя спрашивают. Когда у тебя по графику угробить четвёртую машину? Докладывай. – Подполковник Скворцов откровенно веселился, а новый командир доброжелательно смотрел на нас.

Я молчал, а вместо меня, видя, что атмосфера в кабинете отнюдь не грозная, высказался комбат: – Товарищ подполковник, всё будет нормально, тем более что автомобиль стоит на складе загруженный под завязку снарядами, на колодках и заводится на месте раз в два месяца...

– Вот, вот, Чистяков, – командир полка прервал командира батареи, – и мне до жути интересно каким способом твой командир взвода её убьёт. Вот смотри: первую машину у него разбил Цюпа – въехал в стену хранилища, в разбитии второй машины он лично принимал участие, будучи старшим машины, третью сегодня утопил в пожарном водоёме. А? Какова завязка интриги? Вот Как? Машина стоит на колодках.... Заводится только на месте и никуда не едет..., но ведь он её разобьёт..... Цеханович, давай..., поделись планами...

Я стоял, добросовестно морща лоб и пытаюсь представить каким образом я или мои водители сумеют автомобиль привести в негодность. А глядя на мои потуги, все присутствующие в кабинете, в том числе и Чистяков, грохнули от смеха.

Отсмеявшись и вытерев выступившие слёзы, Скворцов обратился к Сушинскому: – Геннадий Антонович, слушай. Когда он всё-таки убьёт машину, не ленись, позвони мне и расскажи – как всё это произошло, – все опять рассмеялись.

– Ладно, Чистяков идите, повезло вам – я сегодня добрый....

В парке, куда мы пришли с комбатом, кипела работа. Все десять водителей батареи, как трудолюбивые муравьи суетились вокруг автомобиля, с которого была снята облицовка и теперь четверо бойцов с гаечными ключами одновременно что-то скручивали с двигателя. В трёх метрах от машины стоял стол, откуда Лёва Геворгян руководил всей этой суетой. Обсудив детали восстановления машины и посидев немного с нами, комбат удалился в сторону казармы, а я в цветах и красках рассказал о посещении кабинета командира полка.

К вечеру следующего дня машина завелась: сначала она выкинула густые клубы сизого дыма, а через три минуты ровно заработала и я с облегчением перевёл дух. В этот же вечер сводил Геворгяна и Чистякова в ресторанчик, недалеко от полка и щедрым столом отблагодарил своих старших товарищей.

В течение последующих двух месяцев меня иной раз подымали на полковых совещаниях или выдёргивали из строя и командир полка, хитро прищурившись или майор Сушинский, грозно сдвинув брови, ехидно задавали вопрос командиру батареи, типа: – Ну, как там дела у Человека-амфибии....? Или же – Когда командир взвода водолазов грохнет свою машину...? А то – Чистяков, второй месяц на исходе. Тебе что-нибудь известно о планах командира взвода амфибий насчёт четвёртой машины....?

Конечно, это было беззлобное подтрунивание, над которым весело смеялись присутствующие. Но смех – смехом, но к концу второго месяца майор Сушинский своим приказом запретил мне и моим водителям в течение двух следующих месяцев даже появляться на складе боеприпасов. К машине мог подойти только командир батареи или Лёва Геворгян.

Надо сказать, что судьба четвёртого автомобиля оказалась куда более удачливой, более героичнее, чем у других моих машин.

Через год, я тогда буду служить уже в другой части, водителем этого автомобиля станет мастер спорта по автогонкам, который отремонтирует и доведёт двигатель автомобиля до гоночного состояния. А в восьмидесятом году, ЗИЛ-131 будет передан в сводный батальон, который прямиком отправят в Афганистан, где он и подорвётся на мощном фугасе и до самого вывода наших войск, как мне рассказывали, ржавый, обгоревший остов машины лежал на дне ущелья рядом с пыльной дорогой, неммым укором взывая к воюющим сторонам.

ЧП

В полку ЧП. Да ещё какое ЧП! Четыре трупа и двое в тяжелом состоянии. Сейчас врачи делают всё, чтобы вытащить бойцов с того света. А пока врачи борются, в полку идут разборки – Как так? Почему? Где и в каком месте проглядели? Кто виноват? Кто должен и как отвечать? Что надо сделать, чтобы это не повторилось потом?

Это в российской армии, при Табуреткине, при таком ЧП сразу назначались виновные, даже не разбираясь – вся вертикаль, от командира взвода до самого верха, все кто причастен хоть как-то к этому. Не важно, что сам боец слабак или идиот по жизни. Не важно, что и родители солдата тоже идиоты. Может даже и клинические и зачали бойца по пьяни. Важно назначить виновных, нормальных офицеров, с нормальными семьями и детьми, которые учились пять лет в училище и были нацелены служить Родине до конца. Ничего это не учитывалось – под жопу и на гражданку. Увольняли мигом и всю вертикаль... Главное отчитаться и прикрыть судьбами нижележащих офицеров свои жирные задницы.

А в советское время, по крайней мере в тех частях, где я служил, действительно разбирались именно с причинами ЧП, для того чтобы извлечь такой горький опыт и не допустить в последующем повторение. Да..., если есть конкретная вина или упущения, конкретного офицера – наказывали. Но наказывали дисциплинарно, либо по партийной линии. И работали с этим офицером, проводили необходимые мероприятия, чтобы это больше не повторялось. А офицер, виновный или по какой-либо причине допустивший ЧП, приобретал определённый негативный опыт на всю оставшуюся службу и жизнь. И другие офицеры учились на чужом опыте – как это не допустить у себя. То есть, была целая школа «разбора полётов», которая давала свои положительные результаты.

Вот и сейчас. Разбирались, разбирались и встали в тупик. Даже начальник политотдела, примчавшийся в полк со своими клерками, и те встали в позу непонимания. Работа в полку, во втором батальоне, в пятой роте, где произошло это ЧП, была проделана полностью. Полковым начальством, кому это было положено и запланировано, было проведено целый ряд бесед, лекций в полковом масштабе, по-батальонно, на тему – «Антифриз–Яд». Жидкости, закаченные в противооткатные устройства – Яд. Все технические жидкости, пахнувшие спиртом – Яд.

В батальонном звене, те же самые темы, но уже на жизненном уровне, типа – Балбесы, всё что пахнет спиртом – это не водка и пить нельзя...

На ротном уровне присутствовали все списки по мерам безопасности за год, в том числе и графы с росписями пострадавших, которые из месяца в месяц расписывались за то, что им было доведено – Антифриз – Яд. Стеол М – Яд. В дневниках индивидуального воспитания командиров взводов, тоже есть записи о проведении соответствующих разъяснений, подкреплённые подписями пострадавших.

В боксах на всех единицах техники среди многочисленных бирок и бирочек – «АКБ снят», «Вода слита» Ответственный такой-то. Или наоборот – «Залит антифриз» и тут же красовалась и небольшая бирочка – Антифриз-Яд.

И в других подразделениях полка такая же картина. Политотдел озадаченно молчал, лишь по инерции покусывал замполита полка, замполита батальона и замполита роты. Прокурорские тоже предварительно доложили – есть ЧП, четыре трупа и два пострадавших. Нет виновных. Командование батальона охарактеризовало солдат исключительно положительно. Один, из пока ещё живых, накануне вернулся из отпуска, куда ездил по поощрению. Особисты в свою очередь, исходя из своих источников, подтвердили – солдат из отпуска водку или ещё чего-то не привозил. Ситуация оказалась патовой.

Ещё раз, в жёсткой форме, провели повторно лекции о вреде употребления спиртосодержащих жидкостей с подписями каждого военнослужащего о доведении. А также довели до

всех солдат, сержантов – Двоих всё-таки сумели откачать.... Но...., один ослеп на 100%, у второго поражены почки и другие органы, но глазами видит.

Тихо прошли два месяца, в ходе которого, кому положено, тоже тихо «копали». Как же так – все знали, что это Яд, но всё равно выпили? Как так? Ну, ведь не групповой факт самоубийства?

Ларчик открылся просто и совершенно с неожиданной стороны. В конце утреннего полкового развода, командир полка повелительно махнул рукой и от штаба, на плац, вывели двух военнослужащих. Одного вели под руки, так как он ничего не видел. Второй понуро шёл сам и оба имели весьма бледный и очень болезненный вид. Дождавшись, когда они встали на середину полкового строя, командир обратился к полку.

– Вот, посмотрите. Посмотрите на этих двух мудаков, которые сами себе испортили жизнь. Это оставшиеся в живых после употребления жидкости Стеол М из противооткатных устройств. Четыре человека умерли. И пусть это никого не коробит, но они хотя бы умерли быстро и мало помучились. А вот они выжили и стоят перед вами. Вот этот, – командир полка взял за рукав солдата и вывел его на пару шагов вперёд, – это организатор пьянки. И он виновник смерти своих сослуживцев. А также по его вине, ослеп его товарищ.

Командир полка мотнул головой и сопровождающий слепца тоже поставил его рядом с первым.

Командир подошёл к слепому и за рукав повернул его к товарищу: – Вот что ты ему скажешь сейчас? Молчишь!?! Тогда скажи ему хотя бы Спасибо... Или что...!?! Опять молчишь...! Ну..., молчи..., молчи..., только вокруг тебя лето, зелёная трава, деревья распушились, а за забором молодые девки ходят, кровь с молоком, титьки без бюстгалтера... Но ты этого больше никогда не увидишь и молчишь... Да я бы на твоём месте в морду ему дал или плюнул хотя бы в лицо. Потому что вот эта твоя слепота на всю жизнь. А ты молчишь...

Командир вновь повернулся к строю: – Он слепой и у него там ещё есть ряд мелких неприятностей организма. Но жить будет. А вот этот... Ну-ка, два шага вперёд. Вот этот, зрячий, но смотреть ему на мир осталось месяца два-три, как медики сказали. У него этим Стеолом поражены многие внутренние органы, которые должны в здоровом состоянии очищать и обновлять кровь. Вот пока он лечился в госпитале, его раз в неделю возили в немецкую больницу, где есть такой аппарат, который прогоняет его кровь через себя и очищает. А куда он сейчас уедет домой, как комиссованный по здоровью, такой аппарат есть только в областном центре, до которого ему ехать больше трёхсот километров. Вот сами подумайте: чтобы жить – ему раз в неделю нужно будет ехать в областной центр. Триста км туда, триста обратно.... Не хило, надо сказать. Да..., ещё медики говорят – даже если он будет исправно ездить на процедуры, жить ему всё равно лет восемь-десять. Не больше... И достаточно два раза подряд ему пропустить процедуры, процесс внутри его станет необратимым и смерть к нему придёт с жуткими болями от распада внутренних органов. И вопрос – Может быть, лучше им обоим было сразу умереть, чтобы вот так одному медленно умирать, а второму в одиночестве жить в полной темноте. Жестоко сказано, но наверно так лучше. Для всех.... Для них самих, для их родственников, которые будут видеть, как каждый день вот этот погибает, а тот бьётся обо все столбы и стучит палочкой перед собой на улице.

Смотрите и думайте своими головами. Если офицеры вам говорят, что это ЯД – значит это действительно ЯД! Если нельзя пить – значит действительно нельзя пить! Ну, а теперь их проведут вдоль строя, а вы очень внимательно на них посмотрите и запомните на всю жизнь, по какой причине их тут водят....

По команде командира полка обоим военнослужащих медленно повели вдоль строя полка, а по окончанию прохода, снова вывели на середину плаца. Командир долгим взглядом посмотрел на комиссованных и вновь обратился к полку.

– Я ведь недаром про офицеров сказал. Мы провели расследование этого случая и результаты его нас прямо поразили. Вот этот товарищ, – командир полка показал на зрячего, – был отправлен нами поощрению в отпуск. Тут вопросов нет. Заслужил честно. И вот в отпуске его встречают, накрывают хороший стол, куда садятся всей роднёй и выпивают за сына, за отпуск и за нашу армию – надеюсь, её не забыли. И мы тоже ничего не имеем против застолья. Таковы наши традиции. В разгар застолья, когда все подвыпили, к нашему отпускнику подсел датый родной дедушка ветеран Великой Отечественной войны и задал ему вопрос – А как вы там, внучок, этим делом балуетесь? Тот ему отвечает – Что никак, дедушка. В самоволку не ходим, да и денег на немецкую водку жалко... И тут дедушка здорово удивился и ударился в воспоминание: – Да ты чего, внучок!? Зачем же её покупать? Я когда артиллеристом на войне был, мы вот с противооткатных устройств жидкость сливали и пили.

– Ты чего, дедушка, её же пить нельзя. Это ж ЯД, так нам офицеры говорят.

– Ерунда всё это. Видишь, я сижу перед тобой..., живой и здоровый. Мы эту жидкость через вату и уголь из противогазных коробок пропускали и пили.

Командир сделал паузу, посмотрел на виновника и, ткнув пальцем в того, продолжил: – И вот этот дурак, всё это запомнил. Приехал сюда и предложил товарищам выпить. Те ему справедливо говорят – Ты чего? Это же ЯД! А он им – Ни фига подобного, офицеры нам врут. Можно пить, мне дед рассказал, как они спокойно пили на войне и всё в порядке. И вот результат – четыре трупа, один слепой и вот он, потенциальный труп.

Начинаем разбираться глубже... Это я вам сейчас рассказываю – чтоб вы знали и не пейте эту гадость. Это действительно ЯД. Так вот его родной дедушка был отчасти прав. Потому что в войну все вот эти жидкости были на основе спирта и после неких манипуляций очищения, её можно было пить. Только вот сейчас за основу всех этих жидкостей, в том числе и Стеола М, что в противооткатных устройств закачен, используют очень сильную химию, которая и является смертельным ядом, только что спиртом пахнет. Поэтому и офицеры не врут.

Ну..., а этих через два часа, мы отправляем с сопровождающим офицером на вокзал и в Союз. Этот будет существовать в вечной темноте, а этот будет бороться за свою жизнь. Вернее, за её продолжительность....

Из глубины строя батареи донёсся солдатский шепоток: – Блиннн..., или он дедушку грохнет, когда приедет или всей роднёй его прибьют. Бедный дедушка.

Дембеля

– Командир.... Командирrrrrrr.... Прапорщик!!!!!! Он что, тоже что ли пьяный? – Меня долго и сильно тормозили за плечи с двух сторон и в конце концов всё-таки сумели вытащить из глубокого и здорового военного сна. Очумелый, вскинулся и, сев на матрасе, всё ещё мутными от сна глазами посмотрел на тормозивших меня работяг.

– Вооо..., наконец-то... Ты что, прапорщик, с солдатами квасил?

– С какими солдатами? – Непонимающе уставился на работяг в сильно замасленных спецовках.

– С какими..., какими? Не с мои же.... С твоими. Вон они нахрюканные валяются, – озлился самый замасленный рабочий и мотнул головой в сторону.

Я послушно повернул голову и увидел рядом с собой шеренгу солдатских матрасов, на которых в разнообразных позах, в пьяном угаре, пуская в воздух тихие стоны, слюни и здоровые солдатские газы, валялись мои подчинённые. Один даже лежал мордой в собственной блевотине.

И тут всё мгновенно вспомнил. И то что я старший команды, и то что мы уже второй день находились в командировке на Михайловском алюминиевом заводе, и то что бойцы вчера вечером, наплевав на меня, открыто и нагло ушли в самоход в город. Там-то они наверно и нажрались.

– Неее..., это они без меня, – удручённо протянул я и обречённо вздохнул, – проспятся..., вот тогда и устрою разборки.

Это пришлось сказать для рабочих, а сам про себя горестно подумал: – Как бы они сами со мной разборки не устроили.

– Ладно, ладно, командир, это твои проблемы. Беги скорее в цех, там твой солдат загашенный с ломиком бегаёт. Всю ночную смену разогнал. Как бы кого не покалечил или убил..., – заторопили меня оба работяги, стягивая с матраса.

– Погодите..., погодите..., – упёршись пятками в старый и расщеплённый паркет огромной комнаты, лихорадочно стал пересчитывать бойцов. Со мной было тринадцать человек, а здесь валялось только двенадцать. Кого тогда нет????

Я никак, в течение нескольких секунд, не мог сообразить – Кто там мог бегать с ломиком? Потом махнул рукой и выскочил впереди рабочих из «Красного уголка» цеха, куда нас определили на постой. Перебежал большую, пустую и мрачную комнату, выскочил на обширную железную площадку с крутой железной лестницей, спускающейся в сам цех. Выскочил и опёрся на железные перила, вперив свой взбалмошный взгляд в глубину цеха, пытаюсь разобраться в обстановке. Со стороны моя фигура в бриджах, заправленных в хромовые сапоги, в тельняшке ВДВ смотрелась наверно колоритно и предполагала во мне либо матёрого матроса на капитанском мостике в самый разгар шторма, либо революционного, но тоже матроса, готового толкнуть в массы речугу и зажечь эти массы на борьбу с Деникиным, или с Колчаком. Только беда была в том, что эти рабочие массы в количестве двадцати человек висели на козловом кране посередине цеха. Если человек семь вполне комфортно расположились на тесной площадке крановщицы, то остальные висели, цепляясь за всё, за что было возможно и уже из последних сил.

Вполне возможно, в другое время я бы и рассмеялся, наблюдая такую забавную картинку, но увидев меня, висевшие возмущённо загалдели: – Чё стоишь? Чё лупаешь зенками? Иди..., крути руки..., – и замахали свободными руками вниз.

А внизу грозно рыча, легко, как берёзовой веткой, размахивая внушительным ломиком, бегал и прыгал сержант Кренделев, азартно пытаюсь ломом достать и сбить людей с крана.

Мигом покрылся холодным потом от самой мысли выйти один на один с обезумевшим сержантом, который по жизни был на голову выше, да и физически сильнее меня, двадцатисемилетнего прапорщика. Да и чего греха таить, я его ещё и банально боялся: даже трезвого. А тут слетевший с катушек....

Поняв, что настал вполне возможно мой последний день жизни, я тем не менее с жизнерадостно-идиотским энтузиазмом повернулся к рабочим, застывшим в священном ужасе и так небрежно кинул им: – Счас...., я его крутану...., – и ринулся вниз по металлической лестнице. Страх пропал – Так и так погибать. Овладело спокойствие и как это не удивительно, но мозг выдал готовое решение: – Кренделев сейчас пьян в стельку. Обстановку вокруг себя не контролирует. Нужно только незаметно подобраться, внезапно напасть, сбить с ног и лишить его сознания....

Так и сделал. Короткими перебежками, прикрываясь станками. Как партизан. Я сумел зайти со спины сержанта, но несколько сбоку. И тут мне здорово помогла крановщица. Она начала сдвигать кран с висящими людьми в мою сторону и Кренделев, плотоядно и злобно, глядя вверх на жертвы, периодически подпрыгивая, тоже стал сдвигаться в мою сторону. Мне только и оставалось внезапно выскочить из засады и сделать красивую подсечку. Лом сразу же вылетел из рук сержанта и с оглушительным грохотом укатился под громадный станок, а громила Кренделев по инерции полетел вперёд и хорошо проехался мордой по бетонному полу. Но он ещё был опасен и его надо было вырубить. Стремительно, как коршун, накинулся на пытавшего вскочить сержанта и уже особо не целясь, стал его запинывать, прекрасно понимая, что могу что-нибудь ему сломать или вообще порушить здоровье. С пятого или шестого удара, тело сержанта обмякло и он провалился в глубокое забытие.

Пока его пинал, а потом стоял над телом сержанта, вытирая пот и, настороженно наблюдая за лежащим, был готов немедленно мочить его и дальше, если он зашевелится. Рабочие живо слезли с крана и обступили меня.

– Ну ты, прапор, и зверюга.... Вот на хрена его так было бить? – Посыпались осуждающие голоса рабочих со всех сторон.

– Ууу...., сукиииии...., – возмущённо завопил я и накинулся на обступивших, – я тут шкурой рисковал, пытаюсь его обезоружить, а вы.... Чего тогда сами его не утихомирили, а ко мне прибежали? А если б кто-то из вас свалился с крана, ох и хорошо бы он отходил вас ломиком, тогда бы посмотрел, чтобы вы тут пели.... Ну, блин... раз такой базар пошёл, пошли вы на хрен. Я ухожу спать, а он очнётся вот и пожалейте его...

Подпустил матерка, махнул рукой и сделал вид, что сейчас уйду, но тут загалдели женщины из состава смены: – Ты чё...? Ты чё...? Офицер, хватай и тащи его к себе. Нам больше неприятностей не надо. Ты только завтра сильно его не ругай. Ну выпил, ну не пошло... Не убил же никого...

– Ха..., а вам обязательно чтобы убил..., – саркастически заговорил я, а потом вызверился на работяг, – Чего, морды ворочает? Хватайте его и тащите в «Красный уголок». Утром разборки с ним чинить буду.

Вырубленного и тяжеленого сержанта, с превеликим трудом, шестеро работяг, добросовестно пыхтя и обливаясь потом, затащило по узкой металлической лестнице в «Красный уголок» и положили на матрац. Дождавшись, когда они ушли, я бегло осмотрел разбитое лицо лежащего и сильно заскучал: выбиты два зуба, под левым глазом в пол лица наливающий угрожающей синевой синяк, правое ухо увеличилось в два раза и рассечена нижняя губа. Крови, правда, было мало. А ведь я ещё молотил и по корпусу – Может там всё тоже отбито и сломано? Может всё-таки врача вызвать? Но посмотрев ещё раз на ровно дышащего в отрубе дембеля – плюнул. Пьяный – оклемается.

Добрался до своего матраца и прилёг, решив утром полшестого встать, пока эти ещё дрыхнут, и уйти вообще с завода. Если не уйду, бойцы меня банально отзвиздюлят, да и наверно хорошо так попинают.

Сон долго не шёл и я впал в грустные размышления на тему – Ну, надо же мне так по замене попасть.....

.....Замена с Германии в Союз, как не только я считал, но и другие сослуживцы – была удачной. Подавляющее количество заменщиков с полка шло в ЗабВо или в ДальВо и то в распоряжение округа. А уж из округа они разъезжались по дальним гарнизонам и качественным дырам. А мне повезло – прямая замена в 34 мотострелковую дивизию. Прямо в Свердловск. С отделения кадров дивизии направился с предписанием в арт. полк – тут же в городке. Попал в 1ю батарею, в списки которой был навечно зачислен Герой Советского Союза старший лейтенант Борщик Иван Владимирович. Повезло дважды. Так как в батарее из-за Героя большинство срочников были из славян. Пару грузин, один армянин, трое казахов. И всё. Наша дивизия была сформирована в 20м году по личному указанию Ленина в Баку и азербайджанцы по праву считали, хоть дивизия и стояла на Урале, но это была их дивизия, азербайджанская... Поэтому весной и осенью эшелоны лучших комсомольцев Азербайджана, пополняли ряды дивизии. А я, глядя на лучших комсомольцев, с ужасом думал – А какие тогда худшие комсомольцы Азербайджана? Но это потом я так думал.

В строевой части полка познакомился с прапорщиком Дигусар. Николай. Молдаванин. 27 лет, как и мне. Он тоже только сегодня прибыл в арт. полк по замене с Венгрии и тоже попал в первую батарею. Только я командиром взвода управления батареи, а Николай старшиной батареи.

Обговорив все детали представления, быстро смотались до магазина и заряженные, как положено, направились в батарею представляться комбату.

Комбат первой батареи – капитан Беденко. Здоровый, ражий мужик. Благоклонно выслушал наши представления. Отрапортовав, мы с Дигусаром переглянулись и мигом из обоих дипломатов выставили на канцелярский стол водку и закуску.

– Молодцы, – веско изрёк комбат, – чувствуется опыт. Сработаемся.

Тут же скрутил пробку с горлышка и разлил водку по мутным стаканам. Выпили за представление, выпили за знакомство. А когда прикончили первую бутылку Беденко, аппетитно закусывая колбасой, так простенько сказал.

– Ну что ж. Полк сейчас в лагерях. Вы представились мне, а теперь шуруйте на вокзал и по домам. И приезжайте обратно, так..., – капитан прижмурил левый глаз, что-то просчитал в уме и выдал, – Месяца через полтора.

Удивлённо вскинул глаза на комбата – ведь только что рассказали ему и я, и Дигусар, что мы отпуска отгуляли и прибыли служить дальше.

– Товарищ капитан, так у меня и у прапорщика Дигусар вчера закончились отпуска.

Комбат потянулся за второй бутылкой и, разливая водку, продолжил: – Вот я и говорю. Езжайте ещё на полтора месяца и потом приезжайте в батарею. Да..., перед отъездом не забудьте рапорта написать на очередь по предоставлению жил. площади.

Я решительно отодвинул стакан с водкой в сторону. Посмотрев на меня, тоже сделал и старшина.

– Товарищ капитан, что-то не пойму. Мы приехали, представились. Вы сейчас должны нас представить личному составу. И всё. Приступаем к приёму должности. А вместо этого вы отсылаете нас по домам. Объяснитесь.

Беденко весело ухмыльнулся на мою запальчивую тираду и пододвинул к нам стаканы: – Ладно, ладно. Чего в бутылку сразу полезли? Хотите, чтобы вас представил личному составу – сейчас представлю. Думаю, что потом вы сами всё поймёте. А пока выпьем.

Комбат вышел из канцелярии и дал команду на построение, а через пять минут мы уже были представлены.

Мдаааа... Перед нами стоял воинский строй, но если бы меня с завязанными глазами привезли сюда и развязали, то увидев людей в строю, я подумал, что попал на Зону. И передо мной Зеки. Бритые головы, угрюмые и настороженные взгляды исподлобья, мрачные выражения лиц. Все как на подбор здоровяки и крепыши, источающие угрозу и физическую силу. Впечатление усугублялось ещё фуфайками без погон, в которые они были одеты. Не добавляло настроение и толпа азеров, любопытно столпившихся по бокам строя батареи, но несколько в стороне. И по манере, по развязным позам, по гырканью гортанными голосами, чувствовалось, что здесь они настоящие хозяева.

Беденко недовольно зыркнул на азеров и те, ощущая угрозу от здорового и авторитетного офицера, стали медленно и недовольно расползаться по расположению. Чувствовалось, что этого офицера они опасаются.

Распустив строй, мы за комбатом вновь зашли в канцелярию: – Ну что, нужны ещё пояснения? – Комбат засмеялся.

– Парни. Это дембеля. К сожалению, в батарее только два офицера – я и старший офицер на батарее старший лейтенант Богданов и всё построено так, что они воспринимают только меня и Богданова. Они увольняются через месяц-полтора и вас они не будут слушать. И авторитета своего вы у них не завоюете. У нас хоть в батарее славяне в основном, да ещё во взводе управления командира дивизиона, а во всём остальном дивизионе азербайджанцы. Да и в полку, в основном азера. Вы их тоже видели. Так что езжайте домой, через месяц-полтора всех уволим. Азера-дембеля тоже уволят. Наберём молодёжь – вот тогда и будете работать. А сейчас – только нервы себе мотать. Да, кстати, так как у нас зачислен в списки Герой Советского Союза, а он родом из под Киева, то их обл. военкомат вышел с инициативой в нашу батарею – прислать весь рядовой состав с деревни, откуда родом Герой, старший лейтенант Борщик. А это совхоз-миллионер, несколько тысяч жителей и солдат в батарею будут отбирать на общем собрании совхоза. Так что должны прийти хорошие ребята. Нам главное только молодых сержантов с учебок хороших подобрать. Вот. – Поставил точку в своих рассуждениях Беденко.

Я мрачно хлопнул стакан водки и ворчливо проговорил: – Что я дембелей не видел? Они везде одинаковые. Какая разница, когда вливаться в коллектив и ставить себя в нём – сейчас или через полтора месяца? Я хочу сейчас. Зато через полтора месяца, на полном основании молодёжью буду крутить...

Примерно тоже самое сказал и Коля Дигусар, правда уверенности в его голосе на несколько порядков было меньше, после чего комбат подвёл итог всего представления: – Ну что ж. Это хорошо, что вы не испугались, но тяжеленько вам тут будет....

Полк находился на полигоне, а 1ая батарея, которая оставалась на неделю в пункте постоянной дислокации, на следующий день после представления тоже выехала на полигон.

Где и начался у меня процесс становления в новом коллективе.

Бойцы батареи восприняли меня, как командира взвода управления, с безразличием. Даже мои бойцы со взвода, без любопытства и равнодушно восприняли мое выступление перед ними и мои требования к ним. Лишь высокий и внушительного вида дальномерщик рядовой Жежера с презрением сплюнул в строю.

Пришлось сделать вид, что я этого не видел, хотя ну очень чего-то и сразу захотелось зарядить ему кулаком «в дыню».

– Ничего..., – прошептал про себя, – успею ещё до дембеля почесать об твою рожу кулак.

К огневикам я пока не лез, там лидером у них был сержант Кренделев. Здоровенный парень, под два метра, угрюмый и источал явную угрозу. Под стать ему были и остальные огневики. Тут рулил старший лейтенант Богданов и бойцы полностью ему подчинялись.

Надо отдать должное – бойцы были хорошо подготовлены и у меня не возникало ни каких с ними трений на занятиях и учениях. Всё, что было положено делать, они делали и выполняли мои требования тоже, быстро разобравшись, что я не новичок в артиллерийском деле. Но когда занятия и учения кончались, вот тогда начиналась бодяга. Тут для них я был Никто. Даже чмошный Жежера, которого сразу же сумел под себя подмять, начинал юлить. Справедливости ради, нужно добавить – за это время я сумел только его и подчинить себе. Остальные просто игнорировали меня и мои требования. Комбат не лез в мои дела и во взаимоотношения с бойцами, справедливо рассудив – если я сам не заламаю их, то и бессмысленно мне в этом вопросе помогать. А я сам не лез со своими проблемами к Беденко и Богданову, считая «не мытьём, так катаньем» всех всё равно поставлю в строй – Вода камень точит.

Коля Дигусар сломался сразу, пустив всё на самотёк, и часто «плакался мне в жилетку». С остальными солдатами дивизиона контактировал в лагерях минимально – так как в ходе занятий и учений соприкасался с ними редко. Хотя эта азербайджанская диаспора третьей и второй батареи раздражала меня, своей деланной независимостью и наглостью. Здесь рулил здоровенный азербайджанец по фамилии Ибрагимов со второй батареи. Наглая сволочь. По нему, как минимум, плакал дисбат годика так на два. Но вся система оценки подразделений и частей, воспитательный процесс в Советской Армии был поставлен так, что таких скотов довольно сложно было засунуть в дисбат. Поэтому они держались довольно свободно и развязно. Командир второй батареи капитан Кальнев, тоже буквально перед нами принял батарею и тоже бился со своим личным составом, чтобы взять его в узды, что давалось ему с определённым трудом. Если командиры третьей батареи и моей, капитаны Князев и Беденко, были «Рексами» и авторитетными офицерами в полку, да и выглядели внушительно, то двадцатисемилетний Кальнев, с юным розовым лицом в этом плане проигрывал и ему было тяжело ломать личный состав, в том числе и такую скотину как Ибрагимов.

.....Быстро пролетели лагерь и мы вернулись в полк. Вот тут то и понял что такое «тяжеленько и с чем это едят». Разгрузились и на вечер я планировал сходить в баню. Но старшина, которого комбат назначил ответственным на вечернюю поверку, плюнул на всё и слинял в город и мне пришлось отложить свои планы. Я оставался на поверку. В дивизионе ответственных больше никого не было и личный состав занимался чем кто хотел. В основном это было бесцельное шатанье по огромному этажу, где и располагался наш дивизион. Как таковой вечерней поверки в остальных подразделениях не было, а в своей батарее хоть и с трудом, но сумел собрать личный состав и построить их в две шеренги. На мои неоднократные команды «Равняйся», «Смирно», «Отставить», «Равняйся» и «Смирно» бойцы не реагировали, выкатывая в изумлении глаза, как будто эти команды слышали впервые в жизни. А кругом строя батареи собралась толпа азербайджанцев со своим лидером Ибрагимовым и издевательски гоготала. С каменным лицом я не реагировал на этих ублюдков, понимая, что если попытаюсь сейчас разогнать их или качнуть свои права, ничего не получится и буду только смешон в своих бесплодных попытках. Их было много и они чувствовали свою силу. Поэтому, стиснув зубы, раз за разом подавал команды и наконец-то добился более менее порядка в шеренгах батареи. Сделав переключку, доведя задачи на следующий день, я распустил строй и тут ко мне развалистой и медленной походкой двинулся Ибрагимов со своими прихвостнями.

– Вот оно..., проверка на шивовость, – насторожился я, но виду не подал.

Ибрагимов вплотную приблизился ко мне, остановился, жёстко глянув и сильно, панибратски хлопнул меня по плечу: – Ну что, прапор, как тебе у нас нравится?

Не знаю какой реакции ожидал от меня солдат, но явно не той, какая произошла. Понимая, что сейчас поступаю единственно правильным способом, резко развернулся и изо всей дури, что у меня была, врезал дерзкому нахалу в челюсть. Удар был такой силы, что я сам еле удержался на ногах и чуть не сломал себе руку. Ибрагимов же, совершенно не был готов к такому удару и, завалив стоявших сзади него двух земляков, отлетел к ружейной комнате,

сильно ударился о массивную железную решётку и под изумлёнными взглядами присутствующих сполз на каменный пол. Все опешили и замерли, не веря своим глазам и тому, что какой-то там прапорщик не испугался их. К сожалению, вырубить даже таким ударом Ибрагимова не удалось. Тот медленно поднялся на ноги, с каждой секундой всё больше приходя в себя, и вдруг кинулся на меня.

Я мгновенно встал в стойку, чтобы встретить атаку не только Ибрагимова, но и его земляков, которые внезапно оглушительно заорали и, мешая друг другу, тоже полезли ко мне. Но тут неожиданно вмешалась батарея, дружно бросившееся в свалку. Мне даже не позволили махнуть хотя бы ещё раз кулаком. Азеров оттеснили вглубь помещения, а Ибрагимова схватили за руки и крепко держали, но тот уже бесновался, дёргаясь в мою сторону. На шум со спального помещения прибежал остальной личный состав и в течение пяти минут стоял оглушительный гам. Меня оттеснили в сторону и бойцы батареи кого-то из азеров в этой свалке успели тихонько попинать, а я продолжал стоять, прижавшись спиной к стене, всё ещё не зная чем для меня всё это закончится. Хотелось верить, что сейчас, как в хорошем кино, откроется дверь, ввалится дежурный по полку и выстрелами в потолок утихомирят эту толпу. Но шум и гвалт как-то само собой быстро сошёл на нет. Ибрагимов тоже перестал орать и теперь злобно смотрел в мою сторону. Наступил тот роковой момент – равновесие, когда чаша весов могла качнуться в любую сторону. Либо в мою, либо в его. Оба мы понимали, что должны, без порухи для своего авторитета, выходить из создавшегося щекотливого положения. Ибрагимов уже понял, что запугать или сломать прапора не получилось, а вступать в драку – значит, его тогда надо мочить и мочить серьёзно. Но тогда последствия для него будут очень непредсказуемы. Я тоже понимал, что если полезу с кулаками к Ибрагимову – то тогда и солдаты батареи не смогут меня защитить. Слишком много азеров набежало. Но надо было ставить точку и ставить красиво. А для этого моего опыта хватало. Решительно раздвинув солдат батареи, разделявших нас, я двинулся к Ибрагимову. Тот напрягся, настороженно глядя на меня, а вокруг нас все замолкли, ожидая продолжение конфликта.

Остановился напротив, быковато напряженного солдата, выдержал необходимую паузу и нравоучительно произнёс: – Во-первых: не прапор – а товарищ прапорщик. Во-вторых: не «ТЫ» – а «ВЫ!». А в-третьих: ты ещё сынок, чтобы ко мне так обращаться. Мой ДМБ 73-75, ты тогда в школе сопливые пузыри пускал и дробил писью в тёмном сарае. В-четвёртых: Дедовщину в армию никто не отменял. Я тут ДЕД, а ты салага. Я отслужил уже девять лет, а ты только полтора. Так что в следующий раз думай башкой, когда хочешь что-то мне сказать.

Всё это я говорил громко, медленно, обидно-менторским тоном и в глазах Ибрагимова, пока говорил, злость пропала, вдруг поняв, что он проиграл. Поэтому он решил тоже красиво выйти из щекотливого положения.

– Я пошутил... Шуток не понимаете что ли? – С вызовом и непримиримо выкрикнул он.

– И я пошутил. Пошутковали и разошлись. – Под смех бойцов батареи отпарировал, тем самым оставив поле сражения за собой.

Оказавшись в канцелярии, я вдруг ощутил, как противно дрожат колени и руки и рухнул на стул.

– Фууууу... ну не фига себе... Вот это пронесло.....

Больше азера, да и другие ко мне не лезли и не хотели больше устраивать проверки. Но и авторитета, как это не странно среди своих дембелей я не завоевал. Они банально защищали свой дембель, мигом сообразив, что если командира взвода на их глазах отлупят, а они не защитят, то дембель для них окажется в туманной дали. Избитого прапорщика батареи командование полка им не простит. Поэтому они так активно влезли в ситуацию. Они также активно продолжали саботировать все мои распоряжения, указания и приказы и дальше. Комбат ударился в свои личные дела. Богданов тоже. Поэтому нам со старшиной приходилось тяжело. На этом фоне Коля Дигусар проверку на вшивость не прошёл. Ибрагимов учтя печальный опыт,

подослал к Дигусару плюгавенького земляка и тот тоже задал, но уже на ломанном русском языке, тот же вопрос.

– Ээээ... – долго и нерешительно, стоя на приличном расстоянии от прапорщика, тянул азер, прежде чем задать вопрос, а задав тут же отскочил ещё дальше.

Несмотря на мой инструктаж, Коля пасанул, не смог продемонстрировать решительный настрой, а выкатив глаза, стал увещевать: – Ты как, солдат, обращаешься к прапорщику? Ты, что боец белены объелся?

Азербайджанский абориген и слыхом не слыхал что такое «Белена», поэтому осмелел и снова нагло задал этот же вопрос. На этом всё и кончилось для прапорщика Дигусар, его потом только «на х...» не посылали. Спустя неделю, описанных события, вернувшись с полкового совещания, Беденко хитро ухмыляясь, сообщил мне не совсем приятную новость.

– Боря, через два дня я тебя и ещё тринадцать солдат везу на Михайловский алюминиевый завод. Ты старший, а бойцы там будут работать и зарабатывать посуду на дивизию. Кастрюли там, ложки, вилки, тарелки разные, кружки. Ну и ещё будем там вывозить алюминиевые листы, которые солдаты будут таскать с производства. Но это больше меня будет касаться. Едешь недели на три-четыре. Всё понимаю. Знаю. Но едешь ты, а не Дигусар, который там за водкой для бойцов будет бегать. Так что настраивайся. Бойцы будут предупреждены – это их дембельский аккорд. Проведут без замечания – уволятся на следующий день, как вернутся. Так что думаю, особых моментов там не будет. Все хотят уехать на дембель пораньше.

Так и получилось. Через два дня – комбат старший машины. Я с ним рядом в кабине «Урала». Бойцы в кузове. Приехали в провинциальное тихий городишко, где из людей в форме были только менты, а солдат тут не видели никогда.

Нас уже ждали. Определили на постой в «Красный уголок» цеха. Меня хотели поселить в заводскую гостиницу, но я наотрез отказался. Буду жить с бойцами, чтобы контролировать их. Определились с питанием в заводской столовой, с работой, но все в дневную смену.

Уже поздно вечером, перед тем как уехать, комбат построил бойцов в «Красном уголке» и, молча, в течение пяти минут, нагоняя жути на подчинённых, разглядывал строй. Потом выступил с краткой речью.

– Мы всё уже обговорили. Но ещё раз повторюсь. Приезжаем из командировки без замечания – на следующий день дембель. Хотя бы одно малейшее замечание со стороны прапорщика – дембелю, а потом вам всем – Звиздец. Вы меня знаете. Это же касается и выполнения плана. Выполнили план, как по посуде, так и по листам – Дембель. Не выполнили – Дембель в опасности. Боря, – комбат повернулся ко мне, – а ты не стесняйся. Раз в три-четыре дня я буду приезжать за посудой и листами и мне подробнейший доклад. Как? Кто? Сколько? Почему и Где? А..., ещё КОГО и сколько раз? Кто не вписывается в рамки – тот автоматом уезжает со мной в полк, с последующими последствиями.

Капитан снова сделал паузу и рявкнул: – Вопросы есть?

И тут же получил дружный ответ: – Никак нет.

Комбат удовлетворился таким энтузиазмом, а я понял, что бойцы не только сейчас преданно и чётко рявкать будут, но если надо встанут впритирку друг за другом и прямо здесь, синхронно, станцуют «Леньку-Еньку», только бы комбат быстрее умотал с завода.

Капитан Беденко уехал, идти куда-либо было уже поздно и мы легли спать. Утром, после завтрака все вышли на работу, после чего я был предоставлен сам себе и с большим интересом отправился в экскурсию по цехам. Посмотрел, как из алюминиевых кругов разных диаметров выдавливают все виды кастрюль и мисок. В дальнем пристрое цеха несколько станков из этих же кругов выдавливали и формировали солдатские фляги. Тут же их красили, вязали цепочки, штамповали на горлышко крупную резьбу с крышкой. Рядом всё это красили в защитный цвет. В соседнем помещении стояли полировальные станки, где это всё можно было отполировать до зеркального блеска. Шёл дальше по цехам, удивляясь, как и что делается из алюминия. В

одном из цехов наткнулся на производство свинцовых листов. Как мне сказали рабочие для обшивки ядерных реакторов. Листы размером 40 сантиметров на 60 и толщиной один сантиметр аккуратно накручивали на круглый деревянный стержень и всё это бережно укладывали в небольшие деревянные ящички. Если смотреть и не знать, что это свинец, накрученный на палки то визуально вес всего этого казался – ну..., максимум килограмма полтора-два, а на самом деле тянул на все 20 килограмм.

После сытного и вкусного обеда, в приятном одиночестве вздремнул в «Красном уголке» и был разбужен вернувшимися со смены бойцами с грохотом притащившие большие листы алюминия. Каждый из них сунул листы под свои матрацы.

Вот тут-то и закончилась моя идиллия и спокойствие. Солдаты, не обращая никакого внимания на меня, стали бурно обсуждать, как они сейчас приведут себя в порядок и пойдут на блядки в город с последующим активным возлиянием.

Я только рот разинул в удивление, но быстро пришёл в себя и ринулся в атаку.

– Запрещаю..., Не разрешаю..., Стоять..., Прекратить..., Ко мне, – но подчинённые как-будто не слышали и не замечали моих воплей и бессильных потуг прекратить намечающееся мероприятие. От меня они отмахивались как от надоедливой мухи, продолжая начищать сапоги, подшивать подворотнички, бриться, мыться.... Но никто из них не посылал меня на три буквы и не отталкивал от себя. Просто обходили и продолжали готовиться. Поняв, бесполезность усилий, я пулей выскочил из помещения и помчался на проходную предупредить охрану, чтобы те не выпускали солдат без моего разрешения за пределы завода.

На проходной сидела бабуля – божий одуванчик и никак не могла въехать – Как это она не должна солдатиков не выпускать с завода? Ринулся обратно, но солдаты уже вышли на улицу и, плавно обтекая меня со всех сторон, ушли в сторону проходной, благополучно исчезнув в недрах убого городишка.

Последующие два часа прошли в одиночном и тоскливом сиденье в «Красном уголке», где предавался унынию и самобичеванию. Потом вдруг встрепенулся – Если это нельзя было прекратить – это нужно возглавить.

От этой простой и гениальной мысли я пришёл в возбуждение и ринулся в город с безумным желанием – Найти и Возглавить..., а потом не Допустить....

Городишко вроде бы небольшой и на мои вопросы – Видели ли солдат и Где? Горожане охотно говорили – Да, видели... – и махали рукой куда-то в сторону или на соседнюю улицу, сочувственно добавляя – Что бойцы поддатые и тебе командир не стоило бы к ним соваться.

С каждым встреченным горожанином я мрачнел всё больше и больше от всё увеличивающегося сочувствия. И чем больше его было – тем пьянее были мои солдаты – Вот..., вот. Видели... Там... Только что бегущие или бредущие по этой или соседней улице.... Но ни там..., и там и нигде их не было.

Не найдя самовольщиков, я вернулся на завод. Пришёл в «Красный уголок», прилёг и незаметно для себя крепко заснул, даже не услышав, как вернулись пьянущие в дымину бойцы....

... Проснулся с жутким чувством и таким же убийственным пониманием – ПРО-СПАЛЛЛЛЛЛ... Мне Звиздец... Пока лежу с закрытыми глазами они меня бить не будут. Но как только их открою – тут мне сразу же два Звиздеца и прилетят. – Всё бы ничего и так с закрытыми глазами можно было бы пролежать до начала смены, а потом смотаться в город. Беда была в другом – я хотел конкретно ссать. Не просто ссать, а ссать насмерть. В жизни так не хотел – как сейчас.

Слышал вокруг себя невнятный гул проснувшихся и находившихся в сильнейшем будуне бойцов, бессильное шарканье сапог и тапочек по убитому ещё двадцать лет тому назад паркету. Оханье и аханье, громкое глыньканье и бульканье холодной воды. Слышал и понимал, что сей-

час совершенно бесполезно даже пытаться пробиться к затуманенным мозгам подчинённых, поэтому – лежать, лежать и ещё раз лежать.

Чуть, чуть приоткрыл веки и тут же увидел склонившегося надо мной мрачного и угрюмого сержанта Кренделева. За те несколько часов, как его отлупил, лицо у него сильно опухло и перекошило, сияя почти всеми цветами радуги, не прибавляя от этого его роже милосердия и гуманизма. Рядом с ним, но по бокам сидело ещё два раненых алкоголем и будущим бойца, сторожа меня.

– Нет. Вставать не буду. Пусть лопнет мой мочевого пузырь... Пусть я позорно усусь, но глаза не открою. Я сплю..., сплю очень крепко и глубоко..., – я смежил обратно ресницы и постарался изобразить глубоко спящего человека, причём спящего с чистой совестью. Спящего всю ночь, никуда не выходявшего и никого не лупившего. Но проклятый мочевого пузырь не давал мне создать даже мираж этой идеалистической картинки.

– Блядь..., – тоскливо закрутились мысли в голове, – ещё пять минут и я дам такую струю... Надо вставать и брать инициативу на себя. Может бить не так сильно будут, а может и выкручусь...

С такой надеждой и больше не думая о вполне возможных печальных последствиях, я открыл глаза и резко сел на матрасе. Кренделев и оба сидящих рядом бойца испуганно отшатнулись от меня, что вселило дикую уверенность – Я их сейчас переиграю.

– Чтооооо? – Заорал я наверно на весь завод и вскочил на ноги.

– Чтооооо? – Проорал второй раз и тут же зловещим, многообещающим шёпотом закончил, – сейчас я поссать схожу – тогда с вами всеми и разберусь... Всех поубиваю и всех оттрахаю. Я, блядь, с вами сейчас со всеми разберусь.... И покажу, как Советскую власть любить....

Мигом вскочил на ноги и бурей вылетел из «Красного уголка». Давно так не бегал, но быстро, с шипеньем и стонами домчался до цехового туалета и еле успел достать член. Наверно я побил все рекорды и ссал минут пять, в наслаждение стеная и ощущая приятное облегчение. Даже успел вспомнить на эту тему старый бородастый анекдот.

Русский, американец и француз попали в плен к племени людоедов. Приводят к вождю и тот ласково говорит: – Кто доставит мне наслаждение того помилую. Нет – сожрём. Первым шёл американец. Достали из запасов виски, всю ночь пили, зверски трахали женщин племени, а на утром вождь проснулся – Голова болит, во рту как будто насрали бегемоты, член опух.... Короче сожрали американца. Второй был француз. Опять пили всю ночь коньяк, весело с французской лёгкостью трахали женщин соседнего племени, но результат был тот же – Голова и член бо-бо...

Наступила ночь русского. Свита вождя на ночь приготовила ящик водки, пригнали пленных баб, чтобы ночью оторваться на них. Но русский посмотрел на всё это блядство и сказал: – Нет, мы это делать не будем. Мы будем пить пиво и легко общаться. Прикатили бочку «Жигулёвского» сели и начали пить и общаться. Через полчаса вождь говорит: – Погоди рассказывать, сейчас в кусты схожу, отолью и продолжишь.

Русский отвечает: – Нет, Терпи...

Через час вождь опять: – Да я ссать хочу. Дай отлить...

– Терпи, вождь.... Терпи....

Ещё через час: – Всё, не могу.

– А ты член завяжи, – Завязали.

Под утро вождь взмолился: – Всё..., отпусти...

Русский: – Ну..., теперь пошли.

Встали у кустов, член развязали и пустили струю, а вождь в восторге заорал на все джунгли: – Какой кайффффф....

Кайф закончился и вопреки здравому рассудку, который вкрадчиво шептал: – Беги, Боря, беги отсюда. Используй свой шанс на всю катушку... Беги в дивизию, в Свердловск, к Беденко,

который всё тут разрулит. . . . , – но я, вместо бега через проходную, ринулся обратно в «Красный уголок», решив всё-таки попытаться оседлать ситуацию в свою пользу. Ворвавшись в помещение, и готовый драться за свой командирский авторитет, за честь нормального прапорщика. Драться насмерть. Ворвался и замер – никто не хотел драться со мной. Бойцы смиренно сидели каждый на своём матрасе, покорно склонив голову. Лишь Кренделев поднялся на ноги и, сильно шепелявя разбитыми губами, тихим голосом попросил.

– Товарищ прапорщик, больше этого не повторится. Будем выполнять все ваши приказы, – Кренделев замолчал и невольно дотронулся до разбитой губы.

– Ааааа, – торжествующе возопил я, – Ааааа, осознали. Да я вас. . . .

И замолк, не зная «Что я их. . . . », а Кренделев, воспользовавшись паузой, закончил: – Всё будем делать и выполнять, только не говорите капитану Беденко.

Я мигом и огорчённо сдулся. Только что торжествовал победу над дембелями, а они оказываются ничего не поняли и боялись не меня, а комбата. Боялись его разборок и тяжёлых кулаков, а также за свой дембель.

С досадой и злостью плюнул на пол, буркнув: – Я ещё подумаю – Докладывать или не докладывать. А сейчас марш на завтрак и на смену.

Бойцы вскочили на ноги и, суетсяя, теснясь в дверях, гурьбой ринулись из помещения, а я остался один. Через час пришёл к начальнику цеха и договорился разбить моих людей на все три рабочие смены по четыре человека. Пусть, сволочи, немного врозь поработают.

Следующие два дня до приезда комбата прошли нормально. Бойцы никуда с завода не ходили и не просились. Работали, воровали и таскали листы, отчего матрасы уже поднялись от пола на высоту в тридцать сантиметров и теперь стало удобно на них сидеть. С просьбой ничего не говорить командиру батареи больше не обращались, лишь кидали вопросительные взгляды в мою сторону. А когда на заводской двор заехал военный «Урал», понурые, как военнопленные построились перед «Красным уголком».

Оживлённый комбат остановился перед строем и с удовольствием осмотрел подчинённых.

– Огоооо. . . , – изумлённо протянул он, увидев живописно раскрашенную рожу сержанта, – Кренделев, где это ты так на грабли наступил?

Сержант виновато опустил голову, а комбат, повернувшись ко мне, построжавшим голосом спросил: – Чего это у тебя тут произошло?

Выдержав, как учил знаменитый Станиславский, многозначительную паузу, многообещающе прокашлявшись, прокомментировал: – Ну, вы ж видели, товарищ капитан, какая крутая лестница у нас. Вот оттуда он и навернулся. Зато теперь всё понимает и стал более осторожным.

Комбат понимающе усмехнулся и делано-удивлённым голосом протянул: – Такое впечатление, что он оттуда раз пять падал. Всё нормально у вас, товарищ прапорщик?

– Так точно. Всё нормально, план выполняем, так что посуду и листы можно грузить.

– Ну и хорошо, – комбат отправил бойцов грузить то что мы заработали и то что своровали, а сами направились к начальнику цеха.

О ночном происшествии знал весь завод и я думал, что уж начальник цеха, ну уж точно, но пожалуется. Но тот весело посмотрев на меня, ничего не сказал. А как только автомобиль комбата скрылся за воротами, ко мне подошёл сержант Кренделев и сказал одно единственное слово – «Спасибо». Оставшиеся три недели прошли на «Ура». Бойцы работали нормально, ходили с моего разрешения в увольнение в кино и даже не смотрели в сторону спиртного. Слегка волочились за заводскими девчонками, но всё было в рамках приличия.

План был перевыполнен по всем направлениям. Мы вернулись в полк и бойцы были уверены, что следующим вечером они уже будут на дембеле. Но тут вскрылось неприятное происшествие. Меня обокрали. С собой в полк я привёз два здоровенных ящика багажа с домаш-

ними вещами и моей одеждой. Думал, что быстро получу или комнату в семейной общаге, либо сниму сам что-то и туда перетащу вещи для повседневного пользования. Пока не привезу семью. Но снять или получить, пока не получалось и вещи хранились в нижней каптёрки. Вот их и украли. Причём украли всё: вплоть до носков и трусов. Остались лишь два пустых ящика. А ведь там было полно импортных шмоток с Германии, которых хрен достанешь в Союзе.

Построил батарею и решительно заявил: – Парни. Меня обокрали. И вор из своих и сейчас стоит в строю. Я не собираюсь устраивать следствие, ругаться, устраивать обыски. Не найдутся вещи, ну и хрен с ними. Сейчас 21:00 и если завтра в 21:00 в ящиках не будет лежать всё, что украдено, то следующим утром несую заявку в военную прокуратуру с полным списком украденного и с ценами на каждую импортную шмотку. Поверьте – это будет квалифицироваться, как крупная кража. Думаю, что все просьбы с вашей стороны о дембеле на время расследования будут выглядеть довольно неуместно. Так что думайте своими дурными башками. Учитывая свой личный опыт срочной службы, службы командиром взвода, я просто уверен – как минимум половина батареи знает – кто это сделал. Ну, а завтра утром обращусь к комбату с просьбой отсрочить ДМБ. Вопросы есть?

– Есть, товарищ прапорщик. – Из строя выдвинулся сержант Кренделев, – а мы, кто был с вами причём? Мы не воровали и только что приехали. Причём тут наш дембель? Вот, кто оставался – пусть и чинят разборки у себя. – Все, кто был в командировке со мной одобрительно загудели, а вторая половина возмутилась такой, на их взгляд, несправедливой постановкой вопроса.

В течение минуты стоял галдёж, на который с других батарей стал выползать личный состав. Подождав немного, требовательно поднял руку и когда установилась более-менее тишина вновь обратился к сержанту.

– Кренделев, ты как салага рассуждаешь, а не как дембель. Ты же дедушка и должен смотреть вглубь всего.

– Ну....? И куда я должен смотреть? – Угрюмо и с вызовом спросил дембель.

– Ну ты что? – С деланным изумлением протянул я. Потом обвёл рукой строй хмурых бойцов, – Смотри. Ты с ними служишь два года. Два года жрал с ними с одного котелка, укрывался одной шинелью. Ну, это я так образно. Делился последней сигаретой, посвящал в свои сокровенные мысли и мечты. Здоровался за руку и считал его надёжным товарищем. А он вор. Он обворовал прапорщика. Да..., для вас я чужой. Вы меня не уважаете и не принимаете меня, а мне на это наплевать. В данный момент. Я вот, например, не понимаю – Как этот человек, приехав на дембель, оденет чужие импортные шмотки? Оденет мои плавки, куда я густо и хорошо пукал, куда у меня с члена сваливалась не только последняя капля.... Он ведь не скажет, что украл, а скажет родным и друзьям, что крутанулся удачно и купил у спекулянта. И будет во всём этом спокойно ходить. И если бы эти импортные шмотки были бы не у меня, а у тебя – то поверь. Этот человек спокойно и у тебя это украл бы. И вот у меня, если я был на твоём месте, возникло бы нездоровое любопытство – Это что за сука завелась в батарею? Это что за скотина, которая МОЙ ДЕМБЕЛЬ поставила под угрозу? Я правильно рассуждаю или что-то не понимаю? Давай..., отвечай.

Кренделев, набычившись смотрел на меня, потом сильно заскрипел зубами и тут же скрипел от боли: – Хорошо, товарищ прапорщик. Через два часа вы будете знать, кто это сделал.

– Сержант, ты меня не понял. Мне наплевать, кто это сделал. Мне главное, чтобы всё это вернулось обратно и уютно лежало в ящиках. До драного носка. Думаю, что вы сами, в своём коллективе разберётесь с этим человеком. Только прошу об одном – без смертоубийства. Да, учитывая такую быстроту расследования, я тоже пойду навстречу. Если к утреннему приходу комбата всё будет лежать на месте, я сделаю вид, что ничего и не произошло. Ну, так что – Договорились?

– Договорились, – мрачным тоном согласился сержант и строй его поддержал, а я быстрым взглядом пробежался по лицам, пытаюсь по мимолётному испугу определить воришку. Нет, не получилось.

– Только хочу предупредить. Я ведь как и вы срочку от звонка до звонка оттянул, и хоть вы меня за спиной и называете «Хомутом» и «Куском», но я уважаю себя. Так вот – если к приходу комбата, хотя бы одной вещи не будет – не обессудьте. Дембель в опасности.

Утром, меня в нижней каптёрке ждал сержант Кренделев. Я многозначительно хлопнул крышками пустых ящичков и с вопросом в глазах посмотрел на сержанта.

Кренделев отвёл глаза в сторону, помолчал, потом снова посмотрел на меня: – Перестарались мы немножко ночью, поэтому только к двенадцати часам всё будет на месте.

– Кто это?

– Да, вы его сами увидите на построении. Только с ним надо ещё нескольких человек отпустить. Не донесёт он...

– Хорошо, сам определишь и под мою ответственность. Пошли на построение.

– Товарищ прапорщик, погодите. – Кренделев замялся, – не говорите комбату. Домой охота.... Всем...

Я тяжело вздохнул: – Кренделев, я похож на проститутку?

В глазах сержанта плеснулось удивление, но он промолчал.

– Молчишь... Я вчера вам говорил, что уважаю себя? Говорил. Мы договорились вчера? Договорились. И что получится. Прапорщик вчера одно сказал, а утром другое. Так вот я не проститутка. Сказал – сделал. Ты завтра отсюда уедешь и на всю жизнь, а мне тут служить. Вот с этими обезьянами, где надо твёрдую политику проводить. Так что Увы и Ах. Пошли.

Пока батарея выходила на построение, я доложил комбату о происшедшем и попросил придержать дембель для батареи. Ожидая вполне справедливое возмущение от командира батареи, типа: «ну, я ведь тоже дал слово и должен выполнить своё обещание» или же «Боря, это твои проблемы, разбирайся с вором сам, а бойцов надо увольнять», – но был очень удивлён облегчённому вздоху Беденко.

– Фууу... , нормально. А я уж голову сломал, как бойцам сказать, что дембель откладывается. Я вчера к начальнику штаба полка подошёл, а он упёрся и в ни какую. Говорит, у меня завтра большой гарнизонный наряд и ничего страшного, если мы их на пару суток задержим. Поставим их в наряд по столовой, а после него уволим. Так что теперь есть за что зацепиться.

На построение, в самых задних рядах батареи рассмотрел в хлам избитого рядового Векуа. Был он водителем во втором огневом взводе. Грузин. Крепыш. Наглый. Очень мне он не нравилось своей понторьностью. Если после случая с Ибрагимовым он побаивался открыто противостоять мне, то когда отдавал приказание и распоряжение Дигусар, то тогда Векуа очень пространно, приклатнённо и не стесняясь, объяснял старшине, почему он не будет выполнять его распоряжения.

А сейчас он отвернул избитую рожу и упорно не смотрел на меня. А я стоял рядом и с зоологическим интересом смотрел на солдата. Подскочил замполит дивизиона капитан Сорочкин и весело затараторил.

– Оооо, товарищ солдат, да вы у нас как раскрашенный индеец, выходящий на тропу войны. Вот только перьев в носу и в жопе не хватает. Кто ж это тебя так болезный...?

– Это..., это..., какие-то незнакомые мне солдаты с 276 полка зарядили, – буркнул солдат.

– А ты с чего это взял, что они с 276? Может быть они со 105 полка?

– Они в сторону 276 побежали....

– Понятно, после построения ко мне в кабинет зайдёшь и всё подробненько на бумажке напишешь.

– Я по-русски плохо пишу, – стал отнекиваться солдат.

– Ничего, ничего я тебе там быстро расскажу русский алфавит. – Плотно пообещал замполит и побежал в другую батарею, а от правого фланга дивизиона звериным, скрадывающим шагом приближался комсомолец дивизиона, почуявшим поживу и ещё за несколько шагов азартно потирал руки, увидев Векуа.

После полкового развода капитан Беденко произнёс краткую, но яркую речь, смысл которой заключался в следующем – Все скоты, все сволочи. Обокрали своего командира... А раз так... сегодня в наказание заступаёте в наряд по столовой. Дежурным идёт прапорщик Цеханович – чтоб вы, суки, знали – кто вас кормит, награждает и трахает. И последнее – если наряд пройдёт на высшем уровне и вещи будут возвращены, то он всё забудет и все будут уволены после наряда. За исключением некоторых скотов.

После построения я обиженно спросил командира: – Комбат, а чего я дежурным по столовой пойду. Пусть старшина идёт. Это его хлеб.

Беденко болезненно поморщился: – Боря, не наступай на мою больную мозоль. Сдулся старшина. Его уже четыре дня нету на службе... Так что придётся тебе идти, заодно всех там и выеб...шь.

Вещи к двенадцати часам были аккуратно разложены по ящикам, а в десять часов вечера я подзвал к себе помощника дежурного по столовой сержанта Кренделева.

– Товарищ сержант, думаю что тебе понятно, что надо делать ночью. Я пошёл спать, буду в шесть утра. Только одна просьба – не бейте больше Векуа.

– Идите, отдыхайте. Дембельский наряд отработаем, как положено. Ну, а Векуа я больше трогать не буду, там и без меня желающих полно.

Ночь прошла спокойно, Векуа всё равно били. Приходили в посудомойку и били. Наверно, его к концу наряда так бы и забили, но рано утром в столовую пришёл комбат, построил наряд и молча помахал военными билетами, откуда торчали УПК и предписания на увольнение.

– Завтра, с утра. Но чтоб наряд как положено.

Векуа больше не били, а наряд прошёл на УРА. Бойцы пахали от души, зная, что завтра, в это время они будут уже шархаться в городе. Ночью я спал в канцелярии батареи и из-за дверей всю ночь слышались весёлое шарканье тапочек по полу. Бойцы гладились и прощались с армией.

Утром, Беденко построил увольняемых, сдержанно-торжественным голосом поздравил с дембелем, пожелал хорошо устроиться на гражданке. Бойцы занесли в канцелярию несколько бутылок водки, закуски. Тепло попрощались с комбатом и с Богдановым. И что самое удивительное очень уважительно и со мной. Через десять минут расположение батареи опустело, лишь рядовой Векуа, опустив голову, тоскливо сидел на табуретке около своей кровати – Ведь он тоже должен был увольняться со всеми.

А пока было моё обещание уволить его 31 декабря в 23:45.

На следующий день прибыли с учебки сержанты и комбат получил право первого выбора. Нормальные ребята попались. А ещё через три дня в Ленинской комнате сидело 23 молодых солдат, прибывших служить с родного села Героя Советского Союза старшего лейтенанта Борщик.

Новобранец из Москвы

Дело было вечером – делать было нечего. Но и в нашем кадрированном полку, вечер можно было провести приятно и со смыслом, или же без оногo. Скинулись мы – я, командир второго дивизиона, со своим комбатами и с комбатами первого дивизиона, которыми я тоже временно командовал по причине «ваканта» командира первого дивизиона. Купили пива, рыбки, кое-что ещё на стол и решили уже не формально пообщаться. Так сказать, немного расслабиться. И вот в этот пикантный момент, когда ты первую кружку вождеденно подносишь ко рту, тебя срочно вызывают к командиру полка.

Чёрт..! Сегодня полкового совещания не было и неожиданный вызов пакостно предполагал такой же неожиданный приказ с таким же дурацким сроком выполнения – К утру..., К понедельнику и что самое хреновое – НЕМЕДЛЕННО.

Командир, вальяжно раскинувшийся в кресле, принял доклад о прибытии и кивнул – Сядь.

– Боря, у тебя ведь все бойцы на дембель ушли? – Полу утвердительно и полувопросительно спросил командир, приподняв одну бровь.

– Так точно, товарищ подполковник.

– То есть ты сейчас – Гол как сокол и нищий, как вошь в кармане латыша....

– Так точно, товарищ подполковник... Примерно так. Заколебала эта нищета. Задумал тут с комбатами обновить всю экипировку и мат базу на оба дивизиона.... Короче, заколебались резать чертить, клеить..., ну и так далее. А что у вас вариант с бойцом есть.

Командир аж встрепенулся в кресле: – Во..., что значит опыт и профессионализм. В точку, Цеханович, смотришь. Есть боец и как вы артиллеристы любите – из интеллигентной семьи, умный, рисует и красиво пишет.... Может ещё пляшет и классно поёт? Отдаю..., как от сердца отрываю... Себе б такого забрал..., но помня о любимой артиллерии.... Правда, насчёт пляшет и классно поёт я только что сам придумал. Но всё равно – боец есть.

Но вот такая командирская щедрость, мне не совсем понравилась, а сделав поправку на многолетний опыт и профессионализм, который как говорится – не пропивается – НАСТОРОЖИЛСЯ. Потому что такой флакон, в котором всё вместе – и умный, и рисует и красиво пишет, да ещё из интеллигентной семьи, в армии просто не существует, да при том, что его не забирают себе, а наоборот отдают. Явно флакончик-то битый....

Командир уловил мою настороженность, засмеялся: – Да ладно, успокойся... и колючки из глаз убери. Завтра пойдёшь в 276 полк и заберёшь его к себе.

– Есть, товарищ подполковник, – я поднялся, – разрешите идти?

– Да куда ты помчался? Сядь, – с досадой воскликнул командир, – тебе, что не интересно какую подляну подсовывает родной командир полка?

Я внимательно посмотрел на командира. Был он нормальным командиром, грамотным и справедливым, проявлял заботу о своих подчинённых и пёкся за полк. Пользовался заслуженным авторитетом в офицерской среде и что немало важно, допускал обсуждение своих приказов, правда, только в разумных пределах. Даже можно было слегка и эмоционально поспорить с ним и попытаться переубедить его и развернуть ситуацию в другую сторону. Но если ты «зарывался» случайно, или переходил некую незримую границу, либерализм прямо выдувался из командира насквозь и тогда приказ выдавался жестяным голосом, а ты стоял по стойке «Смирно».

Сел и со вздохом сожаления приготовился слушать эти подлые слова.

– Боря, – командир подался вперёд и опёрся грудью на сложенные руки, как бы придавая проникновенность своему тону и словам, – Этот приказ мне спулила дивизия, а им навязал округ. Я как мог барахтался, сопротивлялся, но ничего поделать не смог. Ну, ты ж меня знаешь.

Да, я знал командира и даже представлял, как он мог сопротивляться. Но его тоже видать поставили по стойке «Смирно» перед приказом.

– Ну, так вот. Боец то действительно есть. И ты его завтра можешь забрать. Из молодого пополнения и округ держит этого бойца на особом контроле.

– Что? Чей-то сынок? – Предугадал я.

Командир откинулся на спинку кресла: – Да. Сегодня прибыл с молодым пополнением, а завтра ты его заберёшь под своё крыло. Фамилия его...., – дальше командир полка с видимым безразличием назвал фамилию молодого солдата. Фамилия оказалась знакомой и я натужно наморщил лоб, добросовестно пытаюсь вспомнить – Кто это?

– Ну, как тебе, фамилия...? – Через некоторое время, с любопытством наблюдая мои потуги, спросил командир.

– Блин. Фамилия больно знакомая, а вот никак не могу вспомнить хоть одного полковника или генерала окружника с такой фамилией.

– Боря...! – В весёлом изумлении взвился командир, – Ты что, не знаешь эту фамилию?

– Так я и говорю – знакомая фамилия, а вспомнить не могу.

– Ну, ты даёшь! Услышав эту фамилию, люди вскакивают с места и восторженно восклицают – ООООоооооо....., – командир округлил губы и глаза, отчего его лицо мигом стало глупо-восторженным.

– Хорошо..., если это не сынок окружника, а с министерства обороны, то мне чего-то ООООоооо..., говорить совсем не хочется. А наоборот, разочарованно – УУУУуууууу....

– Какое министерство обороны? – Командир откровенно веселился, – ты хоть ни кому не говори, что не знаешь про этих знаменитостей, дебильной деревенщиной выглядеть будешь....

Я в недоумение скорчил рожу и ещё раз попытался вспомнить.

– Боря..., – в отчаянном веселье вскричал командир, – ты хоть телевизор и кино смотришь иногда...???

– Тьфу ты..., японский городовой... Вот это я тупанул, товарищ подполковник, – слова «телевизор» и «кино» сыграли роль кодовых слов и в башке у меня сразу же всплыла целая семейная плеяда артистов, киноартистов, режиссеров, писателей обременённых народной любовью, с кучами вручённых различных премий начиная от Сталинской, Ленинской и кончая Государственной, увешанные различными званиями «Народный артист РСФСР, Народный артист СССР», уж не говорю про многочисленные ордена и можно и дальше вспомнить и другие титулы.

– Погодите, товарищ подполковник, насколько я помню у них только одна дочка – артистка, тоже заслуженная. И всё.

– Ну это, Боря, совершенно не важно – одна, две... Или пять по всему Союзу. Важно то, что у этой знаменитой семьи есть любимый, вот этой дочерью, тоже знаменитой артистки, мальчик, родственник, который и будет служить у тебя. И это она, именно там, в Москве, и подняла в министерстве обороны вот эту нехорошую волну. И мы с тобой, и с ним вместе, теперь будем служить, как под прожектором. Мощным таким и сильным прожектором....

Я нервно забарабанил пальцами по крышке стола, тихо матюкнулся и намекающе спросил: – Товарищ подполковник, а почему я?

Командир улыбнулся иезуитской улыбкой: – А куда и кому? Это ты мне предлагаешь – это тепличное создание отправить служить в танковый батальон? В этот НАРОД? Который он видел из Москвы, и только по телевизору? Чтоб его там научили материться, пить, курить, вульгарно трахать совхозных девок в грязных сараях и боксах и много чего другому....? Это ещё ладно бы, хоть какой-то жизненный опыт получил бы... Но ведь его там мигом зачмырят и прогремим мы на всю нашу демократическую общественность, которой только и дай повод ещё раз в гавно нас окунуть...

– Ну, зачем-то в танковый батальон. У нас ведь кроме артиллерии есть и другие, даже более интеллигентные подразделения... Рота связи, например. Там и бойцы нормальные.

– Какая рота связи? О чём ты говоришь? Если наш полк был бы развёрнутым, то командир роты никогда не стал бы ротным. Ему самому нужна нянька и бойцы там тоже такие же лохи, как он сам. Прапорщика Сергеева даже в расчёт не берём.

Но я продолжал гнуть свою линию: – Товарищ подполковник, ну а зенитчики. Там и офицеров комплект и все опытные.

– У меня претензий к зенитчикам нет. Офицеры на месте и опыта у них не занимать. Но у них методика работы с личным составом совершенно другая, чем у тебя. И я с ними, вернее мы всем полком, ещё быстрее известность получим, чем если его танкистам отдать. Ну, что ты не понимаешь что ли?

Короче, Боря – Всё... Ты мой лимит демократичности исчерпал. Я уже и в дивизию доложил, что ты персонально за него отвечать будешь и они сразу успокоились. Так что иди завтра на сборы молодого пополнения, забирай его, сажай в канцелярии, дай ему линейку, карандаш и пусть он там все два года сидит и учерчивается на хер...

– Не..., товарищ подполковник, слишком вы упрощенно на это всё смотрите. Это мне сейчас нужно чисто вымыть шею, посадить его туда и все два года нести его на своей шее, при этом вытирать ему сопли и наверное задницу тоже...

– Во..., Боря, ты самую суть понял и даже планчик небольшой накидал, где первым пунктом идёт – Вымыть шею...

– Всё вам смешки, товарищ подполковник, а мне отдуваться...

– Нам, Боря..., нам с тобой вдвоём, если что, под жопу и дадут, и на пенсию выгонят...

– Ага, вы уйдёте туда подполковником и командиром полка, а я только майором. Я тоже подполковника хочу получить.

– Ладно тебе хныкать. Во всё этом надо и положительные стороны видеть – зато познакомишься со знаменитой артисткой и ещё хвастать потом этим будешь...

– Да на хрен мне такое знакомство. Как женщину я бы её и трахнул, а как артистка она на мой взгляд совершенно посредственная, а так одни только головняки от неё.

Командир расхохотался во всё горло: – Самое интересное, что ты её и оттрахаешь. Даже не сомневаюсь в этом, и солдатика этого оближешь с ног до головы, и наши борзые Даги в его сторону даже смотреть не будут, зная что это твой солдат и по еблищу получают мигом, если они даже только мирно поздороваться с ним захотят... Всё, Боря иди... Иди, а то пиво нагреется.

Командир отпускаяще махнул рукой, а я предложил: – Товарищ подполковник, может присоединитесь к нам? А?

Подполковник с укоризной посмотрел на меня: – С тобой и с твоими командирами батарей – запросто, а вот с комбатами первого дивизиона – это только себя не уважать.

– Так может..., я сюда притащу пива, рыбки – сядем, расслабимся..., – предложил сразу другой вариант.

– Иди..., иди, Боря. Сплачивай и спаивай свой коллектив..., – и уже когда я был на пороге добавил, – да..., чуть не забыл. Дивизия предупредила, что вот эта артистка приедет сюда недельки через две и обязательно проведает своего любимца-протеже. Так что солдат должен быть всегда чистый и без, не дай бог конечно – синяков.... Про отрицательные впечатления от службы, я вообще не говорю.

Моё появление в канцелярии, встретили хмельным и одобрительным гулом, судя по которому было понятно – ребятишки успели уже влить в себя по литрику и уже слегка расслабляющее поплыли. А я с удовольствием посмотрел на своих комбатов капитана Панкратова и лейтенанта Семухина. Семухин хоть и двухгодичник, но толковый и добросовестный, которому можно было поручить любую задачу. Про Панкратова и говорить не хотелось – любой командир хотел бы иметь такого подчинённого – грамотный, ответственный, просто добросовестный

и я уж не говорю про хороший боевой опыт. Третий комбат у меня был вакант. В первом дивизионе – тоже два комбата, два двухгодичника. Яркие представители «пиджакового» племени. Лейтенант Глазырев – невысокого росточка, худенький, но чересчур активный и бестолковый. Вроде бы не дурак, схватывал всё на лету, но делал как специально всё наоборот. Как говорит мудрая армейская поговорка – «Лучше иметь в подчинении предателя, чем подчинённого дурака. Ещё хуже, когда дурак с инициативой». Там хоть знаешь, что предатель предаст рано или поздно, а вот дурак может подставить в любой момент. Особенно когда он инициативный. Лейтенант Харченко, наоборот длинная дылда, по характеру сангвиник. Этому даже ничего и не поручалось. Бесплезно, только под непосредственным руководством. Так что командир полка был прав. Но ничего, я не командир полка – могу с ними посидеть и попить, тем более что они меня уже обогнали на целый литр и мне надо догонять.

В отличие от меня, офицеры сразу поняли, про кого я говорю, когда рассказал о причине вызова к командиру. Харченко и Глазырев восхитились самой возможностью познакомиться и с отпрыском знаменитой фамилии, и с самой знаменитой артисткой. Мой Семухин озадаченно хмыкнул, а Игорь Панкратов с осуждением посмотрел на «пиджаков» первого дивизиона, коротко и ёмко бросив: – Дебилы...

– И что делать будем? – Спросил Игорь.

Я хорошо отхлебнул пива, на секунду задумался, а потом с досадой ответил: – Что, что...? Завтра пойду его получать и буду думать, как его сплавить...

– Зачем? – Чуть ли не хором и удивлённо спросили Глазырев и Харченко, – ведь приколно, товарищ майор, ни у кого такого солдата нет, а у нас есть...

– Да..., «широка страна моя родная...», – с презрением в голосе проговорил Панкратов, глядя на веселящихся Харченко и Глазырева, а потом злым голосом стал просвещать безлошадных командиров батарей – что такое солдат, особенно такой, какой придёт завтра. А я, под его ворчливо-осуждающий голос, неслышно погрузился в прошлое и перед моим мысленным взглядом как бы строем прошли все бойцы, которыми когда-либо командовал здесь, в Союзе и уже потом, в Вооружённых Силах России. Были они разные и всякие. И хорошие, с которыми легко было служить, и плохие, которых нужно было заставлять служить. Толковые и бестолковые. Холерики и сангвиники. Добросовестные и хитрожопые. Умные и чересчур «вумные», которым «ум» мешал правильно смотреть на жизнь и на службу в армии. Всякие. И все оставили в душе свой след: кто хороший, а кто не очень...

– Борис Геннадьевич, – прервал мои мысли разгорячённый Игорь Панкратов, – расскажите им про своих солдат. Какие они бывают. Про «голубого», который служил у вас, про первого своего солдата здесь в противотанковой батарее, а то они нюх совершенно потеряли. Видели тут и имели дело только с Серёгой Лихачёвым и Серёгой Колчановым, с этими толковыми и преданными бойцами...

Я выслушал горячую речь капитана, поглядел на растерявшихся комбатов первого дивизиона, которых надо учить и учить...

– Хорошо, расскажу... Только про этих потом, а вот мне чего-то вспомнился один солдат, из советского времени. Правда, сейчас уже не помню – еврей он был или не еврей, но фамилия у него была – Пыц. А солдаты переименовывали на Поц, что по-еврейски вроде бы член.

* * *

На следующий день, на сборах молодых солдат я появился в двенадцатом часу.

– Что, Борис Геннадьевич, за «подарком» пришёл? – Засмеялся подполковник Докторович, который был начальником сборов.

– За ним, за ним..., Сергей Юрьевич... Где это чудо природы?

Через пять минут передо мной стоял отпрыск знаменитой актёрской семьи, который меня совсем не впечатлил. Невысокого росточка, худенький, а судя по глазам – ещё и «московский

ботаник»... Блин... И это чадо я должен опекать. Мы должны, всем полком и от него должна зависеть не только моя военная судьба, но и других.

Задав ему несколько простеньких вопросов, мы с начальником артиллерии только убедились в предстоящей непростой службе – у него не было ничего, за что можно было зацепиться и сделать из него нормального солдата.

– Мда...., – это мы оба и одновременно произнесли с начартом и вариант, что он сразу будет дальше работать в нашей канцелярии – отпал сразу. Рано.

Я достал из полевой сумки, чистые будущие блокноты Дальномерщика и Разведчика, ручку с чёрной пастой, линейку МПЛ-50. Всё это разложил на столе.

– Иди сюда, до обеда, вместо строевой подготовки, будешь разлиновывать эти блокноты. Видишь..., рамки на каждой странице уже выполнены и тебе осталось только разлиновать строки по одному сантиметру. Вот линейка, вот ручка с чёрной пастой. А вот блокноты. После обеда я приду и посмотрю. Задача ясна.

Солдат покрутил в руках линейку – Чего тут не понять?

– Понятно, товарищ подполковник....

После обеда я долго и удручённо крутил в руках готовые разлинованные блокноты и, помня, что в таких творческих семьях, рождаются дети с тонкой и нежной психикой, думал – как бы мне культурно высказать своё неудовольствие качеством выполнения простенькой задачи. Но на ум почему-то лезли народные выражения, которые с культурой не имели ничего общего. Очень хотелось слегка, только реально слегка, стукнуть в лоб и спросить – Ты случайно не учился в школе для супер одарённых детей, которых сейчас модно называют дети «Индиго»? А на мой примитивный взгляд так называемые дети «Индиго» неврастеничные, психопатичные, не развитые личности, а по простому, по-русски – ДЕБИЛЫ и нечего тут правду скрывать за красивыми названиями.

– Товарищ солдат, вот это вы считаете, что линии проведены через один сантиметр? – Осторожно спросил своего подчинённого.

Солдат сам посмотрел на меня как на человека, страдающего последней стадией Аутизма, полистал блокнот и недоумённо пожал плечами: – Как сказали про сантиметр, так я и прочертил....

– Хорошо, отставим пока размеры. Ну а здесь... Вы же видите, что тут всё испачкано пастой...., – я разговаривал с ним, как с больным – тихо и спокойно.

Солдат опять посмотрел на меня и в его чистом взгляде проскальзывало не только удивление, типа – Чего вы до меня пристали? Я же всё расчертил.... Там же было и сожаление – Ну и тупой командир у меня....

– Так паста пачкается... Что я сделаю?

Я закрыл глаза и досчитал до десяти.

– Хорошо, товарищ солдат, – голос мой, хоть я и сдерживался, приобрёл гулкость и медность, которые для обычного солдата, как правило, не обещало ни чего хорошего и мне пришлось ещё раз досчитать уже до двадцати. Начальник артиллерии, присутствующий при этом, потом мне рассказывал, – Борис Геннадьевич, я думал что тебя либо сейчас «Кондратий» хватит, такой вид у тебя был, либо канцелярия сгорит от искр, сыпавшихся из твоих глаз. Но, молодец, уважаю – ты сдержался и даже не стукнул его в лоб. Правда, голос у тебя был очень нехороший. Успокаивало одно – квартира у тебя есть, пенсия тоже. Стукнешь..., ну и уйдёшь... на пенсию... Тем более контуженный.

– Хорошо. А почему тогда линии кривые и через линию я вижу ваши пальцы?

– Так получилось, – был безмятежный ответ и я себя почувствовал подпоручиком Дубом перед солдатом Швейком.

– Хорошо, – это было произнесено трубным голосом Ангела оповещающего мир об КОНЦЕ СВЕТА и так громко, что мухи заснувшие на зиму, проснулись и полетели умирать на улицу, – покажите мне на линейке один сантиметр.

Я больше не сомневался. Семья, знаменитой династии отдыхала на этом отпрыске, а если откровенно говорить – она на нём кончалась. Солдат ни секунды не колеблясь, показал вторую половину линейки с делениями масштаба 1:50 000, где каждой большой деление равнялось двумя сантиметрам.

– А это что? – Я повернул линейку другой стороной и показал обычные сантиметровые деления и теперь солдат смотрел на них «как баран на новые ворота». Чтобы не натворить чего-нибудь непотребное, мигом выскочил из канцелярии и умотал к себе в полк. Успокоившись, с бутылкой коньяка, стараясь быть незаметным, только бы не столкнуться с навязанным мне дебилом, я пробрался в канцелярию сборов молодых солдат, где застал хорошо поддатого и очень весёлого Сергея Юрьевича.

– Борис Геннадьевич, садись. Есть повод нажраться, – Доктореви́ч откуда то из-под стола достал ополовиненную бутылку коньяка и плеснул мне в кружку, а я с надеждой спросил.

– Убило что ли бойца или заболел тифом? Нет.... Нет, Сергей Юрьевич, это слишком жестоко... Может, приехала эта артистка и забрала его служить в Москву? Во..., вот это как раз для него..., пусть там Москву и министерство обороны разваливает...

На мои умственные изыски Доктореви́ч шурился загадочно и по доброму: – Всё-то ты, Борис Геннадьевич, понимаешь правильно. Пусть живёт и живут другие. Слава те Господи, ты только ушёл, как за ним приехал целый полковник и увёз его служить в батальон охраны округа. Так что Министерству обороны повезло, а вот командиру батальона охраны – не очень. – Под такой оптимистический мажор я выставил на стол ещё одну бутылку коньяка. А с этих сборов мы подобрали хорошего солдата Селедкова, который был отличной заменой Лихачёву и Колчанову.

Рядовой Пыц

Рядовому Владимиру Пыц, повезло трижды: призвали его в армию последней партией, под самый Новый год. Избежал сборов молодого пополнения с бесконечно суматохой, зубрёжкой Уставов и нудными строевыми занятиями. Я уж не говорю про физические нагрузки, которые могли обрушиться на его неокрепший организм. И сразу попал к нам в батарею, где навечно был зачислен Герой Советского Союза старший лейтенант Борщик и куда специально отбирали личный состав. 90% рядового состава были тоже молодые солдаты, призванные с родной деревни Героя и где их тщательно отбирали на общем собрании всем совхозом миллионером. И молодые сержанты, пришедшие с учебок, тоже показали себя добросовестными и порядочными. А ведь мог попасть в другие батареи, где наоборот до 70% рядового состава были безмозглые азера, которые своим поведением чуть ли с гордостью подчёркивали – Мы спустились с гор за керосином, а нас забрали в армию...

А так пришёл, в течение трёх дней изучил в тепличных условиях основные положения Уставов, отстрелял из автомата контрольное упражнение, Присяга у Боевого Знамени части и покатила рутинная служба. Парнишка вроде бы толковый, не дурак и ничего не предполагало, что у нас и у него могут возникнуть сложности и странности.

Как только он принял Присягу, так сразу же обратился с просьбой отпустить его в увольнение, чтобы позвонить маме и сообщить о данном факте. Ничего в этом особенного мы не видели и солдат в ближайшее воскресенье ушёл в город и вовремя вернулся. Прошло две недели, в течение которых Пыц добросовестно выполнял все свои обязанности и не имел нареканий со стороны сержантского состава, да и нашего. Но ровно через две недели после увольнения, солдат наотрез отказался идти в парк на занятия.

– Товарищ капитан, – бесстрашно заявил он в канцелярии командиру батареи капитану Беденко, – сейчас должны позвонить из строевой части и вызывать меня для оформления документов на досрочное увольнение из Армии.

– Какого увольнения? – Удивился не только комбат, но и мы присутствующие в канцелярии, – солдат, ты только призвался и тебе ещё трубить и трубить....

– Ни как нет, товарищ капитан, – безбашенно перебил комбата рядовой, – я у матери единственный кормилец. Сразу же, после Присяги, сообщил матери о её принятии и вот-вот из военкомата придут необходимые документы на увольнение.

В канцелярии повисла удивлённая тишина. Комбат крякнул, покрутил могучей шеей в тесном вороте рубашки и выдал решение: – Ладно, разберёмся, а сейчас идёшь в парк на занятия. Позвонят, тебя оттуда вызовут...

Но не тут то было, солдат упёрся и наотрез отказался, твердя – что вот сейчас... Сейчас, в течение трёх минут позвонят... Чего он будет бегать из парка в казарму... Сразу оформится и на вокзал. Домой.

Был бы это солдат, прослуживший хотя бы год, да покрепче, Беденко особо бы не рассуждал. И солдат, потирая рукой либо задницу, либо челюсть с радостью, что ничего не сломано, убежал бы впереди подразделения в парк. Но перед нами стоял молоденький солдат, худенький, которого запросто можно было «перешибить соплёй».

– Шиза какая-то, – недовольно пробурчал комбат и пошёл звонить в строевую часть, а вернувшись удовлетворённо объявил, – рядовой Пыц, давай все эти мысли выкидывайте из головы и идите на занятие. В строевой части ничего не знают о тебе. Бред какой-то....

Но солдат залился слезами, сквозь которые всё твердил и твердил – Что если сейчас нету, то через десять минут документы придут.

– Пффффф... – комбат беспомощно пустил воздух через губу и откинулся на спинку стула, после чего кивнув головой на рядового Пыц, распорядился, – Боря, бери его, садись с ним и побеседуй – что там и к чему. Потом доложишь.

История рядового Пыц была простенькая. Призвался из Днепродзержинска и действительно отца не было и воспитывала его одна мать. Когда пришла повестка в армию, мать сказала: – Сынок, идёшь в армию. Как только ты принимаешь Присягу, сообщаем мне и я иду в военкомат и ставлю их в известность, что я инвалид такой-то группы и ты являешься единственным кормильцем. А согласно Закона о всеобщей воинской обязанности, где сказано про единственного кормильца – тебя должны уволить. Вот тебе 50 рублей. Смотри, никуда не трать – на них и поедешь домой.

Володя Пыц солидно достал новенькую зелёную банкноту в 50 рублей и с благоговением продемонстрировал её мне

– Вот так, товарищ прапорщик, – солдат сидел напротив меня и смотрел чистыми, незамутнёнными, детскими глазами, свято веря в рассказанное и в то – что так и будет.

– Хм..., а чего мать сразу не пошла в военкомат? Тебя бы просто не призвали.

– Так, товарищ прапорщик, если бы меня не призвали – это одно дело. Как будто я больной и неполноценный какой-то. А так принял Присягу и уволен из армии по Закону. То есть я в армии служил...

Хм..., ситуация сложилась дурачко-патовая. Солдат отказывался отходить от телефона, стоявшего на тумбочке дневального, дальше пятнадцати метров. Я уж не говорю про занятия и работы. Его можно было только вывести силой или же вынести. Единственно, что он позволял себе – это приём пищи и баня. Всё остальное время блуждание по казарме, причём так, чтобы телефон всегда был в пределах видимости и слышимости. И если звонил телефон, то Пыц срывался с места и оглашено летел на телефонную трель.

– Не подымай трубку... Я сам её возьму... Это мне звонят..., – орал он перепуганному дневальному, такому же молодому солдату. Хватал её и представлялся, – рядовой Пыц слушает...

И разочарованно передавал её дневальному. И ничего мы поделать не могли – Молодой солдат.

– Чего вы там? – Ворчал замполит полка, когда к нему за советом пришёл комбат, – не можете с молодым солдатом справиться? Доведите до него каждую статью Закона о всеобщей воинской обязанности под роспись. Да он заколебается подписывать и сам выбросит эту блажь из головы. Короче, идите, товарищ капитан, и работайте. У меня другие проблемы и более глобальные, чем ваш солдат.

Водили его и к строевику, где капитан шаркал ногами по щербатому паркету и, ёрничая, с серьёзным выражением лица, толковал рядовому: – Товарищ солдат, вот поверьте... Как только придут документы, вот прямо тут же бросаю все дела, звоню вам и в течение пятнадцати минут уволю вас. Не секунды позже. Даже ночью, прибегу в строевую и через пятнадцать минут вы будете уволены...

Беседовали, доходчиво рассказывали, обещали – но всё было бестолку. Солдат ждал своего дембеля. Быстро дембеля и в любую минуту, я уж не говорю секунду.

И мы махнули рукой: – Пусть идёт вечным дневальным и стоит на тумбочке, а ты Боря, срочно письмо в военкомат – пусть проверят его семейное положение и дадут официальный ответ, – вынес решение командир батареи.

Такое временное решение устраивало всех: и рядового Пыц и нас. Теперь он на законных основаниях находился у телефона, предаваясь мечтаньям, как он... Вот сейчас зазвонит телефон и его вызовут в строевую часть, а через пятнадцать минут, как обещал капитан-строевик, он с независимым видом зайдёт в казарму уже свободным человеком, на зависть всем... И как он поедет на эти пятьдесят рублей домой, к маме.

Ходил он через сутки и был рад, что его никуда не дёргают, а в перерыве между нарядами помогал старшине в казарме.

Через три недели пришёл официальный ответ от военкома, в кратком содержании извещающий нас, что по нашей просьбе работник военкомата ходил к матери рядового Пыц с проверкой семейного положения. Действительно Мария Ивановна Пыц, воспитывала сына одна. Действительно является инвалидом такой-то группы и по поводу увольнения сына по этому поводу обращалась в районный военкомат, где ей был дан отказ.

В соответствии с Законом о всеобщей воинской обязанности рядовой Пыц имеет право на досрочное увольнение при таких семейных обстоятельствах только при достижении матерью солдата возраста 55 лет. Сейчас же Марии Ивановне Пыц 53 года и 55 лет она достигнет в июле следующего года. Тогда и будет уволен рядовой. Подпись военкома, печать.

Мы собрались в канцелярии и стали совещаться – Как быть? Отказ от увольнения может запросто «убить» солдата или же подвигнуть его на необдуманный поступок. Скрывать письмо до бесконечности мы не можем. Ну, пару дней, ну..., неделя...

Не говорили рядовому о письме сутки, а за эти сутки подготовили пятерых надёжных солдат-сержантов, которые ни на минуту не должны были выпускать из своего поля зрения Пыц, чтобы он не наделал глупостей. Пригласили его в канцелярию и дали прочитать ответ военкома.

Для него это был страшный удар, когда в один момент, беззвучно разрушились все хрустальные замки, а жизнь повернулась своей неприглядной изнаночной правдой. Рядовой Пыц, прямо на месте, грянул в обморок. Три недели солдат был в депрессии и желал только одного – умереть. Он не хотел жить и служить. Хотел либо сразу умереть, либо заснуть и проснуться через год и столько-то месяцев, чтобы прямо с кровати – встать, взять в руки чемодан и уйти на вокзал. Так все эти три недели не зарастала «народная тропа» к кровати, где он лежал безучастный ко всему. Кто только не сидел у этой кровати в попытке разговорить, расшевелить и заставить его жить. Приходил даже командир дивизии – постоял в сторонке, похмыкал и удалился.

Спустя три недели солдат смирился с участью и встал с кровати, ещё через месяц вроде бы втянулся в жизнь подразделения, но выполнял все свои обязанности солдата, приказы чисто механически и с равнодушием, уйдя глубоко в себя. Но жизнь – есть жизнь и она потихоньку подчиняет себе всё. И летом Володя Пыц наконец то зажил полноценной жизнью.

Зная о том, что у него есть 50 рублей, многие подкатывали к нему, просили взаймы, а азера вообще решили отобрать у него силой и тут Пыц впервые проявил мужскую сущность и насмерть дрался за эту банкноту, превратившийся для него в икону и символ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ и СВОБОДЫ.

Но банкноту банально украли. Украли ночью. А утром на разводе он вышел из строя и громко сказал: – Если завтра..., к утру.... Не вернёте. Я всё равно узнаю, кто это сделал и убью того..., – это было сказано очень сильно и очень убедительно, а на следующее утро эту самую банкноту он обнаружил на своём месте, в военном билете.

Полтора года службы для рядового Пыц прошли благотворно. Из худенького, зажатого юноши, Володя превратился в рослого, красивого и возмужавшего парня, на которого с женским любопытством заглядывались девушки, когда он гулял в увольнении или нёс службу в патруле.

За неделю до 55летия матери, заматеревший рядовой Пыц пришёл в строевую часть и потребовал от строевика заранее подготовить документы на дембель. Капитан долгим взглядом смотрел на борзого военнослужащего, флегматично решая про себя – либо послать бойца подальше, либо подготовить документы. Рассудив здраво, что этот солдат его всё равно задолбает своим дембелем, отрывая от других задач, со вздохом сказал: – Хорошо, приходи вечером – покажу.

Конечно, многие офицеры с других частей, особенно с пехотных, осуждали нашу, как они говорили – «мягкотелость» в отношении данного солдата.

– Чего вы там? – Бурчали они, сидя за столом в совместной компашке, – дали бы в рыло и пусть служит. Вот ещё... А то ходит и требует... Придёт время – уволят же...

Но мы только посмеивались. Артиллерийский полк и офицеры-артиллеристы в работе с личным составом несколько отличались от пехотных, где было всё просто и ясно. А неординарная история с рядовым Пыц стала добрым полковым анекдотом, за ходом которого с интересом следил весь полк.

Документы были готовы, как и обещал строевик и Пыц был удовлетворён их видом, особенно содержанием. Но он выдвинул новое условие.

– Товарищ капитан, я должен буду уволен в 00:01 часов 10 июля – в день рождение моей матери.

Тёртый и матёрый строевик не ожидал такого поворота и даже на секунду растерялся, но тут же пришёл в себя.

– А не много ли ты на себя берёшь, товарищ солдат?

– А что я такого сказал, товарищ капитан? – Пыц был уже дембелем, поэтому мог себе позволить некоторые вольности и даже слегка настоять, – вы вечером у командира полка подписываете документы, ставите печати и в 00:01 10 июля я должен быть уволен. Всё по закону. В это время моей матери стукнет 55 лет. Я ведь ничего лишнего не прошу. Если вы хотите спать в это время, то можете документы отдать дежурному по полку, а он мне их вручит в назначенное время.

Пыц был уверен в своих непробиваемых аргументах, но строевик пришёл в себя и вновь превратился во вёдливого военного чинушу, каким он по сути и был: – Солдат! Если ты тут и мне будешь ставить условия, то я тебя имею право уволить в 23 часа 59 минут 10 июля и формально не нарушу Закона. Даже сам тебе вручу документы. А так ты получишь документы на увольнение в 10 часов утра после развода. Я считаю это нормальным, хотя по распорядку работы строевой части могу уволить с 17:30 до 18:00. Так что выбирай.

Здравомыслия у Пыц хватило не спорить с капитаном и он согласно мотнул головой и 10 июля в 10:01 минуту рядовому Пыц вручили документы на увольнение. Строевик поздравил его и хотел произнести напутственную речь, но был беспардонно остановлен.

– Не надо, товарищ капитан, я сам всё знаю, как мне жить, – и спокойно вышел из строевой части, оставив капитана с открытым ртом и с уязвлённым самолюбием.

– Хоть бы спасибо сказал, Пыц, – крикнул в закрывающуюся дверь строевик.

Дверь вновь открылась и на пороге появился Уволенный: – За что спасибо, товарищ капитан? Вы выполнили положенные обязанности. Я тоже выполнил свои солдатские обязанности....

В канцелярии батареи рядовой Пыц, приложив руку к фуражке, браво доложил командиру батареи о самом факте увольнения и предложил сделать соответствующую запись в Штатно-должностной книге.

Дождавшись окончания записи, под нашими любопытными взглядами, обстоятельно сложил документы во внутренний карман парадного кителя, рядовой Пыц приложил руку к головному убору и рявкнул бравым голосом: – До свидания товарищи офицеры.

Развернулся и ушёл не только с канцелярии, но и из казармы, сухо попрощавшись с внутренним нарядом, оставив в наших душах осадок. Всё-таки пришлось очень много с ним поговорить... Да какой там поговорить? Поняничиться, чтобы он за эти полтора года стал нормальным парнем. Ну, бог с тобой Володя Пыц.

Рядовой Кобылов Кобыл Кобылович

Майора Шаталова, которого менял на противотанковой батарее после Кубы, немного знал и до Кубы. Он и тогда квасил, а сейчас пил «по чёрному», поэтому его и увольняли с армии. Накануне я его выловил в городке в более-менее нормальном состоянии и он клятвенно обещал прийти и сдать батарею. Но не пришёл. А забегая вперёд, скажу – больше его и не видел. По большому счёту принимать то и нечего было. Кадрированный полк, такая же батарея 85 мм противотанковых пушек и один солдат, прослуживший полтора года – Дембель. Семь новеньких ЗИЛ-131, прямо с завода и чтобы их не разграбили, стояли они на складе РАВ, за колючей проволокой, так как своего бокса в батарее не было. Вернее он был. Его построили, и даже завели под крышу, но не достроили. Отсутствовали четверо ворот, не было пола и что самое хреновое половина пола составляло банальное болото, где утонув по кузов насмерть, сидело ещё два батарейных ЗИЛа, древние как гавно мамонта.

Всю недостачу вбил в акты приёма. Пошёл он на хрен. Пришёл бы на сдачу – всё бы решили, а так.... Всё принял уже до обеда, а после него пошёл искать солдата Кобылова, который числился по штату.

Солдат в полку было человек шестьдесят. В основном это были танкисты, а остальные по одному, два человека на подразделения. Жили они в одном расположении, называемый танковый батальон. Зашёл и поинтересовался у внутреннего наряда, где тут рядовой Кобылов и его кровать.

Дежурный, вместе с нарядом сардонически посмеялись над наивностью нового командира батареи, но кровать показали. Обкоцанная, чуть ли не ржавая и погнутая. Наверно, самая херовая кровать дивизии, побывавшая под танком. Такое же рваное и замасленное одеяло, под которым не было простыней. Но для того чтобы постель не выделялась на общем фоне других кроватей, она была этим ветхим одеялом аккуратно заправлена и сверху лежала подушка в серой от грязи наволочке. Ну и такие же полотенца – лицевое и ножное. Разбитая тумбочка и облупленная табуретка, где на сколах запросто можно было посчитать многочисленные слои краски, за счёт которых она и стояла. Кровать была в самом дальнем углу, и поэтому, сливаясь с основным фоном, не выделялась.

– Понятно, а где сам солдат? Где мне его найти и как он выглядит? – Спросил сержанта, предполагая, что тот хотя бы временно к какому-то подразделению причислен и находится на работах. Дежурный снова глумливо ухмыльнулся, что меня здорово скребануло, но своё нарастающее раздражение задавил. Пока было не время ставить себя над этим сержантом. Ещё рано, а прекрасно зная реалия армейской жизни – думаю, что основная моя проверка «на вшивость» сегодня и произойдёт. Тем более, что я её ускорю. Инициативу надо брать в свои руки и напасть первым.

– Так всё же – Где рядовой Кобылов Кобыл Кобылович?

– Товарищ старший лейтенант, вы его не здесь ищите, а в парке. Он там уже три недели живёт? – Ядовито сообщил сержант, а я внимательно и многообещающе посмотрел на дежурного и также многообещающе сказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.